

ИСТОРИЯ

**ЕВРЕИ
В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ
(1917 — 1967)**

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(1917 — 1967)

**ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1917 — 1967)**

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

היהודים בברית-המועצות
(1917—1967)

The Jews in Soviet Russia
(1917—1967)

Перевод с английского Марии Альтман

ציור העטיפה: שרה ברקאי

©

כל הזכויות שמורות
ל"ספריה עליה"
ת"ד 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
נדפס בישראל
1975

דפוס מופת, ת"א

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
1. Реувен Эйнштейн	Советские евреи во второй мировой войне 9
2. Уильям Корей	Правовое положение советского еврейства 38
3. Джозеф Шехтман	Советская Россия, сионизм и Израиль 72
4. Шимон Абрамский	Виробиджанский проект, 1927—1959 гг. 107
5. Шмуэль Эттингер	Евреи в России в начале революции 126
6. А. Нов, Жд. Ньют	Еврейское население СССР: демографическое развитие и профессиональная занятость 147
7. Хоне Шмерук	Литература на идиш в Советском Союзе 197
8. Иегошуа Гильбоа	Литература на иврите в Советском Союзе 249

ОТ РЕДАКЦИИ

В предлагаемой книге представлены избранные статьи из сборника "Евреи в Советском Союзе после 1917 года", который вышел под редакцией Лайонела Кочана в издательстве "Оксфорд университаи пресс, Лондон, Нью-Йорк, Торонто", в 1970 году. Через год эта книга была также издана в Париже на французском языке, а затем на английском появилось ее второе издание.

Сборник был подготовлен к пятидесятилетию советской власти. Целью составителей было осветить положение еврейства СССР, его общественную структуру, историю и культуру за 50 лет под властью Советов.

Все статьи этого сборника написаны до 1967 года и, естественно, отражают обстановку, условия и результаты исследований до этого года. Мы считаем, что и в таком виде материал сборника представляет значительный интерес для читателя, так как помогает понять причины, приведшие в конце 60-х гг. к национальному пробуждению советского еврейства.

Проблемам, связанным с этим значительным явлением нашей эпохи, мы надеемся посвятить в будущем специальный выпуск.

РЕДАКЦИЯ БИБЛИОТЕКИ "АЛИЯ"

**СОВЕТСКОЕ ЕВРЕЙСТВО
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

В середине 1930-х годов прогресс советского еврейства как национальности достиг своего зенита. Но воздействие двух сил задержало его дальнейшее развитие. Первую силу породило возрождение русского национального империализма или, как Ленин его называл, — великодержавного шовинизма. Когда исчезла надежда на мировую революцию и когда Сталин объявил о возможности построения социализма в одном Советском Союзе, новое поколение русских коммунистов снова стало считать свой народ не отсталой частью западного мира, а народом, призванным играть исключительную роль в истории человечества. Практически, например, возвращение к методам русского империализма в области национальной культуры выразилось почти символически: во введении в 1937—40 годах кириллицы вместо латинского алфавита, которым ранее был заменен арабский алфавит у мусульман, а также для бесписьменных ранее отсталых племен Сибири.

Евреи, безусловно, не были единственным народом, права которого оказались урезаны под административным и культурным влиянием возрождения русского национального сознания¹. Они не были также единственной национальностью, коммунистические лидеры и интеллектуальная элита которой были в большой мере уничтожены во время чисток по сфабрикованным обвинениям в буржуазном национализме. Но в отличие от других национальностей, которые пострадали в этот период, права советских евреев были еще больше ущемлены благодаря тому, что Сталин воспользовался традиционными антисемитскими предрассудками и чувствами. Ими он манипулировал сначала, чтобы выиграть свою борьбу

с Троцким и его сторонниками внутри партии, а затем — чтобы укрепить свое положение абсолютного диктатора путем умиротворения националистических стремлений и надежд русского народа.

Таким образом, советского-германский пакт был заключен в самый критический момент в истории советского еврейства. Нет сомнения, что большинство русских, украинцев, белорусов было согласно с политикой Сталина, стремившегося не вступить в европейскую войну, и считало, что этот пакт полностью оправдан, принимая во внимание политику, проводимую правительствами Англии и Франции. Ибо, помимо их личных воспоминаний об ужасах войны, у них было подсознательное чувство, что во всех войнах в истории России они были пушечным мясом для происков эгоистического Запада. Советское-германский пакт оскорбил сознание идеалистически настроенного марксистского меньшинства, но не массы членов партии и народа в целом. Что же касается чувств и реакции советских евреев, мы все еще недостаточно знаем о них. Но, очевидно, значительно больше евреев, чем неевреев, критически относились к самому пакту и его влиянию на жизнь в Советском Союзе. Они не могли не тревожиться, читая, например, в журнале "Безбожник" от 5 мая 1940 года статью корреспондента, который незадолго до этого посетил Германию. В ней доказывалось, что наступление нацистов на еврейскую религию был главным достижением Третьего рейха; поэтому долгом советских атеистов было помогать новым политическим союзникам в их борьбе против религии.²

Пожалуй, лучшую оценку этого периода дал еврей Марк Галлай, который несколько лет назад считался ведущим летчиком-испытателем.

"Странными, непонятными для нашего поколения были двадцать два месяца между заключением с Гитлером договора о ненападении и началом войны", — вспоминает он.

"Многое представлялось нам необъяснимым, диким, противоестественным. Причем сомнения вызывал

прежде всего не сам факт заключения договора: всем было ясно, что ничего другого при сложившихся обстоятельствах не оставалось. Договор большинство из нас воспринимало, как горькое лекарство — противно, но нужно. Однако дальше начались вещи совсем уже непонятные. Фашистов перестали называть фашистами — ни в печати, ни в мало-мальски официальных докладах и речах найти это слово стало невозможно. То, в чем мы с комсомольского, даже с пионерского возраста привыкли видеть враждебное, злое, опасное, — вдруг оказалось как бы нейтральным. Это не формулировалось прямо словами, но влезало в души с фотографий, на которых Гитлер был снят рядом с Молотовым, из сообщений о советской нефти и советском хлебе, который утекал от нас в фашистскую Германию, даже из введенного тогда же "прусского" строевого шага".³

Григорий Бакланов в своем романе "Июль 1941" дал полную драматизма картину того, что значило быть преданным еврейским коммунистом в эти двадцать два месяца. В этом романе, который появился в 1965 году, разбираются более смело, чем в других произведениях русской литературы, вышедших до этого, причины катастрофических поражений Советского Союза в 1941 году. Одной из центральных фигур романа является полковой комиссар Бровальский, чью веру в Сталина не поколебали даже откровения брата, офицера Красной Армии с высоким чином, арестованного во время чисток, но впоследствии освобожденного. В критические месяцы 1941 года Бровальский был политруком пехотного корпуса, размещенного на советско-германской границе. За несколько дней до нападения нацистов он едет в отпуск в Москву, зная о немецких военных приготовлениях и об отказе командующего армией принять самые необходимые предупредительные меры, подчиняясь приказу Кремля. В последний вечер своего отпуска он сидит со знакомой девушкой в ресторане, где разыгрывается следующая сцена:

"В тот самый вечер, когда поднимался по лест-

нице немец и всех поспешно оттеснили, очищая проход, Бровальский ужинал с дамой в ресторане. Их столик был близко к дверям. В ресторан вошли два немца. Летчики. Они огляделись и направились к их столику, где были свободные места. И один из них уже галантно улыбался даме и отраженно Бровальскому, прежде чем спросить разрешения сесть. Ничего приятного, кроме испорченного вечера, который по вполне понятным причинам ему хотелось провести вдвоем, эти немцы с собой не несли, но тем не менее, когда один из них улыбнулся, Бровальский и на своем лице почувствовал готовность к улыбке: они были здесь гости и по новому договору — друзья, а он хозяин, в некотором смысле представитель страны. И вот этой улыбке и готовности встать и предложить им стулья он до сих пор простить себе не может. Немцы вдруг остановились, и тот, что улыбался только что, сказал достаточно громко по-немецки:

— Стой, Курт! Здесь сидит еврей. Пойдем отсюда.

И они пошли в глубину зала. Бровальский до крови прокусил себе губу, чтобы не подойти и не дать по морде. Будь это несколько лет тому назад, он бы не задумался. Но за эти годы привычка соразмерять свои действия с чьим-то незримым регламентирующим мнением, которое, пусть даже и не высказанное в данном случае, все равно существует как некий незримый эталон, — эта привычка видеть вещи не своими глазами уже вошла в кровь. Он, полковой комиссар, бьет в ресторане летчика дружественной державы... И он сидел, облитый позором, мужчина, не трус, физически сильный человек, полковой комиссар советской армии. Они, фашисты, в чужой стране вели себя как дома, а он, у себя дома, должен был учитывать нежелательные последствия".⁴

Неестественные двадцать два месяца кончились в первые часы 22 июня 1941 года, и, выражаясь словами официальной советской истории войны, советские люди не могут забыть трагедии первого дня войны и не забудут ее. Они не забудут ее не только потому, что на рассвете этого дня был совершен беспрецедент-

ный акт предательства по отношению к нашей миролюбивой стране, но также и потому, что последствия этого неожиданного нападения были слишком суровыми.⁵ Последствия, по официальным данным Советского Союза, выразились в потере свыше 20 миллионов человек в результате сталинских чисток и прочетов.

Под влиянием страшных поражений на первой стадии войны Сталин разрешил советскому еврейству, как народу, снова поднять свой голос. 24 августа 1941 года Соломон Михоэлс, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, красноармеец Еремей Кузнецов, русский ученый академик Петр Капица, Сергей Айзенштейн, академик Борис Япан, Самуил Маршак, Илья Эренбург и Шахно Эпштейн выступили в Москве и говорили с гордостью о своей принадлежности к еврейскому народу, который нацисты избрали главной мишенью своей ненависти. Впервые после 1918 года прозвучал голос русского еврейства в принятом на собрании обращении к братьям евреям во всем мире:

"Братья евреи во всем мире!

Многие европейские народы и страны уже растоптаны и истекают кровью под разбойничьим сапогом гитлеризма.... Если в порабощенных странах кровавый фашизм ввел свой "новый порядок" при помощи ножа и виселицы, при помощи огня и насилия, то в отношении еврейского народа кровавый гитлеризм наметил бандитскую программу полного и безусловно уничтожения евреев всеми доступными фашистским палачам средствами... Голос пролитой крови требует не постов и молитв, а мести! Не поминальных свечей, а пламени, в котором палачи человечества должны быть уничтожены. Не слезы, а ненависть и сопротивление извергам и людоедам. И не на словах, а на деле. Сейчас или никогда!

На протяжении всей трагической истории нашего многострадального народа — от времен римского владычества до средневековья — не найти периода, который можно сравнить с тем ужасом и бедствием,

которые принес фашизм человечеству и с особенным остервенением — еврейскому народу...”

И далее:

“На обгаренных кровью полях Советского Союза коричневая чума, принесшая всему миру только слезы и горе, муки и отчаяние, должна найти себе могилу навсегда! Красная Армия в битвах с палачами народов — гитлеризмом — рождает героев, подобных которым не знает история человечества. И в перечне славных мы с гордостью читаем имена евреев. Мы с гордостью отмечаем имена наших соплеменников среди тех, кто дерется с гитлеровскими бандитами в воздухе, на море и на земле, мы с глубоким восхищением встречали их имена среди партизан...”

Лишь после Октябрьской революции русские евреи могли доказать миру и самим себе, что, несмотря на свое мирное прошлое и на отсутствие постоянной военной традиции, они обладают и смелостью, и военным искусством. Они не только дали русской революции своего Карно в лице Льва Троцкого, но и Якир, Штерн, Эйдеман, Фельдман и Гамарник были военачальниками, роль которых в гражданской войне ставила их в один ряд с такими легендарными деятелями, как Блюхер, Гай, Котовский, Тимошенко, Примаков, Путна, Чапаев или Щорс. Более того, в отличие от многих знаменитых героев гражданской войны, которые не пошли дальше партизанских вожаков, еврей-командиры оказались способными как к интеллектуальному, так и к военному росту. Именно эти качества связали личной дружбой маршала Тухачевского, замечательного интеллигента, с командирами-евреями. Можно сказать, что они все принадлежали к сравнительно небольшой группе руководителей Красной Армии, которая заложила фундамент современной советской военной машины. Например, во время маневров летом 1935 года на Украине, когда Красная Армия поразила западных военных наблюдателей спуском на парашютах и приземлением 3000 человек, командовал этой операцией Иона Эммануилович Якир, еврей из Кишинева.

В июне 1937 года Сталин уничтожил Тухачевского. Та же участь постигла и Якира, Фельдмана, Эйдемана, Гамарника, литовца Путну, поляка Уборевича и русского Примакова. Только Григорий Штерн уцелел из всей группы военачальников. После возвращения из Испании, где под именем генерала Клебера он был главным советником республиканской армии в 1936—37 годах, Штерна направили на Дальний Восток начальником штаба армии маршала Василия Блюхера. Когда в 1938 году японцы захотели испытать решимость Кремля сопротивляться агрессии и заняли важные высоты на советской стороне озера Хасан, Блюхер послал Штерна во главе частей Красной Армии, оказавшихся лицом к лицу с врагом. Понимая важность этой операции, Сталин послал еврея Лазаря Мехлиса, заместителя народного комиссара обороны, в качестве наблюдателя за деятельностью Штерна. В августе 1938 года Штерн блестяще закончил операцию, разбил японцев, был награжден орденом Красного Знамени и выдвинут на пост заместителя командующего армией. Решив смыть позор поражения, японцы летом 1939 года пересекли реку Халхин-Гол и заняли монгольскую территорию. Штерн был в это время главнокомандующим советскими дальневосточными силами после расстрела Блюхера по приказу Сталина в ноябре 1938 года. Вместе с командиром корпуса Григорием Жуковым, который был его заместителем, он нанес японцам решающий удар такой силы, что этим, очевидно, можно было объяснить решение Японии остаться нейтральной после нападения Гитлера на Советский Союз.⁶ Важную роль в этой битве играли советские воздушные силы под руководством командира корпуса Якова Смушкевича, литовского еврея. Под именем генерала Дугласа он командовал республиканским воздушным флотом в Испании в 1936—37 годах. Его личная храбрость и руководство битвой у Гвадалахары принесли ему звание Героя Советского Союза. Штерну и Жукову присвоили это звание за победу на Халхин-Голе. Смушкевичу его присвоили дважды — беспрецедентный

случай в то время. Штерн умер при таинственных обстоятельствах в 1940 году во время финской кампании. Смушкевича, однако, назначили в 1940 году главным командующим воздушным флотом и присвоили ему звание генерал-лейтенанта, когда Сталин вновь ввел офицерские звания, что долго считалось символом царской армии. Таковы вкратце были основные военные достижения советского еврейства, начиная с Октябрьской революции и до нападения Германии на Россию. Когда началась война, евреи внесли свой вклад в окончательную победу. Этот вклад был "великим и значительным как количественно, так и качественно", по словам еврейского историка Якова Кантора.⁷

Для того, чтобы установить степень участия евреев в советских вооруженных силах, проследим выводы Кантора, ибо никакой официальной советской статистики по этому вопросу до сих пор не опубликовано. По переписи 1939 года, три миллиона евреев в количественном отношении занимали седьмое место после русских (99.619.900), украинцев (26.670.400), белорусов (5.267.400), узбеков (4.844.000), татар (4.300.000), казахов (3.020.100). Но почти миллион советских евреев попал в руки фашистов в течение первых шести месяцев войны; таким образом, оставалось только 2 миллиона, из которых можно было черпать людские резервы для советской армии. По той же переписи 65% всех советских евреев были взрослыми в 1939 году. Если предположить, что 65% из 2 миллионов евреев, оставшихся на неоккупированной территории, тоже были взрослыми, то тогда весь резерв людских сил советского еврейства через несколько месяцев после начала войны составлял 1.300.000 мужчин и женщин. Даже если половина этого общего числа были мужчины, то их было всего 650.000 человек. Однако по сведениям, собранным Еврейским антифашистским комитетом, а также по документам Московского музея советской армии, можно заключить, что почти полмиллиона евреев служили в советских вооруженных силах в войне против нацистской Германии. Очевидно, многие из них были добровольцами.

Не менее впечатляющим является их участие в военных действиях. Кантор приводит имена 121 человека, награжденного высшим советским званием — званием Героя Советского Союза, но он уверен, что общее число было даже выше. По количеству Героев Советского Союза евреи занимают пятое место после русских, украинцев, белорусов и татар, опережая более многочисленных узбеков и казахов. Что касается других военных орденов и медалей, — здесь евреи также занимают пятое место после русских, украинцев, белорусов и татар. Более того, анализ общего количества наград, полученных ведущими советскими национальностями по отношению к их численности показывает, что евреи, получившие 160.772 ордена и медали, т. е. 5.369 на каждые 100.000 мужчин, женщин и детей, занимают четвертое место после русских, украинцев и белорусов и находятся впереди татар.⁸

Какими бы внушительными ни были эти цифры, они все же не дают полного впечатления о доблести евреев, о той особой роли, которую они играли в некоторых решающих военных операциях. Так, по данным Кантора, в группе, состоявшей из 900 офицеров и солдат, награжденных званием Героя Советского Союза за ту роль, которую они играли в сентябре 1943 года при форсировании Днепра и наведении предместных укреплений на западном берегу, русских было 607 человек, украинцев — 181, евреев — 27, татар — 9, казахов — 8 и других национальностей Советского Союза — 68. В этой операции особая оперативная бригада под командованием генерал-лейтенанта Сердюка сыграла решающую роль. Майор А. А. Влоштейн, который командовал одним из батальонов этой бригады, был награжден званием Героя Советского Союза за военные заслуги в этой операции. Еще один еврей, сын гомельского ремесленника, сержант Нахум Желудов, пересек Днепр со своим подразделением под огнем противника. Он держался семь дней и ночей на западном берегу до тех пор, пока не прибыло подкрепление. Ему тоже присвоили звание Героя Советского Союза.⁹

Вклад советских евреев в победу был особенно высоким вследствие большого числа офицеров среди военнослужащих-евреев. Это объясняется главным образом тем, что число людей со средним и высшим образованием было значительно выше среди евреев, чем среди других национальностей. Нет никаких официальных данных о количестве офицеров-евреев, но известно, что было несколько сот полковников и подполковников. Генералов-евреев насчитывалось свыше пятидесяти.¹⁰

Еврейские генералы и полковники играли важную роль как командиры боевых и главным образом механизированных подразделений, а также как инженеры, танкисты и артиллеристы. Генерал Рейтер, например, командовал в течение некоторого времени армейской группировкой на Брянском фронте. Генерал-майор Крейзер командовал 1-й Московской моторизованной стрелковой дивизией в летних боях 1941 года. В начале июля он отразил атаку подразделений 4-й танковой армии фельдмаршала фон Клюге, которые форсировали Березину под Борисовом, и сорок восемь часов сдерживал их наступление. В решающих битвах за Москву он командовал 3-й армией. В декабре он перешел в наступление против немцев, пытавшихся окружить советскую столицу с юга, и одержал победу у Ельца. В 1943 году, после битвы под Сталинградом, он командовал 51-й армией, участвовавшей в освобождении Донбасса. В апреле 1944 года его 51-я армия штурмовала главную линию немецкой обороны на Перекопском перешейке и сыграла решающую роль в освобождении Севастополя. Через несколько месяцев армия Крейзера, теперь часть армейской группировки 1-го Прибалтийского фронта, перешла в наступление в Литве и помогла блокировать северную группу гитлеровских военных сил в Латвии и Эстонии.¹¹

Генерал-майор Лев Михайлович Доватор, чей кавалерийский полк был одним из главных украшений военных парадов на Красной площади в мирное время, вторгся со своим 2-м Гвардейским кавалерийским корпусом глубоко в тыл врага в то время, когда страх

попасть в немецкий "котел" парализовал многих командиров и солдат Красной Армии. Он погиб, командуя своим корпусом, в первом успешном наступлении советской армии, после поражения немцев на подступах к Москве.¹² Доватор не был единственным евреем на посту командира кавалерии. Полковник Ефим Попов, несмотря на типичную русскую фамилию, тоже был евреем; полк казаков под его командованием вселил ужас в сердца многих немцев.¹³

Пласков, который получил начальное образование в минском хедере, а затем в высшей религиозной школе, закончил войну в качестве командира артиллерии 2-й Гвардейской армии генерал-полковника (ныне маршала) Богданова, которая штурмовала Берлин с запада.¹⁴

Бескин был командиром артиллерии 65-й армии. 10 января 1943 года, имея в своем распоряжении 7000 пушек и минометов, он начал обстрел, который привел к разрушению оборонительных укреплений фон Паулюса на подступах к Сталинграду и к его капитуляции 31 января.¹⁵

Кривошеин, сын еврея-часовщика из Воронежа, начал военную карьеру в 1-й конной армии Буденного. В октябре 1936 года он прибыл в Испанию вместе с 29 другими советскими офицерами-танкистами и 50 танками, и в битве под Гвадалахарой в марте 1937 года он вместе с другими командирами-танкистами, среди которых было несколько евреев, задержали наступление армии Франко на Мадрид. Он командовал моторизованным корпусом в начале советско-германской войны, а в июле 1941 года чуть не взял в плен Гудериана. Его части разбили штаб командующего германским танковым корпусом возле города Пропойска и захватили автомашину Гудериана с его личными вещами. Во время заключительных операций, которые привели к падению Берлина, корпус Кривошеина входил в группировку армии 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова и первым ворвался в Берлин, столицу Третьего рейха.¹⁶

Самым видным офицером военно-воздушных сил был маршал авиации Яков Смушкевич. Он родился в бедной еврейской семье в Литве, работал грузчиком, пока не вступил в 1918 году в Красную Армию в возрасте 16 лет. В войне против Германии он отличился как командир военно-воздушных сил на Ленинградском и других фронтах, но он не угодил Сталину и исчез еще до окончания войны. Смушкевич был реабилитирован лишь в 1963 году, слишком поздно, чтобы его имя было упомянуто в советской шеститомной официальной истории войны.

Число евреев в советских военно-воздушных силах, должно быть, было значительным по отношению к общему числу евреев в советских войсках, если взять за критерий количество евреев в воздушном флоте, получивших самые высокие советские награды за доблесть. Среди евреев Героев Советского Союза было несколько женщин: Полина Гельман, Зина Гофман, Лиля Литвак, Рахиль Злотина. Они служили в женском авиационном полку, сформированном в 1941 году Героем Советского Союза Мариной Расковой. Женщины летали на небольших деревянных самолетах Р-2, используемых в качестве ночных бомбардировщиков, или доставляли боеприпасы военным частям, попавшим в окружение, а также на передовые укрепления и партизанам в тылу врага. Любовно прозванные красноармейцами "кукурузниками", эти высокоманевренные самолеты внушали ужас немецкой пехоте из-за ночных рейдов на небольшой высоте с осколочными бомбами на борту. Полина Гельман, родившаяся в бедной еврейской семье из Гомеля, совершила 260 вылетов на этих "кукурузниках".¹⁷

Среди евреев-летчиков, возможно, самыми известными Героями Советского Союза являются Михаил Плоткин и Генрих Гофман. Капитан Плоткин, сын сапожника в белорусском местечке, был одним из пяти офицеров авиации, награжденных этим званием после успешного налета на Берлин 7 августа 1941 года. Бомбардировщик Плоткина много лет экспонировался в Музее обороны в Ленинграде. На нем была надпись:

"На этом самолете летал Герой Советского Союза Михаил Плоткин, первый советский летчик, бомбивший Берлин еще в 1941 году".¹⁸

Гофман был награжден этим званием за 160 операций, совершенных эскадрилей штурмовиков ИЛ-2 под его командованием.¹⁹

Меньше всего евреев служило в военно-морских силах. Но все же среди них свыше 3000 матросов и солдат морской пехоты были награждены орденами за доблесть. Три командира подводных лодок — Израиль Фисанович, Исаак Каба и Абрам Свердлов были награждены званиями Героя Советского Союза.²⁰

Однако их имен и имен многих других героев не найти в шести томах "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.". В качестве примеров личного героизма авторы этого монументального труда выбирали мужчин и женщин с чисто славянскими фамилиями. Все другие национальности пострадали от этого, а евреи, возможно, в несколько большей степени. Но следует отдать должное авторам, что они все же включили имена четырех евреев: Ефима Моисеевича Фомина, Арсения Моисеевича Раскина, Матвея Вайнруба и Цезаря Львовича Куникова.²¹

Подполковник Вайнруб — он был в то время в этом звании — принимал настолько большое участие в защите Сталинграда, что маршал Чуйков несколько раз упоминает его в своих мемуарах, так же как и А. А. Самсонов в своей книге "Сталинградская битва", официально принятой как ее история. После снятия с поста командира бронетанковых войск 62-й армии полковника Волконского Чуйков назначил на его место Вайнруба. В сентябре 1942 года Вайнруб с несколькими танками остановил немцев на пути к Волге в районе пристани центрального парома. Это позволило дивизии Родимцева пополнить поредевшие ряды защитников города. В октябре Вайнруб снова помешал фон Паулюсу нанести решающий удар по заводу "Красный Октябрь". В этом же месяце три его танка и 50 стрелков задержали продвижение немцев между

заводами "Баррикады" и "Красный Октябрь", остановив их на расстоянии около 350 метров от берега Волги.²²

После победы под Сталинградом 62-я армия Чуйкова была переименована в 8-ю армию, чем подчеркивалась ее принадлежность к отборным войскам. Вайнруб, теперь генерал-майор, командовал ее бронетанковыми войсками во время освобождения Донбасса, штурма Запорожья и освобождения Одессы. В июле 1944 года 8-я Гвардейская армия, поддерживаемая 1-й Польской армией, преодолела линию обороны противника на реке Буг и достигла Вислы. Танки Вайнруба возглавили наступление армии Чуйкова, которая прошла почти 280 километров за 12 дней.

Когда 14 января 1945 года началось следующее решающее советское наступление, армия Чуйкова снова шла по кратчайшему пути к Берлину. Вайнруб был ранен на подступах к Лодзи — в третий раз после начала войны, — но он снова командовал бронетанковыми войсками в последнем и решающем наступлении на Берлин. На первом этапе этой операции он был ранен в четвертый раз возле крепости Кюстрин на Одере.²³

Самым легендарным из четырех евреев-командиров был майор Цезарь Львович Куников. Официальная советская историография, которая часто лишь в нескольких строках упоминает об операциях целых армий, посвящает в 3-м томе три страницы Куникову и его предместному укреплению на Малой Земле.

Чтобы отрезать отступление немецких и румынских войск с Северного Кавказа в Крым, советское верховное командование решило захватить Новоросийск, высадив войска с моря. Операция была осуществлена ночью 4 февраля 1943 года. Главные наступательные силы в количестве 1500 человек и 16 танков высадились у Южной Озерки, но были отброшены. Подкрепление в 800 человек под командованием Куникова высадилось в то же время к югу от рыбацкого поселка Станички, предместья Новоросийска. К утру они закрепились на предместном укреп-

лении шириной четыре километра и глубиной два с половиной километра. В течение семи месяцев они отражали неоднократные атаки врага. Куников был ранен и умер в полевом госпитале. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза и поселок Станичка был переименован в Куниково по просьбе его жителей.

Никакая история военных заслуг советского еврейства в войне против нацистской Германии не будет полной без упоминания о вкладе евреев в партизанскую войну. По официальным данным советской истории войны, "общее число советских партизан составляло примерно 860.000 человек".²⁴ Конечно, неизвестно, какой процент из этого числа составляли евреи, но по скромным подсчетам евреев, которые сражались во второй половине 1943 года в советских, польских и самостоятельных еврейских партизанских отрядах, действовавших на советско-польской границе, их было около 20.000. Естественно, невозможно установить, сколько было советских евреев и сколько было польских.²⁵ Так как в этом районе в 1943 году оставалось в живых только 250.000 евреев, то процент еврейских партизан был явно очень высоким. Их было бы значительно больше, если бы советская партизанская война в 1942 году была такой же развернутой, какой она стала позднее, в 1943 году. Годом раньше значительное число евреев еще было в живых в гетто и трудовых лагерях Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии.

Но цифры — это еще не все. Евреям часто принадлежала инициатива в создании партизанских отрядов, они составляли ядро, из которого возникали бригады и даже дивизии. Достаточно прочесть мемуары таких советских партизанских командиров, как Г. М. Линьков, П. Вершигора, А. Ф. Федоров или поляк Юзеф Собесяк, чтобы понять, что советские и польские евреи участвовали в большинстве партизанских отрядов и играли выдающуюся роль как бойцы, разведчики и командиры.²⁶ Даже авторы официальной советской истории войны, для которых евреи просто не существуют как национальность, не могут не упо-

мянуть еврейских имен, говоря о размахе партизанской деятельности. Так, во втором томе мы читаем, что 20 декабря 1941 года, когда Красная Армия освободила Волоколамск, отбросив немцев от Москвы, первые советские солдаты, которые вошли в город, нашли на виселице на центральной площади города семь повешенных юношей и девушку. Это была группа московских комсомольцев, посланных со специальным заданием в тыл врага и попавших в руки немцев. Один из них — Н. С. Каган. В четвертом томе мы дважды встречаем имя Л. Е. Беренштейна, командира отряда имени Пожарского, который он вел из Белоруссии через Польшу в Словакию, чтобы помочь словакам, восставшим против немцев. Но, может быть, дух советско-еврейских партизан лучше всего выразился в действиях красноармейца Владимира Эпштейна, который совместно с Александром Шаровым из Краснодара и Дмитрием Волковым из Запорожья совершил побег из Освенцима 7 июня 1944 года. Они шли пешком 24 ночи на восток, сформировали партизанский отряд из семидесяти русских, украинцев, поляков и евреев и назвали его "Народные мстители". Под командованием Эпштейна отряд сражался в Польше до 15 января 1945 года, до тех пор, пока советские войска не достигли его расположения. Среди трофеев, представленных Эпштейном командованию советских войск, были расчетные книжки 120 убитых эсэсовцев.²⁷

В середине августа 1941 года Генрих Эрлих и Виктор Альтер, руководители Бунда в Польше, искавшие убежища на советской территории, были приговорены советским судом к смертной казни. Их обвиняли в подрывной деятельности против Советского Союза. Однако смертный приговор был заменен десятью годами в трудовых лагерях, так что они оба смогли воспользоваться действием польско-советского договора, подписанного 30 июля 1941 года в Лондоне. Их освободили вместе с группой польских политических деятелей, специалистов и офицеров, привезли в Москву и поселили в гостинице "Метрополь". Спустя не-

сколько дней их посетил полковник Аркадий Волковыский, один из приближенных Берии, видимо, еврей. Он просил обоих социал-демократов забыть тюремное заключение и смертные приговоры и помочь Советскому Союзу в общей борьбе против нацистской Германии. По мнению советского правительства, как сказал Волковыский, евреи за границей и особенно евреи в нейтральных Соединенных Штатах, могут внести огромный вклад в борьбу Советского Союза. С этой целью надо создать Всемирный еврейский комитет во главе с Эрлихом и Альтером.

Оба приняли предложение Волковыского и через несколько дней подали ему список евреев, которых, по их мнению, следовало ввести в комитет. После этого их пригласили к Берии, который их тепло принял, согласился с их предложениями и попросил написать Сталину о целях и функциях предполагаемого Всемирного еврейского комитета. В тот же день оба руководителя Бунда написали Сталину. Ответа не было. В октябре их эвакуировали в Куйбышев, где их несколько раз посетил другой представитель Берии, Хазанович, для обсуждения деталей организации предполагаемого комитета. Но в декабре Эрлиха и Альтера внезапно арестовали и расстреляли по личному приказу Сталина. Он за это время прочел их письмо и вспомнил, что они, будучи лидерами меньшевиков, были против большевистской революции в 1917 году. Их судьба была решена им еще в то время, когда не был известен исход битвы под Москвой.²⁸

Однако, несмотря на казнь Эрлиха и Альтера, Сталин и Берия не оставили мысли о создании еврейской организации, способной влиять на евреев в Соединенных Штатах и Англии в пользу Советского Союза. Вместо Всемирного еврейского комитета был официально учрежден 6 апреля 1942 года Еврейский антифашистский комитет под председательством Соломона Михоэлса. После конференции, на которой присутствовали якобы делегаты от всего еврейского населения Советского Союза, состоялось первое пле-

нарное заседание Комитета и начала выходить газета "Эйникайт".

В Советском Союзе Комитет всемерно содействовал мобилизации советских евреев для борьбы против нацистской Германии. За границей он на примере героизма и самопожертвования советского еврейства требовал от американских, английских и других евреев подобной же готовности бороться и умереть в общей войне против гитлеровского "нового порядка". Вскоре после создания этого Комитета Соломон Михоэлс и Ицик Фефер отправились в Англию и Соединенные Штаты, где они способствовали сбору денег в помощь Красной Армии и советским гражданам.

Само существование Еврейского антифашистского комитета было величайшей уступкой Кремля советскому еврейству. Ибо это была организация, представлявшая всех советских евреев, независимо от их политических и религиозных убеждений. При царизме русскому еврейству никогда не разрешалось иметь подобной центральной организации, лишь в период между июлем 1918 года и апрелем 1919 года существовал центральный комитет русских евреев, но он был распущен под совместным нажимом Сталина, в то время народного комиссара по делам национальностей, и Самуила Агурского из еврейского комиссариата (евкома). По мере приближения победы Еврейский антифашистский комитет постепенно переставал быть лишь инструментом политики Кремля и стал организацией, пытавшейся разрешить проблемы советского еврейства во время войны, включая проявления антисемитизма и проблемы будущего советского еврейства после войны.

За три года своего послевоенного существования Комитет сыграл выдающуюся роль в деле восстановления и поощрения еврейской культурной жизни. Более того, когда и где только это было возможно, он помогал оставшимся в живых и эвакуированным евреям, возвращавшимся в свои родные города и местечки, разрешать наболевшие житейские проблемы. Но руководителям Комитета скоро стало ясно, что для

того, чтобы устоять в атмосфере холодной войны, он должен оправдать свое существование перед Кремлем, став центром левых евреев во всем мире. Фефер поэтому предложил созвать всемирную конференцию евреев для обсуждения необходимости непрерывной борьбы с фашизмом, мер против антисемитизма и проблемы Палестины. Всего за несколько недель до роспуска Еврейского антифашистского комитета он писал в "Эйникайт", что Государство Израиль интересует не только сионистов, а "весь еврейский народ". Таким образом, он требовал для советского еврейства права на участие в формировании будущего характера Израиля.²⁹ Но за провозглашение существования широкого движения мирового еврейства, пусть поздно, т. е. осенью 1948 года, Фефер поплатился жизнью в августе 1952 года.

К тому времени мнение Сталина о пользе Еврейского антифашистского комитета изменилось. Ему и советским руководителям в Кремле само существование Комитета представлялось ненормальным, его можно было оправдать только требованиями военного времени. Более того, даже до провозглашения Государства Израиль Сталину и его соратникам стало ясно, что влияние Комитета на зарубежное еврейство весьма невелико. Вопреки лозунгам и пропаганде Комитета и местных коммунистов-евреев, оставшиеся в живых евреи Польши и других стран Восточной Европы отказывались верить новому социалистическому порядку и бежали на Запад. Большинство из них твердо решило жить в Израиле. Кроме того, провозглашение еврейского государства в Израиле означало, что еврейские коммунисты в Советском Союзе больше не могли надеяться на другое территориальное решение — разрешение еврейского вопроса путем предоставления евреям территории в СССР (эта идея в 20-е и 30-е годы оказывала большое влияние на евреев левого крыла в Европе и Америке). Еще одним событием, которое убедило Сталина, что Комитет изжил себя, явилась беспрецедентная массовая демонстрация евреев возле центральной московской синагоги

16 октября 1948 года, приветствовавшая Голду Меерсон, первого посла Израиля в Советском Союзе.

Полных данных о потерях советского еврейства во время войны против нацистской Германии еще нет. Джеральд Рейтлингер в "Окончательном решении" пришел к выводу, что число советских евреев, убитых нацистами, достигло 700.000—750.000 человек, в эти цифры включены также евреи Литвы, Латвии и Эстонии. В докладе Англо-американского комитета, с другой стороны, число потерь исчисляется в 1.050.000 человек. Джозеф Шехтман в конце 1943 года подсчитал, что от 650.000 до 850.000 советских евреев попали в руки нацистов. Подсчет Якова Кантора проливает больше света на этот вопрос, но не решает его.³⁰

Проанализировав итоги переписи советского населения 1959 года, Кантор приходит к следующему выводу: общее число евреев в СССР по этой переписи 2.268.000, в то время как по переписи 1939 года их было 3.020.000. Следовательно, налицо уменьшение числа евреев на 752.000 между 1939 и 1959 годами. Но в переписи 1939 года не были учтены евреи Западной Белоруссии, Западной Украины, Молдавии и трех прибалтийских республик, присоединенных к Советскому Союзу после проведения переписи 1939 года. "По разным подсчетам еврейское население на этих территориях доходило до 800.000 на 1 января 1940 года", сообщает Кантор и делает вывод: "Это означает, что действительные потери еврейского населения составили не 752.000, а 1.552.200 человек. Но это не все. Если мы хотим узнать о реальной убыли еврейского населения, мы должны учесть естественный прирост его за 1939—59 годы... Если предположить, что процент естественного прироста еврейского населения был равен проценту естественного прироста всего населения Советского Союза, то увеличение населения за 20 лет должно было составить 6,6%. Другими словами, число евреев должно было бы увеличиться на 150.000. Из этого следует, что действительная убыль еврейского населения за 1939—1959 гг. (1.552.000 плюс 150.000) была порядка 1.700.000 человек. Иначе говоря, если бы

еврейское население пострадало от войны в той же степени, что и остальное население, то оно составляло бы на 1 января 1959 года 4.000.000 человек. Но к этому времени их было только 2.268.000 человек. Следовательно, недоставало около 1.700.000. Если мы вычтем из этой цифры тех евреев, которые отрицали свое еврейское происхождение во время переписи 1959 года (дети от смешанных браков и евреи, объявившие себя неевреями), а также некоторое количество евреев, ожидавших репатриации в Польшу, но все еще находившихся во время переписи в Советском Союзе, то мы будем иметь цифру 1.500.000—1.600.000 советских евреев, убитых нацистами. К сожалению, более точные данные невозможно получить, так как никто не занимается подобной статистикой“.

Однако даже сугубо приблизительных данных Якова Кантора о числе уничтоженных евреев на территории Советского Союза в границах 1941 года нельзя принять, ибо они подсчитаны на основании предположения, что на присоединенных территориях проживало только 800.000 евреев. Но ведь в Западной Белоруссии и Западной Украине проживало по меньшей мере 1.300.000 польских евреев, и еще 600.000 было в Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии. Было также большое число беженцев из оккупированной части Польши, которые пополнили еврейское население Западной Белоруссии, Виленской области и Западной Украины. Я поэтому склонен принять цифру свыше миллиона, которая приведена в докладе Англо-американского комитета; и даже эта цифра, я полагаю, слишком мала, если включить тех советских евреев, которые, находясь в рядах Красной Армии, погибли на полях сражения.

Физические потери и моральные переживания во время войны заставили, конечно, многих евреев посмотреть на мир иными глазами. Иллюзии относительно судьбы евреев в коммунистической России рассеялись — иллюзии, которых прежде не разделяли разве только религиозные евреи и сионисты. Поэтесса Маргарита Алигер выразила пробуждение еврейского

самосознания ассимилированных евреев в своем стихотворении, опубликованном в 1946 году: "Мы еврей. Как ты смела это забывать?" И даже в мемуарах Эренбурга мы находим признания в том, что его оптимизм и вера в способность коммунизма искоренить за несколько десятилетий вековое наследие антисемитизма не оправдались. Что же касается советских евреев в массе — религиозных или атеистов, — говорящих по-русски или на идиш, их отношение выразил анонимный поэт, в своем ответе на патетический вопрос, с которым Маргарита Алигер обратилась к своей маме: "Кто же мы такие — я и ты?"

На Ваш вопрос ответить не умея,
Сказал бы я: нам беды суждены.
Мы виноваты в том, что мы еврей,
Мы виноваты в том, что мы умны.

Мы виноваты в том, что наши дети
Стремятся к знаниям и мудрости живой,
И в том, что мы рассеяны по свету
И не имеем родины одной.

Нас сотни тысяч, жизни не жалея,
Прошли бои, достойные легенд,
Чтоб после слышать: "Это кто — еврей?
Они в тылу сражались за Ташкент".

Чтоб после мук и пыток Освенцима,
Кто смертью был случайно позабыт,
Кто потерял всех близких и любимых,
Услышать вновь: "Вас мало били, жид!"

Нет, не забыли мы, что мы еврей,
Что наша вера — остов многих вер,
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.

Нас задуть хотели в грязном гетто,
Сгноить в могилах, в реках утопить,

Но несмотря, да, несмотря на это,
Товарищ Алигер, мы будем жить.

Мы будем жить, и мы еще сумеем,
Талантами сверкая, доказать,
Что наш народ велик, что мы, евреи,
Имеем право жить и расцветать.

Нам кровь и слезы дали это право,
Благословили мертвецы нас из могил.
Я верю: наш народ для подвигов и славы,
Для новой жизни сердце возродит.

Народ бессмертен. Новых Маккавеев
Он породит грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер.³¹

Со времени написания этой статьи стали доступны многие другие материалы о вкладе евреев в победу Советского Союза в войне против нацистской Германии. Не менее 140 советских и польских евреев были награждены званием Героя Советского Союза. Таким образом, число евреев, получивших высшую военную награду Советского Союза по отношению к общей численности лиц данной национальности, идет сразу за числом русских, украинцев и белорусов. Не менее важную роль евреи играли в руководстве военными действиями. Число генералов и адмиралов было не около шестидесяти, как полагали, а не менее 209 к концу войны. Из этого числа 188 стали генералами после начала войны с Германией, 14 получили звание Героя Советского Союза. Более того, из 104 человек, награжденных званием Героя Советского Союза дважды, — двое были евреями: Смушкевич и Драгунский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, абхазский писатель Георгий Гулиа, прославившийся своей книгой "Весна в Сакене", писал, что в 1937 году почти все абхазцы были сняты с руководящих постов в Абхазской автономной республике в процессе "правильной расстановки кадров". В 1946 году были закрыты все абхазские школы и всем абхазцам было приказано стать грузинами или русскими. Его отец, поэт Дмитрий Гулиа, который был основоположником абхазской литературы и создателем первого абхазского алфавита в 1891 году и произведение которого "История Абхазии" сформировало национальное сознание его древнего народа, получил приказ из Москвы написать критику на свою историю, чтобы доказать, "что такого понятия, как абхазский народ, не существует" и что "ассимиляция есть ключ в рай для малых народов". Когда он отказался подчиниться приказу, Михаил Дельба, глава правительства Абхазии, написал брошюру, в которой доказывалась необходимость для абхазцев исчезнуть как национальность, и опубликовал ее под именем Дмитрия Гулиа. После смерти Сталина он оправдывал свои действия тем, что написал фальшивку якобы для того, чтобы спасти жизнь абхазского национального поэта (см. Георгий Гулиа, "Дмитрий Гулиа", Москва, 1963, стр. 218—221).

2. B. Z. Goldberg, *The Jewish Problem in the Soviet Union*. New York, 1961. Стр. 306.

3. М. Галлай, *Первый бой мы выиграли*. "Новый мир", М., 1966, № 9; Марк Лазаревич Галлай, *Герой Советского Союза. Нотици фун айн ойшпир флиэр*, — "Советиш Геймланд", Москва, 1965, № 11.

4. Григорий Вакланов, *Июль 1941 года*, Москва, 1965.

5. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945*. 6 тт., М., 1961—1965. В дальнейшем обознач. ИВОВСС.

6. Г. Н. Севостьянов, *Военное и дипломатическое*

поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол, "Вопросы истории", М., 1957-8; ИВОВСС, т. 1.

7. Я. Кантор: Идн ойф дем грестн ун вихтикстн фронт, "Фольксштиме", Варшава, 18 апреля 1963.

8. 6 мая 1965 года, впервые после 40-х годов, "Правда" назвала евреев — Героев Советского Союза, говоря о роли, которую играли различные советские национальности в победе над нацистской Германией. В статье, озаглавленной "Дружба народов СССР и наша великая победа", говорится: "Звание Героя Советского Союза было присвоено 7 998 русским, 2 201 украинцу, 299 белорусам, 161 татарину, 107 евреям, 26 казахам, 90 грузинам, 89 армянам, 67 узбекам, 63 мордвинам, 45 чувашам...". Данные Кантора следующие: 8124 русских, 2031 украинец, 229 белорусов, 157 татар, 121 еврей, 96 казахов, 91 грузин, 81 армянин, 68 узбеков получили это звание.

9. Я. Кантор: Идн ойф дем грестн ун вихтикстн фронт, "Фольксштиме", 18 апреля 1963 года.

10. В следующем списке приведены имена тех, кто получил во время и после войны самые высокие воинские звания:

Генерал армии Лев Захарович Мехлис

Генерал армии Яков Г. Крейзер

Генерал-полковник Л. З. Котляр

Генерал-полковник Александр Цирлин

Генерал-полковник Виктор Товниевич Вольский

Генерал-лейтенант И. С. Бескин, Герой Советского
Союза.

Генерал-лейтенант Брейдо

Генерал-лейтенант Давид Драгунский, дважды
Герой Советского Союза

Генерал-лейтенант академик Борис Голяков

Генерал-лейтенант академик Аарон Гершевич

Капаносов

Генерал-лейтенант Аркадий Хасин

Генерал-лейтенант Симон М. Кривошеин, Герой Со-
ветского Союза

Генерал-лейтенант Юрий Абрамович Ласкин

Генерал-лейтенант Михаил Лев

Генерал-лейтенант Г. Б. Мсхлин
Генерал-лейтенант Гирш Давидович Пласков
Генерал-лейтенант Г. Пресман
Генерал-лейтенант С. С. Райкин
Генерал-лейтенант А. Б. Равин
Генерал-лейтенант М. А. Рейтер
Генерал-лейтенант Григорий Давидович Стельмах
Генерал-лейтенант Матвей Г. Вайнруб, Герой Совет-
ского Союза

Генерал-майор М. Белкин
Генерал-майор С. Березинский
Генерал-майор А. М. Ботвинник
Генерал-майор Я. М. Браун
Генерал-майор Г. Давидзон
Генерал-майор Лев Михайлович Доватор
Генерал-майор А. Фейрос
Генерал-майор Моисей Гензик
Генерал-майор Аарон Кац
Генерал-майор С. Д. Кремер
Генерал-майор Александр Кроник
Генерал-майор Г. Н. Левин
Генерал-майор Александр Липшиц
Генерал-майор Юрий Рабинер
Генерал-майор Рогачевский
Генерал-майор З. Рогозин
Генерал-майор Иосиф Давидович Рубинский
Генерал-майор Д. Шнайдер
Генерал-майор А. Соловей
Генерал-майор В. А. Цейтлин
Генерал-майор Волкенштейн
Генерал-майор Д. Иоффе

Авиация:

Маршал авиации Яков Смушкевич, дважды Герой
Советского Союза

Военно-морской флот:

Контр-адмирал Павел Трейнин
Контр-адмирал Юравский

Медицинская служба:

Генерал-майор Вовси, главный терапевт Красной
Армии

Генерал-майор Левит, главный хирург Красной
Армии
Генерал-майор Энтин, главный стоматолог Красной
Армии
Генерал-майор Рейнгольд, заместитель начальника
медицинской службы Красной Армии
Генерал-майор Гурвич, главный врач Восточного
фронта
Генерал-майор Славин, главный врач Московского
Военного округа.

Джозеф В. Шехтман приводит слова неизвестного офицера-еврея, которого он встретил в Одессе, о том, что между 1948 и 1953 годами были уволены на пенсию 63 генерала-еврея, 111 полковников-евреев, 159 подполковников-евреев. Joseph B. Schechtman: *Star in Eclipse*. New York, 1961, стр. 53.

11. ИВОВСС, т. II, стр. 39, 281; т. III стр. 318; т. IV, стр. 89, 191, 358.

12. ИВОВСС, т. II стр. 133,, 260, 286, 291; 322. Павел Федоров, "Генерал Доватор", Москва, 1958.

13. Я. Кантор. Идн оѝф дем грестн ун вихтикстн фронт, "Фолксштиме", 13 апреля, 1963 года.

14. Гирш Пласков. Ундзер алеменс тройм, "Советиш Геймланд", М., 1963, № 3.

15. ИВОВСС, т. III, стр. 57.

16. Шломо Рабинович. Вегн дем генерал Шимон дем зун фун Мойше дем зейгермахер, — "Фолксштиме", Варшава, 8 мая 1965 года.

17. М. Д. Хаэт. Дос хелдише идише мейдл Полине Гельман, — "Фолксштиме", 21 июля 1965 года.

18. ИВОВСС, т. II, стр. 92; Петр Хохлов, Герой Советского Союза. Berlin zgasil ognie, Czerwonu Sztandar, Вильнюс, 30 апреля 1965 года.

19. Дер эрштер идишер флиэр ибер дер гронец фун дритн райх, — "Фолксштиме", 8 мая 1965 года.

20. Я. Кантор, Зей зайнен дер штолц фун ундзер фолк, — "Фолксштиме", 6 мая 1965 года.

21. Запоздалое признание героизма евреев приводится в шестом томе, опубликованном в 1965 году (стр. 155, 158).

22. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, Начало пути, Москва, 1959; А. М. Самсонов, Сталинградская битва, Москва, 1960 г.

23. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, Конец третьего рейха, Москва, 1964.

24. Этот итог был получен следующим образом: на оккупированной территории РСФСР — свыше 260.000 партизан, Украины — 220.000; Белоруссии — 374.000; Литвы — 5000; Латвии — 4940; Эстонии — 1500.

25. Были также евреи из других стран. Так, генерал-майор Андреев сообщил Еврейскому антифашистскому комитету, что в его части есть отряд из 40 евреев Венгрии. (Я. Кантор, Идише партизанер, "Фольксштиме, 8 мая 1965).

26. Г. М. Линьков, Война в тылу врага, М., 1947; П. Вершигора, Люди с чистой совестью, М., 1946; А. Ф. Федоров, Подпольный обком действует, М., 1947; Сефер хапартизанам хаехудим, 2 тт., Иерусалим, 1958; Józef Sobiesiak, Ziemia plonie, Burzany, Warszawa, 1963 и 1964.

27. Bohaterowie zywej legendy, Czerwony Sztandar, Вильнюс, 28 января 1966.

28. Léon Lénéman, La tragédie des Juifs en U.S.S.R., Paris, 1959, p. 108.

29. Goldberg. Указ. соч., стр. 99.

30. Я. Кантор, Некоторые замечания и выводы об опубликованных итогах общенародной переписи, проведенной в СССР 15 января 1959 г. (на идиш), Блетер фар гешихте, Варшава, XVI, 1964.

31. Это стихотворение молва приписывает И. Эренбургу. Оно ходило по рукам, подписанное В. И. Шляпоберский-Венник. Данный текст лишь один из вариантов тысячи раз переписанного стихотворения; он, вероятно, содержит некоторые отклонения от подлинника. Текст стихотворения взят из сборника "Русский антисемитизм и евреи", составители А. Флегон и Ю. Наумов, Лондон, 1968, стр. 116—117.

БИБЛИОГРАФИЯ
(дополнение к примечаниям)

Кантор Яков, Национальное строительство среди евреев, Москва, 1934.

Зингер Л. К. Евреи-пролетарии в СССР. Москва, 1933.

Зингер Л. К. Дос банайте фолк. Москва, 1941.

Зингер Л. К. Дос ойфгекумене фолк. Москва, 1949.

Дос идише фолк ин кампф геген фашизм. Москва, 1945.

Lénéman, Leon. La tragédie des Juifs en U.S.S.R., Paris, 1959.

Schwarz, Solomon, The Jews in the Soviet Union, New York, 1951.

Schechtman, Joseph B., Star in Eclipse, New York, 1961.

Goldman, Guido G., Zionism under Soviet Rule, New York, 1960.

West, Benjamin, Struggles of a Generation, Tel-Aviv, 1959.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Историческая справка¹

Большевистские идеологи до Октябрьской революции отрицали наличие у еврейского населения тех характерных особенностей, которые они считали необходимыми для признания национальности, в частности "своей территории" и сельскохозяйственной базы. Тем не менее они признавали у евреев "общий национальный характер".² В. И. Ленин еще в марте 1914 года составил для большевистских депутатов в Думе проект закона о национальности, который ясно определяет будущий юридический статус еврейской общины как отдельной национальности в коммунистическом государстве. Закон предусматривал отмену всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности. Отметив, что "граждане всех национальностей, населяющих Россию", должны быть равны перед законом, Ленин далее особо указал в проекте закона на необходимость отмены ограничений в правах евреев.³ После прихода большевиков к власти Ленин еще раз упомянул о евреях, как об отдельной национальности.⁴ В резолюции компартии, принятой на X съезде в марте 1921 года, евреи были внесены в список национальностей и нацменьшинств.⁵

Правовое положение еврейской национальности нашло политическое выражение в учреждении в январе 1918 года комиссариата по еврейским национальным делам как отдельной секции народного комиссариата по делам национальностей. Это учреждение было создано на следующий день после прихода большевиков к власти. Под руководством Сталина комиссариат должен был действовать как "инициатор всего советского законодательства по национальному вопросу... для экс

номического и культурного расцвета национальностей и т. д.". Его отдельная секция по делам еврейской национальности была предназначена для установления "диктатуры пролетариата на еврейской улице".⁶ Комиссариат по делам еврейской национальности вел пропаганду идей большевизма среди евреев, — уничтожал существовавшие автономные учреждения еврейской общины и забирал их фонды и имущество. Декретом 5 августа 1919 года эта ликвидация была оформлена.

Отдельно от государственного аппарата коммунистическая партия создала в 1918 году свои собственные еврейские секции (евсекции). Их задачей было проводить политику партии среди еврейских рабочих и пропаганду на идиш, "чтобы еврейские массы могли удовлетворять свои интеллектуальные потребности на этом языке...".⁷ Комиссариат по делам еврейской национальности прекратил свое существование в начале 1924 года, но еврейские секции продержались до января 1930 года. В этом году они тоже были ликвидированы. Однако категория еврейской национальности осталась и находит свое выражение в настоящее время во всех официальных документах, имеющих отношение к национальности или к национальным категориям.

Пользование родным языком было неотделимо от функций евсекции. Идиш формально был признан основным компонентом еврейской национальности. Так, Белорусская республика установила декретом, что идиш является одним из четырех официальных языков правительства.⁸ В этой республике находилось большинство компактных еврейских общин Советской России: во время переписи 1926 года 90,7% евреев прямо заявили, что идиш их родной язык. (Перепись 1897 года показала, что 97% еврейского населения царской России считало идиш своим родным языком, а по переписи 1926 года выяснилось, что, несмотря на процесс ассимиляции в предыдущие десятилетия 70,4% лиц "еврейской национальности" Советской России объявили идиш своим родным языком).

Таким образом, еврейская национальность как таковая получила юридическое определение, и оно рас-

пространяется также на отдельных лиц, происходящих от еврейских родителей. Еврей в Советской России — это не любой человек, желающий быть евреем или считающий себя таковым. Это юридически определенное лицо, которое неизбежно принадлежит к еврейской национальности. Решающим законным фактором при определении национальности являются не характерные признаки этнической группы, предполагаемые или действительные, а просто биологический факт рождения от еврейских родителей.

Установление официальной графы, которая навсегда определяет человека, происходящего от еврейских родителей, как еврея по национальности, произошло в конце 1932 года. Обстоятельства, при которых эта графа была введена, как это ни странно, не имели прямого отношения к национальному вопросу. 27 декабря 1932 года было принято постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров о создании "единой паспортной системы" для Советского Союза.⁹ (Эта система существует и в настоящее время). По этому правительственному указу в паспортах, которые выдаются с 1933 года, вносят национальность его владельца. Городским жителям, начиная с 16 лет, должны быть выданы паспорта. Основной причиной для введения паспортной системы была нехватка жилья в крупных городах, что явилось последствием огромного прилива новых рабочих в промышленные центры в результате пятилетнего плана интенсивной индустриализации. Паспорт стал основным средством для регулирования распределения жилищной площади.

Пункт о национальности был одним из главных пунктов, которые по инструкции следует вписать в паспорт. Он стоит непосредственно после имени, даты и места рождения. Только после пункта о национальности вписывается социальное положение, постоянное место жительства и место работы. В паспорте должны быть указаны документы, которые подтверждают как национальность, так и другие записи. Требуемые документы перечислены в инструкциях. Хотя эти инструкции

не были опубликованы, известно, что среди требуемых документов должно быть свидетельство о рождении (метрика), в котором указана также национальность данного человека.

Определение национальности является по существу автоматическим процессом.¹⁰ Гражданин Советского Союза обязан официально зарегистрироваться по достижении 16 лет. При регистрации он должен предъявить документы, в которых указана национальность его родителей. Если его отец и мать принадлежат к одной и той же национальности, что является типичным, эта национальность вписывается в пятый пункт паспорта. Не допускается добровольный выбор национальности: если оба родителя евреи, — ребенок тоже еврей. Единственная возможность выбора национальности существует для лиц, достигших 16 лет, если родители разных национальностей. В этом случае одна из двух национальностей, которую он выбирает, становится его собственной.

Может возникнуть вопрос в отношении срока действия этого пункта в свете того факта, что паспортная система была введена при особых обстоятельствах. То, что паспорт сам по себе будет и впредь существовать, не вызывает сомнений, так как им пользуются во многих случаях, не говоря уже о том, что он является регулятором продолжающейся нехватки жилплощади. Однако не исключается, что выбор национальности может быть объявлен добровольным актом. Доклад советского правительства, представленный ООН в 1963 году, интересен в этом плане. Правительство было вынуждено снабдить доклад особым примечанием следующего содержания: "Данные о национальности в переписи 1959 года были получены в результате самоопределения, т. е. национальность была записана со слов опрашиваемого".¹¹ Так как термин "самоопределение", как он сейчас употребляется в Советском Союзе, имеет положительный смысл, его можно было бы распространить и при определении национальности в паспорте. Однако пока нет никаких признаков, что это предвидится в ближайшем будущем.

Особые проблемы возникают в отношении евреев, если учесть, что евреи не имеют определенного географического национального центра. Правда, так называемая Еврейская автономная область была создана по указу Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 7 мая 1934 года. Несмотря на заявления правительства, предлагающие Виробиджан считать "родиной" советских евреев, эта территория, не имеющая никаких корней в сознании евреев, привлекла мало желающих переехать туда на постоянное жительство. В 1959 году 14.270 человек или 8,8% всего населения Виробиджана составляли евреи.¹² Поэтому было бы странно ссылаться на эту географическую единицу как на Еврейскую автономную область. Было бы бессмысленно, например, применять к этой области статью 110 конституции СССР, по которой "судопроизводство должно проводиться на языке области". Конечно, этим языком не может быть идиш.

Евреи рассеяны по всем 15 советским республикам. Это одна из их отличительных географических черт. Перепись 1959 года, по которой 2.268.000 человек считали себя евреями, указывает на их расселение: 38% в РСФСР; 37% на Украине; 7% в Белоруссии, 15% в Узбекистане, Грузии, Литве, Молдавии, Латвии и Эстонии; остальные 65.000 человек — в других республиках. В каждой союзной республике евреи составляют меньшинство, причем наибольший процент их среди местного населения — 3,3% в Молдавии и на Украине — 2%. Их процент в общем населении всей страны также невелик: 1,09%.¹³

Вследствие их расселения, евреи больше других подверглись общей советской тенденции языковой ассимиляции. Эта тенденция усиливается еще больше благодаря тому, что 95% евреев живут в городах и являются одной из наиболее урбанизированных национальностей СССР. Данные переписи 1959 года о применении родного языка евреями освещают этот вопрос. Если перепись 1926 года показала, что более 70% евреев называли идиш своим родным языком, то перепись 1959 года показала, что так поступили примерно 18%, или не-

многим более 400.000 евреев. Цифра 20,8% или 472.000 человек, часто приводимая западными и советскими исследователями, ошибочна и вытекает из неправильного анализа данных. Эти данные показывают, является ли для опрашиваемых людей родным язык их национальности или для них родным стал русский или язык другого народа. Хотя, как сообщалось, 20,8% евреев показали, что их родной язык — язык их национальности, однако родной язык грузинских, бухарских и дагестанских евреев не идиш. Данные относительно родного языка этих групп были ошибочно добавлены к данным о других советских евреях, поэтому в итоге получилась неправильная цифра.

Перепись 1959 года показала, что среди евреев меньше всего заявивших, что их родным языком является язык их национальности. Но, как писал советский специалист по еврейскому вопросу Яков Кантор, формулировка вопроса при переписи исказила и преувеличила степень языковой ассимиляции. В исследовании Еврейского исторического института в Варшаве Кантор отметил, что инструкция по переписи не уточняет понятия "родной язык". Кантор комментировал: "Многие, разговаривающие и читающие на идиш, получающие удовольствие от книг и пьес на идиш, тем не менее указали русский как родной язык, потому что они разговаривают по-русски на работе, на улице и до некоторой степени дома".¹⁵

Следует обратить внимание на данные, касающиеся евреев, живущих на территориях, вошедших в Советский Союз в 1939—1941 гг. Здесь процент евреев, указавших идиш как родной язык, значительно выше — 69% в Литве, 48% в Латвии и 50% в Молдавии. Показательно, что официальное толкование степени языковой ассимиляции среди евреев вызывает большое сомнение в научных кругах. Так, М. Фридберг, советский лингвист из Ленинградского университета, считает "абсолютно неправильным" утверждение Большой Советской Энциклопедии, что еврейское общество находится на пути к полной языковой ассимиляции".¹⁶ Он указывает на широкое распространение идиш среди еврейского

населения Украины и Белоруссии для подтверждения своего тезиса.

Евреи как национальность в СССР имели и имеют право пользоваться всем комплексом национальных прав, которые записаны в законах с первых дней советской власти. Спустя неделю после прихода к власти правительство приняло 15 ноября Декларацию прав народов России, которая провозгласила "свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России".¹⁷ Первая советская конституция 1918 года¹⁸ объявила в статье 22 "противоречащим основным законам республики... какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия".¹⁷ После образования СССР в 1922 году и введения новой конституции в 1924 году принцип равноправия национальностей был повторен в конституциях отдельных республик. Так, в статье 13 конституции РСФСР от 1925 года было зафиксировано, что "угнетение национальных меньшинств в любой форме и любое ограничение их прав... совершенно несовместимы с основными законами республики".

В этой же 13 статье общий принцип равноправия распространялся и на национальный язык. Граждане РСФСР имеют право "свободно пользоваться родным языком на собраниях, в судах, в учреждениях и в общественной жизни". Далее в этой статье шла речь о том, что нацменьшинства "имеют право получать образование на своем родном языке".

Там, где имелись большие еврейские общины, например, на Украине и в Белоруссии, существовали законы, дающие право пользоваться родным языком.¹⁹ Украинский уголовный кодекс 1922 года обеспечивал судопроизводство "на языке большинства населения, которого касается данное дело". 1 августа 1923 года на Украине было принято постановление, в котором шла речь о "мерах по обеспечению законного равенства языков" и подчеркивалось, что в местностях, где одно из национальных меньшинств составляет большинство населения, власти должны пользоваться языком этой

национальности. Это право подтвердил и указ июля 1927 году. В национальных школах должно было вестись преподавание родного языка наряду с русским и украинским.

В Белоруссии в декларации независимости от 1 августа 1920 года идиш признавался одним из четырех официальных языков наряду с белорусским, русским и польским. Эта декларация официально повторяется в постановлении Центрального исполнительного комитета Белоруссии и в декрете от 15 июля 1924 года "о практических мерах по осуществлению национальной политики". Этот декрет гарантировал существование национальных школ и право пользоваться "родным языком в общении с различными учреждениями республики". Белорусская конституция 1927 года еще раз признала идиш официальным языком.²⁰

Декреты на Украине и в Белоруссии привели к образованию в двадцатых годах ряда еврейских административных и судебных учреждений в тех местностях, где евреи составляли большую и сплоченную группу. Однако в тридцатых годах в связи с ростом индустриализации еврейские общины стали менее компактными, так как многие евреи начали переселяться в новые промышленные районы. Результатом этого был распад еврейских учреждений. Процесс дезинтеграции углублялся вследствие административного нажима и самоуправных действий сторонников ассимиляции. Однако еврейские школы продолжали существовать, и еще в 1940 году, по данным Якова Лещинского, от 85 000 до 90 000 еврейских детей занимались в школах, где преподавание велось на идиш. Это составляло 20% еврейских учащихся.

В конституции СССР, принятой в 1936 году, уже не упоминалось право пользования родным языком на собраниях, в судопроизводстве и учреждениях. Однако она подтверждала в статье 121 право на "ведение занятий в школах... на родном языке".²¹ Подобные статьи были введены в конституции союзных и автономных республик. В августе 1962 года СССР ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО против дискриминации в образо-

вании, которая обязывала его по статье 5 (1 с): "Признать право нацменьшинств на образование, национальные школы и... пользование родным языком или обучение родному языку".²²

Но даже до того, как СССР ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО, было принято постановление, направленное на осуществление конституционных требований. Это постановление под названием "Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР", принятое Российской республикой... провозглашало в статье 15: "...преподавание в школах будет производиться на родном языке учащихся. Родителям предоставляется право решать, в школы с каким языком записывать своих детей".²³ Заместитель министра просвещения РСФСР А. Арсеньев подтвердил в письме в 1956 году советский закон, предусматривающий, что если 10 человек родителей выражают желание, чтоб их дети получали образование на родном языке, администрация должна "открыть такой класс в любой школе".²⁴

В 1961 году XXII съезд партии принял программу, в которой среди прочих заверений подчеркивалось обязательство преподавать родной язык. Эта программа заверяла, что "Партия будет... обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении того или иного языка".²⁵

Однако, несмотря на различные многообещающие постановления в отношении права получения образования на родном языке, в настоящее время нигде в Советском Союзе нет школы или класса на идиш. Все еврейские школы на Украине и в Белоруссии, которые существовали до 1941 года и были уничтожены нацистами, не были вновь открыты Советами. Все послевоенные попытки восстановить еврейскую школьную систему в Литве после освобождения республики от нацистской армии, оказались безуспешными.²⁶ Даже несколько ев-

рейских школ, которые оставались в Биробиджане до 1946 года, и те закрыты.

Советское правительство приводит два вида аргументов для объяснения отсутствия еврейских школ. Один аргумент основан на обременительности расходов по открытию и содержанию школ для широко рассеянной национальности. Н. Хрущев говорил профессору Джерому Дейвису в 1958 году, что, поскольку "евреи разбросаны", то "открыть отдельные школы по всей России было бы дорого".²⁷ Но обоснованность этого аргумента сомнительна в свете школьных привилегий, недавно предоставленных советским немцам, которые тоже представляют собой рассеянную этническую группу. Немецкое население СССР составляет 1.600.000 человек, это значительно меньше, чем еврейское население. Они рассеяны на большой территории в восточных районах РСФСР и в десятке других союзных республик, так как их автономная республика была уничтожена в начале второй мировой войны. Указом президиума Верховного Совета СССР от 1964 года их национальные права были частично восстановлены. Из этого указа видно, что "в ряде районов нескольких советских республик, где имеется немецкое население, существуют начальные и средние школы, в которых преподавание ведется на немецком языке..."²⁸

Вторым аргументом, который выдвигают советские руководители для оправдания отсутствия еврейской школьной системы, является предполагаемая степень ассимиляции евреев. Н. Хрущев в 1956 году сказал парламентской делегации французских социалистов, что ассимиляция настолько велика, что "даже если бы и были открыты еврейские школы, очень немногие добровольно посещали бы их".²⁹ Затем тогдашний советский премьер добавил, что "если бы евреев заставляли посещать еврейские школы, они, конечно, подняли бы бунт. Это сочли бы своеобразным гетто". Такое объяснение вызывает новые вопросы, но не дает ответов. Если считать, что евреев, желающих иметь еврейские школы, недостаточно, почему же нет специальных еврейских классов? Ведь требуется просьба всего десяти

родителей, чтобы такие классы были организованы. Можно ли допустить, чтобы в городах с большим еврейским населением, таких, как Вильнюс, Каунас, Рига, или в различных городах Молдавии и западных районов Украины и Белоруссии, не было таких просьб? Остается предположить, что школьная администрация решила не поощрять таких просьб или не доводить до сведения родителей их право на такие просьбы.

Однако есть еще более важный вопрос: не является ли ассимиляция евреев следствием, хотя бы частичным, отсутствия специальных еврейских учебных заведений для обучения языку идиш и ознакомления с еврейской культурой?

Кантор, который в тридцатых годах написал серьезный труд о еврейских культурных учреждениях, заметил в 1964 году: "...вся работа разных школ, музеев, театров, библиотек, даже секций, академий и т. д. направлена на укрепление и поддержку культуры нацменьшинств. К несчастью, евреи относятся к той группе нацменьшинств, которая лишена факторов для поддержки и развития культуры. Их нет уже много лет, со времени культа личности".³⁰

Слова "к несчастью" указывают на убеждение автора, что отсутствие школ и других культурных учреждений является не следствием процесса ассимиляции, а скорее решающим фактором, вызывающим ассимиляцию.

Полное уничтожение еврейских культурных учреждений произошло через несколько лет после закрытия последних еврейских школ в СССР. В течение 1946—1947 гг. подавляющая часть сохранившихся довоенных издательств на еврейском языке была закрыта. В ноябре 1948 года закрыли еврейское издательство в Москве "Дер эмес" и его газету "Эйникайт", выходившую три раза в неделю. (За послевоенный период оно издало в общей сложности 110 книг и статей). В том же месяце был распущен Еврейский антифашистский комитет. Его председатель артист Соломон Михоэлс был убит тайной милицией в январе 1948 года; почти все члены комитета были потом уничтожены. Наконец,

в 1949 году закрылись двери знаменитого Еврейского государственного театра в Москве.

В последующие 11 лет еврейское население Советского Союза было полностью лишено возможности пользоваться сокровищами еврейской культуры. За исключением "Биробиджанер штерн", небольшой местной газеты, печатавшейся только частично на идиш и выходившей в Биробиджане три раза в неделю тысячным тиражом, в СССР не было ни еврейских театров, ни еврейских школ ни еврейских книг, ни еврейских изданий. Популярные концерты еврейских певцов-гастролеров стали единственной возможностью приобщения к еврейскому языку. В 1959 году наметился небольшой прогресс: было издано несколько книг на идиш. Первым появился сборник произведений Шолом-Алейхема, за ним последовали еще четыре книги на идиш, принадлежащих перу давно умерших еврейских писателей. Но в 1962—64 гг. издание книг опять прекратили. С 1965 года, в ответ на резкую критику на Западе, в том числе многочисленных членов левых партий, советское издательство выпустило еще несколько книг на идиш. Однако самым важным событием было издание в августе 1961 года еврейского литературного журнала "Советиш Геймланд", выходившего раз в 2 месяца тиражом 25.000 экземпляров. С января 1965 года журнал стал ежемесячным и более толстым. Кроме опубликования произведений свыше ста еврейских писателей, журнал организовал литературные конференции, на которых иногда присутствовали сотни людей. Но еврейский театр не был восстановлен. Вместо него в 1962 году была организована передвижная еврейская драматическая труппа под руководством Вениамина Шварцера, бывшего артиста Государственного еврейского театра в Москве.

Все связи с еврейской школой, в СССР вообще нет никаких законов, которые гарантировали бы культурные права национальных меньшинств. Однако эти права входили в политику партии в двадцатых годах. На X съезде партии в марте 1921 года было принято решение о помощи нацменьшинствам "развивать у себя

прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке".³¹ Сталин в Коммунистическом университете трудящихся Востока дал в мае 1925 года тщательно разработанное, диалектическое объяснение поддержки партией национальной культуры: "Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявить все свои возможности, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком".³²

Первые послевоенные годы были отмечены решительным изменением этой политики в отношении еврейской национальной культуры. Новая политика проводилась в жизнь произвольными административными мерами. Ее продолжали и приемники Сталина, вводя лишь незначительные, уже упомянутые, изменения, в частности издание в 1959 году некоторых произведений еврейских писателей.

Дальнейшие события, касающиеся евреев, можно правильно понять в свете решений партии, принятых на съезде в 1961 году. Конечная цель, сформулированная в свое время Сталиным и заключавшаяся в образовании "единой общей культуры", подчеркивалась партией, которая в своей новой программе призывала к "стиранию национальных различий... включая различия в языке".³³

Осмеивали тех, кто жаловался на "стирание национальных различий", и советовали партии, чтобы она не "замораживала и не увековечивала национальных различий".³⁴ Скрытый смысл программы, предусматривающей "добровольное" признание русского языка "средством общения и сотрудничества" — как гласит программа, — ясна была и решимость ускорить процесс ассимиляции, "больше сблизить национальностей Советского Союза".

Видный советский специалист по национальному вопросу М. С. Джунусов придавал особое значение процессу "сближения", указывая на статистические данные в изменениях этнического состава союзных республик, на более широкое использование русского языка нерусскими национальностями и на частые смешан-

ные браки. Он отметил наличие большого числа русских и украинцев в разных неславянских республиках и указал на цифры, свидетельствующие о том, что свыше 10 миллионов советских граждан нерусской национальности считают русский своим родным языком.³⁵ В докладе Советского Союза ООН сообщается, что в городах СССР в целом на 1 000 семей зарегистрирован 151 смешанный брак, в РСФСР — 108, на Украине — 263 и в Белоруссии — 237.³⁶ Влияют ли и в какой степени влияют смешанные браки на урбанизированное еврейское население, не установлено.

Однако на съезде партии также подчеркивалось, что наряду со "сближением национальностей" одновременно происходит "бурное всестороннее национальное развитие".³⁷ Для ряда национальностей это именно так. Р. Пайпс показал, что основные советские национальные группы в тех местах, где они преобладают, приобретают "языковую гегемонию" в противовес гегемонии русского языка в других местах, и это является показателем их "национальной жизнеспособности".³⁸

Кантор обратил внимание на обе противоположные тенденции — ассимиляцию и развитие культуры национальностей, но подчеркнул, что решающим фактором является наличие или отсутствие жизненно важных учреждений у национальных меньшинств. Именно из-за закрытия этих учреждений у еврейского народа в нарушение прав, записанных в советской конституции и выраженных в политике партии, была обеспечена победа первой тенденции.

Характер политической структуры СССР вызывает необходимость отметить различие между евреем—членом определенной национальной группы в многонациональном государстве и евреем—индивидом в советском обществе в целом. Национально-общинные права, включающие языковые и культурные моменты, представляют собой нечто совершенно отличное от гражданских прав — политических, экономических и социальных прав гражданина советского государства.

При царизме существовало множество суровых ограничений гражданских прав евреев — местожительств-

во, военная служба, участие в выборах и в управлении государством, образование и т. п. Первым декретом Временного правительства в марте 1917 года было уничтожение всех видов дискриминации — этнической, религиозной и социальной.³⁹ Спустя две недели министерство обороны уничтожило дискриминацию евреев в армии (где они до того должны были служить только солдатами). 5 апреля Временное правительство издало ряд декретов, которые отменили все ограничения в правах граждан на основе расы или вероисповедания: местожительство и передвижение, владение и пользование имуществом, наем на работу и образование.

Придя к власти в ноябре 1917 года, большевики заверили, что завоеванные революцией гражданские права будут сохранены. 15 ноября 1917 года Декларацией прав народов, подписанной главой правительства Лениным и комиссаром по делам национальностей Сталиным, официально были уничтожены "все национальные и религиозно-национальные привилегии и ограничения". Первая советская конституция подтвердила Декларацию, по крайней мере уничтожение дискриминации на этнической основе. Антирелигиозная кампания, уже начатая большевиками, снимала вопрос об отмене дискриминации на религиозной основе. Статья 22 конституции РСФСР от 1918 года признала "равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности..." Такие же гражданские права были признаны конституциями других советских республик: 15 статья конституции Белоруссии (1919), 32 статья конституции Украины (1919), 13 статья конституции Азербайджана (1921), 7 статья конституции Грузии (1922).

После образования СССР в начале 20-х гг. новые республиканские конституции повторили с незначительными изменениями прежние формулировки законов о гражданских правах. Так, статья 13 конституции РСФСР 1925 года гласила, что "принцип равноправия всех граждан без различия расы и национальности" является основным, и "любое ограничение" этих прав и "более того, предоставление каких бы то ни было

национальных привилегий, прямых или косвенных, или терпимость по отношению к ним, совершенно несоместимы с основными законами..“

Конституция СССР 1936 года отразила историческое внимание к гражданским правам всех советских граждан и определила области, на которые они распространяются. Статья 123 гласит: “Равноправие граждан Советского Союза независимо от их национальности и расы является непреложным законом во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности караются законом“.

По статье 135 всем гражданам СССР предоставляется право участия во всех выборах. Советские граждане “независимо от расы и национальности“ имеют право выбирать и быть избранными. В конституциях каждой советской республики можно найти формулировки, подобные тем, которые даны в статьях 123 и 135.

Статьи различных уголовных кодексов подтверждают конституционные законы о гражданских правах. Статья 8 закона об основах уголовного права СССР и союзных республик подчеркивает равенство всех граждан перед законом и судом. Последний уголовный кодекс РСФСР (от 1 января 1961 года) прямо говорит об этом. Статья 74 УК называется “Нарушение национального и расового равноправия“ и гласит, что прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности караются лишением свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет или ссылкой на срок от 2 до 5 лет“.⁴⁰

В некоторых случаях евреи пользуются гражданскими правами, предусмотренными в конституционных законах. Ограничения места жительства не существует; нет преград и при вступлении в партию, профсоюз,

армию, устройстве на работу в сфере обслуживания. По имеющимся данным существуют возможности работы в областях медицины, науки, юриспруденции и искусства.⁴¹ С другой стороны, имеются веские доказательства того, что дискриминация евреев имеет место в ряде важнейших и решающих областей, несмотря на многочисленные конституционные законы и статьи уголовного кодекса.

Например, существуют, по-видимому, либо в устной, либо в письменной форме правительственные постановления, устанавливающие нормы приема евреев в высшие учебные заведения или на работу в определенных областях. Нет данных о применении уголовного кодекса в случаях дискриминации евреев по расовому или национальному признаку.

Ясно, что при приеме на работу в административные правительственные учреждения действуют дискриминационные нормы. Этого, конечно, не было в двадцатых годах. На XV съезде коммунистической партии в декабре 1927 года комиссар рабоче-крестьянской инспекции С. Орджоникидзе докладывал, что в административных учреждениях Москвы работают 10,3% евреев; 22,6% евреев работают в государственных учреждениях Украины и 30,6% — в Белоруссии.⁴² В то время евреи составляли 1,8% всего населения, 5,4% населения Украины и 8,2% населения Белоруссии.

Но тридцатые и сороковые годы характеризовались резким снижением этого процентного отношения. Три интервью в 1956 году с высокопоставленными советскими официальными лицами показали, что правительство сознательно установило нормы для организации приема на работу евреев и что в некоторых союзных республиках установлены даже более жесткие нормы.

Первое интервью дал Хрущев и другие руководители советского государства парламентской делегации французской социалистической партии, находившейся с визитом в СССР.⁴³ На встрече с делегацией Хрущев 12 мая сказал: "Наше разнородное население имеет свои республики... Каждая из них имеет автономное

правительство. Прежде отсталые и неграмотные, эти народы имеют сейчас своих инженеров и других специалистов. Антисемитские настроения еще существуют. Они являются пережитками реакционного прошлого. Это сложная проблема вследствие положения евреев и их отношений с другими народами. В начале революции у нас было много евреев в руководстве партии и государства. Они были более образованы, возможно, более революционно настроены, чем средние русские. С течением времени мы создали новые кадры..." Тут Хрущева прервал Первухин, который попытался уточнить фразу "новые кадры". Он объяснил: "Свою новую интеллигенцию". Затем Хрущев продолжал свои комментарии, причем особенно грубо объяснял наличие нормы для евреев:

"Если бы евреи захотели занять руководящие посты в наших республиках, естественно, местное население обиделось бы. Они встретили бы в штыки эти притязания, так как они не считают себя менее умными или менее способными, чем евреи. Или, например, когда на Украине еврея назначают на высокий пост, он окружает себя сотрудниками-евреями, понятно, что это вызывает зависть и враждебное отношение к евреям".

В следующем месяце Екатерина Фурцева сказала в интервью корреспонденту газеты "Нейшнл гардиан" следующее:

"Правительство обнаружило в некоторых своих отделах большое скопление евреев, до 50% штата. Были приняты меры к переводу их в другие учреждения, чтобы им было предоставлено такое же хорошее положение без умаления их прав".⁴⁴

Последнее интервью имело место в августе. Дж. Б. Залцберг, в прошлом один из лидеров канадской коммунистической партии, встретился с некоторыми советскими руководящими работниками, один из которых обосновал слова Фурцевой:

"Он упорно старался доказать мне на примерах, что перевод или увольнение служащих-евреев в некогда отсталых республиках, в которых есть сейчас "собст-

венная“ интеллигенция и специалисты, способные занимать посты, прежде занимавшиеся евреями или русскими, ничего общего не имеет с антисемитизмом“.⁴⁵

Хрущев вернулся к этому аргументу в своей неопубликованной речи на собрании работников искусств 17 декабря 1962 года.⁴⁶ Он заявил, что антисемитизм будет усиливаться, если евреи будут занимать слишком много руководящих должностей.

Хотя эти интервью и речь Хрущева были скрыты от русской общественности и появились только в западной прессе, факты ограничений и существования “процентной“ нормы тем не менее были известны многим в Советском Союзе. В марте 1962 года на заседании центрального комитета Академии Константин Скрябин, говоря о привлечении компетентных кадров в науку, косвенно критиковал неправильное использование паспортов. “С моей точки зрения ученый должен оцениваться не по паспорту, а по голове, с точки зрения его работоспособности, знаний и общественной пользы“.⁴⁷

Еще одно косвенное доказательство предпочтения, оказываемого некоторым национальностям, можно найти в партийном теоретическом журнале “Коммунист“ за июнь 1963 года: “Менее развитым нациям предоставлялись различные льготы и преимущества в подготовке кадров. Только при этом условии можно было достигнуть фактического равенства наций“.⁴⁸

То, что дискриминация при приеме евреев на работу может плохо отразиться на повышении производительности, рационализации и на стремлении сделать государственную машину более эффективным и гибким орудием для развития экономики, было высказано в передовой статье “Правды“ за 5 сентября 1965 года. Сначала отмечалось, что Ленин “с гневом обрушивался на все проявления национализма“ и особенно требовал непрекращающейся “борьбы против антисемитизма, этого злобного проявления расовой разобщенности и национальной вражды“. Далее в статье утверждалось: “Необходимо помнить, что растущие масштабы коммунистического строительства требуют

постоянного обмена кадрами между народами. Поэтому недопустимы какие-либо проявления национальной обособленности в воспитании и использовании работников различных национальностей в советских республиках". (Подчеркнуто нами, У. К.). Значение этой передовой статьи в том, что впервые за последние два десятилетия главный орган партии обрушился в своей передовой на антисемитизм, подкрепляя его осуждение цитатами из трудов Ленина. Неизвестно, появились ли в результате этой статьи директивы, противоположные прежним инструкциям как в общесоюзном, так и в местном масштабе.

Дискриминация евреев в политической жизни, начиная с сороковых годов, также совершенно очевидна. Состав различных советских органов иллюстрирует это. С 1927 года на уровне верховного совета произошло резкое сокращение числа евреев.⁴⁹ Хотя евреи составляют свыше одного процента населения, после сороковых годов их насчитывалось около 0,5 процента в высшем законодательном органе. Принимая во внимание, что подбор кандидатов в депутаты верховного совета находится под партийным контролем, нельзя не сделать вывод, что существует инструкция о выдвигении лишь символического числа евреев. Таким образом, статья 135 конституции потеряла смысл для евреев.

Дискриминация еще больше очевидна в подборе депутатов в верховные советы 15 союзных республик.⁵⁰ В эти органы было избрано в 1959 году 5312 депутатов, среди них только 14 евреев — 0,26%. Только один депутат-еврей оказался избранным среди 835 депутатов в РСФСР; один еврей среди 457 депутатов на Украине (т. е. 0,22% при 2% евреев в республике); 2 еврея среди 407 депутатов в Белоруссии (т. е. 0,45 при 1,9% евреев в республике). Подобные процентные отношения существуют также в неславянских республиках. Например, из 281 депутата Молдавии, где евреи составляют 3,3% всего населения, не было ни одного еврея; из 200 депутатов Латвии где евреев 1,7% всего населения, также не был избран ни один еврей.

Литва явилась исключением: процент евреев, избранных в верховный совет, соответствовал процентному отношению евреев ко всему населению республики, т. е. 3 еврея из 209 депутатов, или 1,44%.

Значительное снижение абсолютного числа и процента евреев в верховном совете сопровождалось огромным сокращением числа евреев в элите, составляющей центральный комитет коммунистической партии.⁵¹ Евреи в этом органе в 1939 году составляли 10,8%, т. е. выше, чем процент украинцев и белорусов вместе взятых. Но к 1952 году это процентное отношение сократилось до трех, затем до двух в 1956 году и до 0,3% в 1961 году. Среди 330 членов ЦК в настоящее время имеется один еврей Вениамин Дымшиц. Эти данные позволили специалисту, изучающему советскую верхушку, заметить: "Евреи являются единственной национальностью, которой относительный вес и абсолютное число среди представителей элиты последовательно снижались как в сталинский, так и в послесталинский периоды".

Иначе обстоит дело с принадлежностью к партии. Здесь ограничений для евреев, по-видимому, нет. Данные о количестве членов партии⁵² показывают, что из 11.758.200 членов и кандидатов 1.035.300 относятся к категории "других национальностей и народов". Точные цифры указаны для ведущей национальности каждой из 15 республик. Значительная цифра остаточной категории указывает на вероятность значительного числа евреев. Новые правила, принятые на XXII партийном съезде, требуют соблюдения "морального кодекса", который включает "нетерпимость к национальной и расовой вражде".⁵³ Но если этот кодекс применим к рядовым членам партии, то в высших слоях явно существует принцип исключительности.

Наиболее острая дискриминация существует в практике приема в высшие учебные заведения, являющиеся ключом к продвижению в советском обществе. В 1959 году министр высшего образования В. П. Елютин настойчиво отрицал существование процентной нормы против евреев.⁵⁴ И спустя три года СССР

ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО против дискриминации в области образования, обязывающая "отменить установленные правила и административную практику, которые предусматривают дискриминацию в области образования". Но два советских журнала опубликовали в 1963 году данные, имеющие обратный смысл. "Коммунист" косвенным образом, а "Бюллетень высшего образования"⁵⁵ совершенно открыто признали существование "ежегодно планируемых льготных норм приема". Н. Де Витт, американский специалист по советской системе образования, утверждает, что система норм наносит "особенно тяжелый ущерб еврейскому населению". Отметив, что эта система основывается на принципе "пропорционального равновесия" (число принимаемых в высшие учебные заведения любой национальной или этнической группы должно соответствовать величине этой группы в общем населении СССР), Де Витт привел данные, показывающие, что за период между 1935 и 1958 годами "число принятых в вузы большинства национальностей повысилось; в то время как число грузин и некоторых других национальных меньшинств понизилось, число евреев особенно резко сократилось".⁵⁶

Советские законы, исключая дискриминацию на национальной и расовой основе, предусматривают запрещение открытого выражения антисемитизма. Первая попытка сделать антисемитизм государственным преступлением была предпринята в июле 1918 года, когда Совнарком утвердил приказ, который призывал к уничтожению "в корне антисемитского движения", объявив вне закона "всех погромщиков и людей, призывающих к погромам".⁵⁷ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года запрещал "агитацию и пропаганду, возбуждающую национальную рознь и вражду"⁵⁸ и определил срок наказания за это не меньше года одиночного тюремного заключения и смертную казнь для лиц, нарушающих этот закон во время войны. УК РСФСР от 1927 года определил срок тюремного заключения "не мене двух лет" за "про-

паганду и агитацию, направленные на возбуждение национальной или религиозной вражды и розни". Такое же наказание было предусмотрено за распространение, подготовку или хранение литературы, которая вызывает национальную вражду.⁵⁹ Современный УК РСФСР, действующий с 1961 года, гласит: "Пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни... наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет⁶⁰ (ст. 74). Этот раздел УК базируется на статье 11 "Основ уголовного права СССР", принятых Верховным Советом в декабре 1955 года.

В двадцатых годах в советской прессе часто сообщалось о случаях антисемитизма и о судебных процессах против виновных.⁶¹ В то время партийные органы решительно осуждали антисемитизм и требовали принятия энергичных мер против его проявлений. В тридцатых годах число сообщаемых случаев резко упало и внимание прессы к этой проблеме ослабело. Но доводилось до сведения населения, что партия не потерпит антисемитизма. Речь председателя Совнаркома В. М. Молотова на восьмом съезде Советов в ноябре 1936 года, напечатанная в "Правде",⁶² особенно интересна в этом плане. Он прочел текст заявления Сталина еврейскому телеграфному агентству в январе 1931 года (оно в то время не появилось в советской печати), в котором говорится, что антисемитизм — "явление глубоко враждебное советскому строю".

Послевоенный период, наоборот, отличался не только отсутствием осуждающих антисемитизм статей, но и началом в 1948—49 годах кампании против "космополитизма", т. е. открытого подстрекательства против евреев. Эта кампания достигла апогея в период провокации с "заговором врачей" в начале в 1953 года, которая породила опасную антиеврейскую обстановку. Смерть Сталина и последовавшее за ней разоблачение сфабрикованного органами государственной безопасности "заговора", положили ко-

нец угрожающей волне антисемитизма. "Правда" намекнула на антисемитский характер заговора,⁶³ но ни она, ни другие газеты, и ни один государственный деятель не признали его проявлением антисемитизма и не воспользовались им для проведения воспитательной кампании против антисемитизма. В своем выступлении на XX партсъезде в 1956 году Хрущев разоблачил некоторые потрясающие детали этого эпизода, но не упомянул о его антисемитском характере. Позднее Хрущев дал понять, что "дело врачей", по его мнению, не было проявлением антисемитизма. Он писал Бертрану Расселу в феврале 1963 года: "Никогда не было и нет политики антисемитизма в Советском Союзе, так как самый характер нашего многонационального социалистического государства противоречит возможности такой политики".⁶⁴ (Подчеркнуто нами, У. К.).

Со времени "заговора врачей" и до недавнего времени руководящие органы СССР избегали высказываний против проявлений антисемитизма. О судебных процессах по ст. 74, если они и происходили, в печати не сообщалось. За одним исключением Советы замалчивали факты и проявления антисемитизма, о которых сообщалось в западной печати.

Этим исключением была книга Т. Кичко, под названием "Сионизм без прикрас", изданная в октябре 1963 года Украинской Академией Наук. В этом так называемом "исследовании" автор утверждает, что иудаизм поощряет лицемерие, взяточничество, алчность и ростовщичество; иудаизм, в свою очередь, связан с сионизмом, Израилем, еврейскими банкирами и западными капиталистами. Злобные антисемитские карикатуры дополняли вульгарный текст. После протестов во всем мире и резкой критики со стороны ведущих западных коммунистических партий советские партийные руководители проявили озабоченность. В апреле 1964 года идеологическая комиссия ЦК партии осудила эту книгу за "ошибочные положения и иллюстрации, которые могут обидеть верующих и могут быть интерпретированы

в духе антисемитизма".⁶⁵ Резолюция сформулирована расплывчато, сама книга не была признана антисемитской и автора не обвинили в нарушении статьи 66 УК Украины (которая соответствует ст. 74 УК РСФСР).

В 1961—64 гг. советские руководители проводили широкую кампанию против экономических преступлений, в ходе которой проявился антисемитизм. В ряде случаев в печати обращалось особое внимание на еврейское происхождение обвиняемых и казнимых за экономические преступления.⁶⁶ Но ни прокурор, ни газеты не подвергались критике за расизм или ханжество. Хрущев публично отверг обвинения всего мира в наличии антисемитизма в Советском Союзе, назвав их "грубой стряпней, злобной клеветой на советский народ, на нашу страну".⁶⁷

Только в 1965 году были приняты некоторые положительные меры. Передовой статье "Правды" за 5 сентября 1965 года предшествовало публичное выступление премьера А. Н. Косыгина в июле 1965 года. Выступая на массовом митинге в Риге (Латвия), премьер осудил "проявления национализма, великодержавного шовинизма, расизма, антисемитизма" как явления "абсолютно чуждые и противоречащие нашему мировоззрению".⁶⁸ Однако эти заявления не явились сигналом к устранению проявлений антисемитизма на основе советского уголовного права. В настоящее время практическое применение законов против всевозможных проявлений антисемитизма и выполнение различных постановлений и решений о языковых и культурных правах евреев оставляют желать лучшего.

Но если лишение языковых и культурных прав может привести к ожидаемой партией ассимиляции, то лишение гражданских прав может привести к неожиданному подъему чувства самоутверждения. Ибо у людей неизбежно возникает вопрос: каковы этнические особенности, вызывающие их дискриминацию как личностей. Таким образом, различные выражения дискриминации, хотя и имеют одну и ту же тен-

денцию, в результате противоречат друг другу. Примечательной чертой современного развития советского еврейства, по признанию многих объективных наблюдателей, является не упадок национального самосознания, а прямо противоположный процесс — национальное возрождение.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Автор опубликовал статью на близкую тему в сб. E. Goldhagen, *Minoritet in the Soviet Union* (New York Praeger, 1968).
2. См. в частности И. Сталин, *Марксизм и национально-колониальный вопрос*, М., 1937, стр. 6, 8.
3. В. И. Ленин, *Сочинения*, т. XVII, 3-е изд., М. 1937 стр. 292.
4. В. И. Ленин, *Сочинения*, т. XXIV, 3-е изд., М., 1937, стр. 96.
3. И. Сталин, указ. соч., стр. 209.
6. S. Schwarz, *The Jews in the Soviet Union*, New York, 1951, стр. 97.
- 7 Там же и B.Z. Goldberg, *The Jewish Problem in the Soviet Union*, New York, 1961, стр. 360.
В противоположность идиш иврит считался "реакционным" языком и орудием сионизма. После полуофициального существования в течение нескольких лет, школы с обучением на иврите были закрыты местными властями.
8. Практическое решение национального вопроса в Белоруссии, часть I, Минск, 1927, стр. 120.
9. "Правда", 28 декабря 1932 года. Для выяснения роли паспортной системы в статистике см. "Вестник статистики", июль 1965 г., стр. 16 — 21. Эта статья указывает на то, что в различных сельских районах паспортная система еще не была введена.
10. См. "New York Times" за 18 февраля 1963 года и данные Андре Блюмеля, сообщенные на парижской пресс-конференции и опубликованные в "Jerusalem Post" за 23 октября 1960 г.
11. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, "Проявления расовых предрассудков и национальной и религиозной нетерпимости", док. А (5473) доп. 1, 25 сентября 1963 г., стр. 42. Дальнейшие ссылки на "Проявления". Это примечание, помимо того, что оно единственное, вносящее ясность в до-

- клад (имевшееся второе примечание указывало на источник), было необычно тем, что оно не служило цели, а указывало лишь на нормативную точку зрения. Замечание по поводу переписи, конечно, правильно.
12. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, "Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года", СССР, М. 1962, стр. 204. Для сведений о представителях области см. "Депутаты Верховного Совета СССР", М., 1962.
 13. Данные имеются в "Правде" за 4 февраля 1960 г. У отвечающих не требовали доказательств их национальности, вполне возможно, что многие евреи, особенно в случаях смешанных браков, могли заявить о принадлежности не к той национальности, которая указана в паспорте. В связи с этим следует заметить, что родителям давалось право определять национальность детей. См. "Проявления" док. А (5473) доп. 1, стр. 42. Родители, состоявшие в смешанных браках, могли выбрать нееврейскую национальность для своих детей.
 14. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, "Численность, состав, размещение населения СССР", М., 1961, стр. 25; "Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года", СССР, указ, соч., стр. 184—202. 35.700 евреев указали грузинский язык; 20.800 — таджикский язык; 25.400 — татарский. Уточненное общее число евреев, которые указали еврейский язык как родной, составляет 487.800.
 15. Я. Кантор. Эйнике бамеркунген ун ойсфирен цу ди фарэфентлихте сахаклен фун дер фолксцейлунг ин ратенфарбанд дем 15 януар 1959, "Блетер фар гешихте", Варшава, VХ, 1926—63, стр. 146—147. Эта работа появилась лишь в начале 1964 г.
 16. Автор изучил часть статьи М. Фридберга,

- Сложноподчиненное предложение в идиш-дайч XVI—XVIII вв., в сб. "Вопросы синтаксиса романо-германских языков", Л., 1961.
17. Собрание узаконений и распоряжений, № 51, М., 1918, стр. 599—609.
 18. Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик, М., 1927.
 19. См. "Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Украинской ССР", Киев, 1922, № 41; и "Практическое решение национального вопроса Белорусской ССР", ч. 1.
 20. S. Schwarz, указ. соч. стр. 137.
 21. Конституция СССР. Конституция союзных и автономных советских социалистических республик, М., 1960.
 22. Комиссия по правам человека. "Исследование дискриминации в области образования", Доклад E/CN, 4/Sub, 2/210, 5 января 1961 года, стр. 6. См. также заявление советского правительства в ЮНЕСКО: "Союз Советских Социалистических Республик докладывает, что каждый советский гражданин может обучать своих детей на любом языке, на котором он пожелает...." См. Комиссия по правам человека, "Периодические доклады о правах человека за период 1960—62 годов", док. E/CN, 4/861 доп. 2, 20 декабря 1963 года, стр. 42.
 23. Новая система народного образования в СССР, 1960, стр. 79.
 24. Фотокопия этого русского письма имеется в книге J.B. Schechtman, Star in Eclipse: Russian Jews Revised, New York, 1961, стр. 151
 25. "Правда", 2 ноября 1961 года.
 26. Относительно этих попыток и их неудач, а также о закрытии школ в Биробиджане, см. E. Shulman, The Jewish School Sistem in the Soviet Union, 1918—1948, неопубликованная док-

- торская диссертация в Dropsie College, 1965.
27. Report of the American-European Seminar in the USSR, West Haven, n.d. (1957).
 28. Ведомости Верховного Совета СССР № 52 (1293), стр. 931. Этот декрет был обнародован 28 декабря 1964 года, но был подписан 29 августа 1964 года.
 29. Réalités, май, 1957.
 30. Кантор, указ. соч., стр. 148.
 31. И. Сталин, указ. соч., стр. 207.
 32. Там же, стр. 194.
 33. "Правда", 2 ноябрь 1961 года.
 34. Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 192.
 35. Статья из ж. "История СССР", № 3 (1962), переведена в журнале "Советская социология", т. 1, № 2, стр. 10—28.
 36. "Проявления", док. А (5473), доп. 1, стр. 48.
 37. Материалы XXII съезда КПСС, стр. 192.
 38. Pipes, The Fors of Nationalism. Сборник Problems of Communism, январь—февраль 1964, стр. 6.
 39. I.P. Tsamerian & S.L. Ronin, Equality of Rights Between Rases and Nationalities in the USSR, Nijmegen, 1962, стр. 17—21. Декреты Временного правительства находятся в "Сборнике указов и постановлений Временного правительства, 1 марта — 18 мая 1917 г.", Петроград, 1917, стр. 8, 46.
 40. Уголовный кодекс РСФСР, М., 1964, стр. 39. Уголовный кодекс Украины предусматривает тюремное заключение от 6 месяцев до 3 лет. Кодексы других республик предусматривают такое же наказание.
 41. См., например, Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, "Высшее образование в СССР", М., 1961, стр. 49; и "Евреи в Советском Союзе", "Агентство печати "Новости" (дата не указана, 1963).
 42. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), М., 1928, стр. 400-1.

43. *Réalités*, май, 1957.
44. *National Guardian*, 25 июня, 1956.
45. О визите Солсберга сообщается в "Wochenblatt" и "Morgen Freiheit". С 25 октября по 20 декабря 1956 г. появился ряд статей. Цитируемый отрывок взят из статьи Дж. Солсберга, *Anti-Semitism in the USSR? "Jewish Life"*, февраль 1957, стр., 38.
46. Содержание изложено в "Observer", 13 января 1963, Лондон.
47. "Правда", 8 марта 1962 года. В стенограмме указано, что после этих слов Скрябина послышался возглас "правильно" и раздались аплодисменты.
48. П. Рогачев и М. Свердлин, "Советский народ — новая историческая общность людей", — "Коммунист", июнь 1963, стр. 13.
49. S. Schwarz, указ. соч., стр. 355, 364. Дальнейшие сведения взяты из книги "Депутаты Верховного Совета СССР", Москва, 1962.
50. Состав депутатов Верховного Совета союзных и автономных республик и местных советов трудящихся в 1959 году, М., 1959. Данные о составе следующих верховных советов республик не были опубликованы.
51. S. Bialer, *How Russians Rule Russia*, сборник *Problems of Communism*, сентябрь—октябрь 1964, стр. 46, 48.
52. "Партийная жизнь", № 10, май 1965, стр. 8—17.
53. "Правда", 3 ноября 1961 г.
54. "The New York Times", 29 сентября 1959 г.
55. См. В. Комарова и В. Артамошкина. Такова их научная объективность! — "Вестник высшей школы", декабрь, 1963, стр. 78.
56. N. de Witt, *Education and Professional Employment in the USSR*, Washintgon, 1961.
57. "Известия", 27 июля 1918.
58. Уголовный кодекс РСФСР, М., 1922, разд. 83, стр. 18.

59. Уголовный кодекс РСФСР, М., 1922, разд. 59—7. стр. 23.
60. Уголовный кодекс РСФСР, М., 1964, статья 74, стр. 39.
61. Этот вопрос обсуждает подробно S. Schwarz указ. соч., стр. 241—99.
62. "Правда", 30 ноября 1936 года.
63. "Правда", 6 апреля 1953 года.
64. "Правда", 28 февраля 1963 года. Это письмо датировано 21-м февраля 1963 года.
65. "Правда", 4 апреля 1964 года. Сначала Советский Союз избегал отвечать на критику, сказав только, что Кичко просто занимался антирелигиозной пропагандой, что разрешается по конституции. См. заявление АПН, 24 марта 1964 года.
66. Для получения детального и тщательно проверенного анализа фактов антисемитизма во время кампании по расследованию экономических преступлений см. Economic Crimes in the Soviet Union, — "Journal of the International Commission of Jurists", лето 1964, стр. 3—47.
67. "Правда", 28 февраля 1963 г.
68. "Правда", 19 июля 1965 г.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

(дополнение к примечаниям)

1. Комиссия по правам человека. Изучение дискриминации в вопросах религии, Conference room paper, № 35, 30 января 1959 года.
2. Goldberg, B.Z. The Jewish Problem in the Soviet Union, New York, 1961.
3. Якубович М. И. и Владимиров В. А., Государственные преступления. Учебное пособие по советскому уголовному праву, М., 1960.
4. Кантор Я., Эйнике бамеркунген ун ойсфирен цу ди фарэфентлихте сахаклен фун дер фолкцейлунг ин ратенфарбанд дем 15 януар 1959., "Блетер фар гешихте", (XV), Варшава, 1962—63.
5. Конституция СССР. Конституция союзных и автономных социалистических республик, М., 1960, Ленин В. И., Сочинения, тт. XVII и XXIV, 3-е изд., М., 1937.
6. Меньшагин В. Д. и Куринов В. А., Научно-практические комментарии к закону об уголовной ответственности за государственные преступления, М., 1960.
7. Новая система народного образования в СССР, М., 1960.
8. Практическое решение национального вопроса в Белорусской ССР, часть 1, 1927.
9. Schwarz, S., The Jews in the Soviet Union, New York, 1951.
10. Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик, М., 1927.
11. Собрание узаконений и распоряжений, № 51, М., 1918.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Украинской ССР, № 41, Киев, 1922.

13. Сталин И., Марксизм и национально-колониальный вопрос, М., 1937.
14. Tsamerian, I.P., Ronin S.L., Equality of Rights Between Races and Nationalities in the USSR, Nijmegen, 1962.
15. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года, М., 1962.
16. УК РСФСР, М., 1922.
17. УК РСФСР, М., 1953.
18. УК РСФСР, М., 1964.
19. Генеральная Ассамблея ООН, Проявления расовых предрассудков и национальная и религиозная нетерпимость, док. А/5473 доп. 1, 25 сентября, 1963.
20. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), М., 1928.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ, СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ

1

В годы, предшествовавшие большевистскому перевороту в октябре 1917 года, сионизм в России вырос в массовое народное движение. Всероссийский сионистский съезд в Гельсингфорсе в ноябре 1906 г. перешел от прежней аполитичности в вопросах российского государственного строя к широкой программе активной борьбы за демократизацию страны и за гражданские и национальные права еврейского меньшинства. Среди 12 еврейских депутатов I Государственной Думы 5 были сионистами. Февральская революция 1917 г. дала свободный выход накопившемуся сионистскому потенциалу, и на первом революционном Всероссийском сионистском съезде в Петрограде (май 1917 г.) 522 делегата представляли 140.000 членов, купивших "шекель" ("шекель" — древняя монета, по имени которой был назван "взнос" в сионистскую организацию), из 340 городов и местечек. Декларация Бальфура, опубликованная в ноябре, вызвала многотысячные сионистские манифестации на улицах русских городов.

Большевистский переворот вначале слабо отозвался на судьбах сионистского движения в стране, хотя враждебность к сионизму как к национальному движению вошла в канон большевистской идеологии. Ведь Ленин еще в 1903 г. объявил "явно реакционной" самую идею еврейской национальности, а десять лет спустя Сталин писал в своей брошюре "Марксизм и национальный вопрос", что ассимиляция евреев неизбежна. Демократический характер сионистского движения тоже стоял в явном противоречии с тоталитарным режимом, построенным на принципе диктатуры.

Тем не менее в течение 1918 г. и первых месяцев 1919 приход большевиков к власти почти не задел

сионистской деятельности. "Палестинская неделя", провозглашенная весной 1918 г., была успешно проведена в сотнях еврейских общин. В Петрограде, Минске и в ряде украинских еврейских центров были организованы эмиграционные кооперативы. Гехалуц, созданный Иосифом Трумпельдором в июне того же года, вырос в весьма значительную силу. Сионистские органы печати продолжали выходить без каких-либо препятствий.

2

В дальнейшем хронология и интенсивность антисионистского нажима были различны в Великороссии (РСФСР) и на Украине, где советская власть прочно установилась лишь в 1920 году. С октября 1917 г. до февраля 1919 г. территория Украины была в руках Украинской центральной рады (до апреля 1918 г.), немцев и гетмана (до 14 декабря 1918 г.) и Директории во главе С. Петлюрой (до февраля 1919 г.). В эту эпоху сионистское движение на Украине пользовалось полной свободой и, несмотря на оппозицию Бунда — Фарейнигте и Фолкспартей, — заняло доминирующее положение среди еврейских общественных движений. На выборах в так называемое Временное еврейское национальное собрание Украины (ноябрь 1918 г.) три сионистских списка (Альгемейне, Цейрей-Цион и Поалей-Цион) получили абсолютное большинство: 112.851 голос из общего числа 209.128. Весной 1919 г. на выборах в Советы еврейских общин те же три списка собрали 54,4% общего числа голосов; 59% избранных членов общинных советов были сионисты.

В РСФСР коммунисты стоят у власти с октября 1917 г., гонения на сионистов начались там на десять месяцев позже, чем на Украине. Причина была прежде всего в структуре и составе первого советского органа по еврейским делам. Во главе еврейского комиссариата (Евкома) при созданном 18 января 1918 г. народном комиссариате по делам национальностей (возглавлявшемся Сталиным), стояли деятели, лишь поверхностно связанные с коммунистической традицией, равно

как и с еврейскими проблемами и с внутренней, социальной борьбой среди еврейских движений. Из пяти членов коллегии один только С. Диманштейн совмещал прошлое "старого большевика" со знанием специфических условий еврейской жизни. Из остальных четырех И. Добковский был левый социал-революционер, а А. Шапиро, А. Кантор и С. Агурский — анархисты, лишь недавно вернувшиеся из эмиграции. Они не имели крепких связей с сионистами и не стремились свести с ними счеты. В первые месяцы существования евкома отдельные поалей-сионисты принимали участие в его работах, но уже полгода спустя они были отстранены. Левые эсеры вскоре порвали с советской властью и также были исключены из евкома. В этом составе евком проявил малый интерес к сионистской деятельности. Занятый преимущественно коммунистической пропагандой на идиш среди еврейских "трудящихся", ликвидацией существующих еврейских и заведением перенятых от них учреждений, евком не имел ни времени, ни желания активно бороться с сионистами. А в 1924 г. он, равно как и весь комиссариат по делам национальностей, был распущен.

За свое явное равнодушие к преследованию сионистов евком впоследствии подвергался очень строгой критике со стороны так называемой еврейской секции при коммунистической партии (евсекции). В этой организации главную роль играли уже не "старые большевики" — в большинстве своем недружелюбные, но по существу скорее равнодушные к сионизму, — а бывшие деятели других еврейских партий, в том числе бывшие бундовцы и члены партии Фарейнигте, перешедшие незадолго до того к коммунистам и принесшие с собой ярую вражду ко всем сионистским группам, с которыми они в течение ряда лет вели ожесточенную борьбу. Евсекция видела свою задачу в установлении "диктатуры пролетариата на еврейской улице". Существование и активность сионистских организаций препятствовали этому. Еще летом 1918 г. появилась в Петрограде брошюра З. Гринберга "Ди сионистн ойф дер идишер гас", в которой сионизм был заклеямен

как "citадедь реакции" и концентрация "мелкобуржуазных элементов среди еврейских масс против революционной России". Очевидно, в надежде предотвратить это обвинение в контрреволюционности, шестьдесят сионистских деятелей, собравшихся в Москве в мае 1918 г., приняли резолюцию о "нейтралитете" в вопросах внутренней российской политики. В общем, 1918 г. прошел в Великороссии спокойно. Но уже в начале 1919 г. положение стало ухудшаться. В феврале Петроградский центральный комитет Российской сионистской организации отметил случаи преследования местных сионистских групп: закрытие сионистских бюро и клубов и запрещение сионистской прессы. Впрочем, эти ранние преследования исходили главным образом не от центральных советских органов, а от местных евсекций и евкомов, в которых угнездились коммунистические неопиты из среды антисионистских партий. Обращаясь за защитой к председателю тульского районного совета, группа Цейрей-Цион в Туле объясняла, что местный евком "состоит из бывших сионистов-социалистов, с которыми мы разошлись по вопросу о еврейской территории и которые поэтому стали нашими противниками... Теперь они пытаются воспользоваться советской властью, чтобы свести старые счета". Районные и областные советы нередко удовлетворяли подобные петиции, предлагая местным евкомам умерить их антисионистский пыл. Петроградское совещание сионистских деятелей в марте 1919 г. отметило, что, несмотря на все препятствия, больше миллиона рублей было собрано на сионистские цели в течение одного года.

Настойчивое требование крестового похода против сионизма было провозглашено в июне 1919 г. на второй конференции районных евсекций и евкомов в Москве. "Своей палестинской политикой, — гласила резолюция, — сионистская партия превращается в орудие в руках империалистов Антанты в их борьбе против пролетарской революции". Конференция требовала роспуска "контрреволюционной... клерикальной и националистической" Сионистской организации.

Этот призыв не нашел немедленного практического отклика в самой РСФСР. Но на Украине, занятой советскими войсками в феврале 1919 г., преследования сионистов начались летом того же года.

4 июля центральный комитет Комфербанда, в котором объединились перешедшие к коммунистам бывшие бундовцы и фарейнигте, обратился к наркомвнуделу в Киеве, настаивая на "абсолютной необходимости ликвидировать деятельность сионистской партии и всех его подразделений". Два дня спустя агенты ЧК, в сопровождении членов Комфербанда произвели массовые обыски у видных сионистов Киева, а 12 июля наркомвнудел телеграфно предписал всем своим отделам "немедленно прекратить деятельность центрального и местных комитетов сионистской партии и всех связанных с нею учреждений". От всех активных сионистских работников потребовали подписку о прекращении всякой сионистской деятельности; нарушение этого приказа влекло за собой предание суду Революционного трибунала. В статье, напечатанной в тот же день в "Комунистиче фон", бывший лидер украинского Бунда коммунист М. Рафес с удовлетворением подчеркнул, что инициатива этой репрессии принадлежала еврейским коммунистам: они видели в ней проявление "еврейской гражданской войны" и "осуществление диктатуры пролетариата на еврейской улице". Массовые обыски были также произведены в домах видных сионистских деятелей в городах Одесса и Харьков.

Ликвидация сионистских организаций не успела принять всеукраинский характер, так как большая часть страны была во второй половине 1919 г. занята Добровольческой армией генерала Деникина. Добровольческие части отметили свой путь кровавыми еврейскими погромами, но не были заинтересованы в преследовании сионистов как таковых. Эта "передышка" продолжалась до окончательного изгнания деникинцев в начале 1920 г.

В разгромленном и терроризированном погромами украинском еврействе стремление к эмиграции в Палестину приняло стихийный характер. В Черкассах (Киевской губ.) из 2118 опрошенных еврейских семей 1823 ответили, что они готовятся к немедленной эмиграции; в Новорархангельске (Херсонской губ.) "все еврейское население готово при первой возможности бросить свое местечко и выехать в Палестину". Некоторые местные сионистские группы начали создавать специальные палестинские бюро, регистрировать желающих включиться в переселенческие кооперативы, выработать уставы, проводить интенсивные сборы денег.

4

В середине 1919 года борьба против сионизма приняла более активный характер и в Великокороссии, где еврейская коммунистическая печать давно жаловалась на "непонятную терпимость" к сионистам со стороны центральной советской власти. Предвидя возможность такого нажима, центральный комитет Сионистской организации в начале июля 1919 г. обратился к Всероссийскому центральному исполнительному комитету СССР (ВЦИК) с просьбой о легализации. Полученный 21 июля ответ был успокоителен, но уклончив: так как ни ВЦИК, ни совнарком не объявили сионистскую партию контрреволюционной и так как ее культурная и воспитательная деятельность не противоречит решениям коммунистической партии, ВЦИК, не видя нужды в специальной легализации, предписывает всем советским органам не препятствовать деятельности сионистской партии. Это означало полулегальное существование, не исключавшее, однако, административных репрессий.

1 сентября ЧК опечатала центральное сионистское бюро в Петрограде, арестовала его руководителей, конфисковала документы и 120.000 рублей и закрыла центральный сионистский орган "Хроника еврейской жизни". На следующий день в Москве арестовали нескольких сионистских лидеров.

После этого были закрыты "Гаам" в Москве и "Рассвет" в Петрограде. В Витебске, Саратове и других городах тоже были произведены аресты. Однако административные репрессии еще не носили систематический характер. Арестованных в Москве сионистов скоро освободили, а 6 ноября ЧК разрешила вновь открыть сионистское бюро в Петрограде и даже вернула конфискованные фонды и значительную часть документов.

По-видимому, ободренный ответом ВЦИКа и колебаниями власти, центральный комитет Сионистской организации созвал на 20 апреля 1920 г. в Москве Всероссийский сионистский съезд с участием 109 делегатов и гостей. Первые два дня прошли спокойно. Но на третий день всех участников арестовали. По дороге в ЧК арестованные демонстративно маршировали под звуки сионистского гимна "Хатиква". Председатель центрального комитета Ю. Д. Бруцкус предъявил главе ЧК Лацису резолюцию ВЦИКа от июля 1919 года. Тот прочел и вернул ее, прибавив: "Пусть так, но вы не получили разрешения на созыв съезда". В дополнение к этому проступку чисто административного порядка членам съезда вменялось в вину "компрометирующие документы", "симпатия к Англии", сотрудничество с американскими сионистами в оказании помощи адмиралу Колчаку и общая поддержка всяких антисоветских элементов.

В середине июля 68 арестованных были освобождены по ходатайству американского общества Джойнт; остальные были приговорены к принудительным работам на сроки от 6 месяцев до 5 лет, но были впоследствии освобождены после подписания обязательства впредь не заниматься сионистской деятельностью. Тогда центральный комитет Сионистской организации постановил уйти в подполье. Было образовано нелегальное центральное бюро во главе с Е. М. Чериковером, которое координировало деятельность местных сионистских групп; в тяжелых условиях и с частыми перерывами эта деятельность продолжалась до конца 20-х годов.

В течение июля 1920 г. третья конференция еврейских секций категорически заявила, что теперь "нет больше абсолютно никаких оснований для сдержанности в борьбе против сионизма... Необходимо положить конец колебаниям в официальном отношении к объединениям сионистской партии... Проявить твердость также и в отношении социалистической фразеологии Цейрей-Цион и сионистов-социалистов". Этот призыв к антисионистскому курсу нашел сочувственный отклик в советских верхах. Для коммунистической партии сионизм — хотя и непосредственно не связанный с внутрироссийскими политическими проблемами и уж, конечно, не претендующий на захват власти, — был инородным телом в общей структуре советского строя, предлагая русскому еврейству альтернативу эмигрировать в Палестину. Поэтому дискредитация сионизма совпала с общей политикой режима. У евсекции были развязаны руки. В ее распоряжении был — хотя и с некоторыми ограничениями, — весь карательный аппарат власти.

Состав самой евсекции к тому времени значительно изменился количественно и качественно. В 1918 г. она состояла из сравнительно немногочисленной кучки "старых" коммунистов-евреев, но ко второй половине 1920 г. создалась совершенно новая конъюнктура. Левое крыло расколовшегося Бунда (Комбунд) и Фарейнигте (Комфарейнигте) слились в Комфарбанд. Кадры евсекции были значительно усилены приливом неофигов коммунизма. Закаленные годами борьбы с сионизмом во всех его проявлениях, эти "новые евсеки" принесли с собой твердую решимость искоренить сионистскую крамолу. Они не были в состоянии добиться этого собственными силами в добольшевистскую эпоху; теперь они твердо рассчитывали на активную и решающую помощь правительственного аппарата, "Мы были до сих пор слишком великодушны и мягки... по отношению к шовинистической сионистской организации и ее органам", — писала 15 мая 1920 г. одесская газета "Дер штерн". "Пришло время придать гражданской

войне на еврейской улице форму решительных действий, а не бумажных резолюций". Решительные действия" не замедлили последовать: среди одесских сионистов были произведены массовые обыски и аресты. В ряде университетских центров студентов-сионистов исключили из высших учебных заведений, как "чужеродный идеологический элемент". Спортивные организации "Маккаби" были поставлены под постоянное наблюдение и подозрение.

Однако этот антиссионистский нажим не был повсеместен и столь суров. В большинстве случаев репрессии ограничивались обысками, арестами и конфискацией документов; длительное тюремное заключение и ссылка были сравнительно редки; а в Симферополе местные власти закрыли глаза на созыв 20 октября 1920 г. сионистской конференции, посвященной возможностям эмиграции крымских евреев в Палестину. Антиссионистские мероприятия в тот период, по-видимому, еще не были направлены на полное искоренение сионизма, но лишь создавали препятствия к его нормальному существованию и росту.

Половинчатость политики Кремля нашла свое выражение в переговорах между наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным и членом Всемирной сионистской организации д-ром М. Д. Идером, который был делегирован из Лондона в Петроград, чтобы добиться легализации сионистского движения. В меморандуме, представленном 5 февраля 1921 года, Идер ходатайствовал о разрешении сионистских собраний, не превышающих 200—300 участников; опубликования (с предварительной цензурой) информационной брошюры "только для одних сионистов"; свободного изучения иврита; годичной эмиграции в Палестину, не превышающей 5000 человек; участия русских сионистов в предстоящем XII сионистском конгрессе. Ответ последовал пять дней спустя. Чичерин счел нужным воздержаться от категорического и огульного отказа. Он также не объявил сионизм как таковой неприемлемым для советского режима. Признавая, что в отдельных случаях применяли репрессии против "некоторых

буржуазных элементов среди сионистов“, он все же считал, что они были результатом противозаконных действий со стороны этих элементов и не были направлены против сионистской идеи как таковой. Лучшее к тому доказательство Чичерин видел в том, что пропалестинской пропаганде социал-демократических групп и коммунистических групп Поалей-Цион была предоставлена полная свобода; им было даже разрешено послать делегацию на Сионистский конгресс, но они сами от этого отказались. Изучение иврита, утверждал Чичерин, не запрещено, а что касается эмиграции, то „нам самим нужна рабочая сила“.

Этот уклончивый и едва ли искренний ответ свидетельствовал, однако, о том, что в верхах режима еще не было готовности окончательно заклеить сионизм как реакционную силу и слепо следовать в этом вопросе за евсекцией. Характерен для этой разницы в подходе был скандал по поводу соглашения, заключенного 4 сентября 1921 г. в Карлсбаде между В. Е. Жаботинским и М. А. Славинским, представителем правительства Петлюры, которое тогда готовило поход на Советскую Украину. Стремясь предотвратить повторение погромов, соглашение предусматривало создание еврейской жандармерии, которая, не принимая участия в военных операциях, охраняло бы еврейское население в местностях, оккупированных петлюровскими частями. Поход на Украину не состоялся и соглашение осталось мертвой буквой. Но самый факт его заключения вызвал оживленную дискуссию в мировой еврейской прессе. В Советской России евсекция сделала энергичную попытку использовать ее для своих целей. В ее центральном органе „Дер эмес“ появилась статья с оригинальным заголовком: „Сионисты вонзают нож в спину революции! Жаботинский объединился с Петлюрой в борьбе против Красной Армии!“. Несколько дней спустя „Жизнь национальностей“, орган комиссариата по делам национальностей, требовал, чтобы правительство „ликвидировало сионистскую контрреволюционную гидру“, в первую очередь, выпустило спортивную организацию „Маккаби“, упомя-

нутую в соглашении как возможный источник для рекрутирования еврейской противопогромной жандармерии. Дело перешло в отдел спорта и военной подготовки при комиссариате военных дел, в чьем ведении находилась "Маккаби". Была образована специальная "тройка" во главе с политруком отдела неевреем Вальниковым. Председатель "Маккаби" инженер И. М. Рабинович первым делом объяснил, что российский "Маккаби" ни в какой мере не ответствен за действия Жаботинского. При этом он имел мужество в дополнение к этому формальному отводу прибавить, что единственной целью соглашения со Славинским было спасение еврейских жизней и что на месте Жаботинского он поступил бы точно так же. "Тройка" пришла к заключению, что "Маккаби" ни в чем не повинен, что при заключении соглашения со Славинским не было с еврейской стороны "контрреволюционных намерений", так как оно было мотивировано исключительно "боязнью погромов". Травля, организованная евсекцией, на этот раз не удалась.

6

В первые месяцы новой экономической политики (нэп), введенной в 1921 году, общее ослабление административного нажима дало некоторую передышку и сионистским группам. Неохотно следуя правительственной "генеральной линии", евсекция также несколько обуздали свой антисионистский натиск. Но это затишье оказалось кратковременным. Уже в середине 1922 года репрессии возобновились. Их главным объектом была сионистская трудовая партия Цейрей-Цион, которая с 1920 г. ушла в подполье. Все делегаты Третьей всеукраинской конференции этого движения молодежи, нелегально собравшейся в Киеве, были арестованы 4 мая 1922 г. Из 51 арестованного 37 предстали перед судом в публичном "показательном процессе". Им инкриминировалось стремление "под маской демократии деморализовать еврейскую молодежь и бросить ее в объятия контрреволюционной буржуазии в интересах англо-французского капитализма".

Вынесенные приговоры были суровее всех прежних: 12 участников съезда были присуждены к двум годам тюрьмы, 15 — к одному году, 10 были оправданы; двухлетнее тюремное заключение было после проведенных в тюрьме 13 месяцев заменено высылкой за пределы СССР. В сентябре 1922 г. свыше тысячи сионистов были арестованы в Одессе, Киеве, Бердичеве и других городах Украины.

Активно преследуя сионистов на внутреннем фронте, Кремль год спустя сделал, однако, благожелательный жест в отношении Гистадрута, Сионистской рабочей федерации в Палестине, пригласив ее участвовать в международной земледельческой выставке в Москве. Палестинский павильон привлек десятки тысяч восторженных посетителей со всех концов Советского Союза; из 4 крупных центров приехали специальные экскурсии молодежи. Ободренные этой манифестацией, члены Цейрей-Цион во время сессии Совета Национальностей распространяли среди делегатов меморандум протеста против разрушения еврейских национально-культурных учреждений и против преследования сионизма. Меморандум заканчивался фразой: "Несмотря на террор, Сионистская трудовая партия живет и продолжает свою революционную борьбу".

Но террор продолжался. В одну только ночь на 2 сентября 1924 г. в 150 пунктах было арестовано около 3000 сионистов. Аресты продолжались в течение всего октября. На сей раз власти воздержались от инсценировки публичных "показательных процессов": опыт показал, что допущенная публика явно симпатизировала обвиняемым. Процессы велись при закрытых дверях. По большинству дел приговоры выносились от 3 до 10 лет лагерей — сначала в Центральной России, а позднее в Сибири, на Урале, на Соловецких островах, в Киргизии, в Средней Азии.

Эта волна террора нанесла тягчайший удар подпольному сионистскому движению, но все же не сломила его боевой дух. В октябре 1924 г. в Одессе была организована уличная сионистская демонстрация. При выходе из синагоги в день Симхат Тора молящиеся

натолкнулись на стройные ряды молодежи, маршировавшей под звуки "Хатиква". Манифестанты были разогнаны конной милицией, которая произвела 32 ареста.

Летом 1925 г. была сделана еще одна попытка найти модус вивенди между сионистским движением и советским режимом. 25 мая два видных московских сиониста И. Рабинович и проф. Д. Шор представили исполняющему обязанности председателя ВЦИКа Смидовичу меморандум о целях сионизма в Советском Союзе и просьбу освободить арестованных сионистов, прекратить преследования и легализовать эмиграцию в Палестину; копия меморандума была послана председателю совнаркома Рыкову, который в июне принял Шора и Рабиновича, заверив их, что совнарком не ответствен за антисионистские мероприятия, и обещал лично заинтересоваться этим делом.

29 июня Шор и Рабинович были допущены на заседание ВЦИКа, специально посвященное их меморандуму. ГПУ было представлено Менжинским и Дерibasом. Первый заявил, что ГПУ не имеет ничего против сионистов, поскольку они не возбуждают еврейское население против советской власти. В ответ Рабиновичу, который настаивал, что сионисты были всегда политически нейтральны, Дерibas сослался на антисоветские писания эмигранта-сиониста Д. С. Пасманика и на соглашение Жаботинского со Славинским. После долгой дискуссии Смидович предложил, чтобы сионисты представили в Политбюро проект положения организации для содействия эмиграции евреев в Палестину. Проект был представлен через десять дней — и остался без движения в кремлевских архивах. Аресты и репрессии продолжались.

7

Единственными ответвлениями сионистского движения, которые советская власть терпела в течение первого десятилетия своего существования, были левые поалей-сионисты и Гехалуц.

Левые поалей-ционисты, полностью принявшие коммунистическую программу, одновременно настаивали на территориально-палестинском решении еврейского вопроса. Численно левые поалей-ционисты никогда не были силой; их морально-политическое влияние тоже было ничтожно. Правительственный проект создания автономной области в Биробиджане сделал дальнейшее легальное существование партии, пропагандирующей создание еврейского территориального центра в Палестине, немислимым, и в 1928 г. левая группа Поалей-Цион была ликвидирована.

Намного более сложной и значительной была эпопея Гехалуца. Созданная в июне 1918 г. Иосифом Трумпельдором для подготовки пионеров земледельческой колонизации Палестины, эта организация на своем втором съезде (январь 1919 г.) обязала всех своих членов провести подготовительную работу в коллективных земледельческих хозяйствах. Этот аспект программы Гехалуца соответствовал идеологии советских властей. Но евсекция все же встретила Гехалуц в штыки: для нее он представлял столь же вредную формацию, как и всякая другая сионистская группа.

Просьба Гехалуца о формальной легализации была 16 мая 1920 г. отвергнута ВЦИКом с той же мотивировкой, как и аналогичная сионистская петиция от 21 июля: поскольку движение не запрещено и не преследуется, то нет нужды в подтверждении его легальности. Пользуясь этим признанием де-факто, Гехалуц быстро развивался. К весне 1922 г. он насчитывал около 15 местных групп; к концу 1923 г. их число возросло со ста до 3000 членов. Состав членов Гехалуца рекрутировался преимущественно из среды Цеирей-Цион и Поалей-Цион, но организация как таковая не была связана с подпольным сионистским движением в стране.

В результате долгих и сложных переговоров 22 августа 1923 г. отделы в земледельческих хозяйствах (но не в городах) получили формальную легализацию. Это событие вызвало раскол в движении. Его правое крыло видело в этом жесте советской власти попытку

деморализовать будущих палестинских пионеров и отвлечь их от конечной цели — поселиться в Палестине. Около одной трети всех членов отказались регистрироваться в легализованном Гехалуце и создали собственную организацию Национальный трудовой пионер, целью которой было “спасти Гехалуц от тех, кто стремится разрушить душу движения и извратить его содержание и сионистскую деятельность”. Легализованное левое крыло оправдывало свою позицию перспективой широкого развития земледельческих кооперативов и тем, что преподавание иврита не возбранялось.

В действительности оба крыла движения — легальное и нелегальное — стали подвергаться преследованиям, хотя и в неодинаковой степени. Аресты участились уже в 1294 г. Единственное преимущество, предоставленное арестованным “легалистам” по сравнению с другими сионистами, состояло в том, что последние обычно присуждались к продолжительному заключению и ссылке, а члены Гехалуца имели возможность ходатайствовать о замене наказания высылкой в Палестину. Легальному Гехалуцу все же удалось к середине 1925 г. создать десяток земледельческих хозяйств главным образом в Крыму. Их ликвидация началась в 1926 г. и закончилась 15 мая 1928 г., когда была ликвидирована последняя колония “Ал-Мишмар”. Остатки подпольного Гехалуца удержались в течение последующего пятилетия и окончательно распались только в 1934 г. Одной из наиболее существенных функций организации была контрабандная отправка ее членов в Палестину. В отчете “Гехалуц в России”, опубликованном в 1932 г. в Тель-Авиве, дается точная цифра таких групп за период с 1924 до 1930 года — 1034.

Число русских евреев, которым за эти годы удалось вырваться в Палестину, систематически уменьшалось: за двухлетие 1925—1926 г. оно еще равнялось 21157, но уже в следующие четыре года (1927—1930) их было только 1197; с 1931 по 1936 количество иммигрантов из Советского Союза составило 1848. Разрешения заменить ссылку высылкой в Палестину чаще

всего выдавали благодаря личному ходатайству проф. Давида Шора, выдающегося пианиста, неоднократно игравшего в Кремле для членов совнаркома. С большой благодарностью вспоминают многие российские сионисты также жену Максима Горького Екатерину Павловну Пешкову, чей дом был открыт для всех "политических", нуждавшихся в совете, покровительстве и помощи.

8

Сионисты разных направлений были широко представлены среди многотысячной массы политических заключенных. В статье, направленной в 1928 году в "Кунтрес", Л. М. Штейнберг сообщал об имеющемся у него поименном списке 775 социалистов-сионистов (в том числе женщин с детьми), томившихся в те годы в советских тюрьмах и ссылке. Корреспонденция в меньшевистском "Социалистическом вестнике" за 3 мая 1926 г. сообщала, что в Енисейском крае среди 60 с лишним политических ссыльных было 12 сионистов разных направлений. Их часто загоняли малыми изолированными группами в самые отдаленные пункты. В Кара-Калпакской области Казахстана — в 750 верстах от железной дороги — 3 сиониста отбывали срок в Турт-Куле, 2 в Чимбасе, и по 2 в Ходжеях и Кунграде. Положение ссыльных было чрезвычайно тяжелое: все систематически недоедали; было много туберкулезных и сердечных больных; медицинская помощь была явно недостаточная. С ссыльными и заключенными обращались жестоко. Избиения были обычным явлением, а убийства — не редки. "Социалистический вестник" за 10 июля 1928 г. сообщил, что 17 февраля во время прогулки на тюремном дворе Хивинской тюрьмы был без всякого повода выстрелом в затылок убит дежурным надзирателем сионист Самуил Бронштейн из Одессы.

Нередки были и случаи самоубийства, особенно там, где ГПУ стала применять новый метод деморализации сионистских рядов, вынуждая отдельных арестованных подписать заявления об отказе от сионизма.

За это они получали свободу, а иногда и разрешение на выезд за границу. В ряде случаев эта практика велась к трагической развязке. В Екатеринославе бросился с моста член Союза сионистской молодежи В. Пинковский. Мотив — вынужденное заявление о выходе из организации и моральная невозможность примириться с создавшимся положением. В Одессе 18-летнему юноше С. Дроновскому обещали, что его отречение от сионизма не будет опубликовано: когда оно появилось в прессе, он покончил самоубийством. В Ташкенте повесился 22-летний А. Шпилька. В Алма-Ате покончил самоубийством Цви Лисогор-Персиц.

Евсекцию ликвидировали в 1930 г. Но к тому времени последовательная антисионистская линия стала официальной политикой режима и преследования продолжались. Сосланные сионисты не были возвращены из ссылки, и многие из тех, кто уже отбыл срок наказания, были просто "забыты" в глухих углах Сибири или Средней Азии.

Последняя цитадель организованного подпольного сионизма — центральный исполнительный комитет Цейрей-Цион и Союза сионистской молодежи — была разгромлена в сентябре 1934 г. в Москве; его члены были приговорены к долгосрочной ссылке. Единственный уцелевший член исполкома Цейрей-Цион Бенцион Гинзбург (Борис) пытался еще в течение двух с половиной лет поддерживать связь между разрозненными сионистскими группами. Он был арестован в феврале 1937 г., в самый разгар ежовщины, и умер в заключении.

9

После 1939 года к заключенным русским сионистам присоединились многие тысячи польских сионистов всех направлений, которые в надежде спастись от немецкого нашествия бежали в районы, оккупированные советскими войсками, и были там арестованы за свое сионистское прошлое. Позже та же судьба постигла тысячи сионистов Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины после аннексии этих

стран Советским Союзом. Им вменялась в вину "принадлежность к контрреволюционной сионистской организации" и активное сотрудничество с английской разведкой. Один из арестованных Ю. Марголин рассказывает, что еще в 1941 г. он встречал в лагерях Крайнего Севера ссыльных русских сионистских деятелей; некоторые из них провели там 16—17 лет, — "целое поколение сионистов погибло в советских тюрьмах и ссылках".

Репрессии продолжались и в годы второй мировой войны. Из Тегерана, который стал главным транзитным центром для беженцев из Советского Союза, 2 февраля 1943 г. сообщили Еврейскому агентству: "Немыслимо себе даже представить какую бы то ни было возможность существования (сионистской) организации. Провокации процветают, и каждый дрожит за свою шкуру". В июле 1944 г. молодой сионист, который добрался до Тегерана по пути в Палестину, писал своим товарищам: "Бессмысленно было бы питать какие бы то ни было иллюзии насчет изменения отношения (советской власти) к сионизму. Преследования очень суровы, хуже, чем когда бы то ни было". В Самарканде (Узбекистан) состоялся 20 мая 1944 года публичный "показательный процесс" против Моисея Лауфгаса, обвиненного в поддержании связи с другими сионистами. Уже после войны 22—23 августа 1945 г. судили за закрытыми дверями, не допустив защиту, пять сионистов в Акмолинске (Казахстан): они были приговорены к 8—10 годам лагеря.

Неуклонно продолжая свой антиссионистский курс внутри страны, советская власть, заинтересованная в симпатиях еврейского общественного мнения на Западе, время от времени делала примирительные жесты в отношении сионизма и сионистской работы в Палестине. В 1943 г. И. М. Майский, являвшийся тогда заместителем народного комиссара иностранных дел, включил Палестину в программу своей поездки в ближневосточные страны, посетил еврейские колонии и фабрики и послал в Кремль восторженный отчет о своем посещении. В мае того же года артист Михо-

элс, председатель Еврейского антифашистского комитета, заявил во время своего пребывания в Лондоне, что "сионизм — великая идея", хотя она и не применима к евреям в Советском Союзе, имеющим глубокие корни в нашей стране". Некоторое время спустя, советские власти согласились принять в подарок от Гистадрута медикаменты и хирургические инструменты для советской армии. В январе 1944 г. было дано разрешение на открытие в Москве выставки продуктов еврейских земледельческих колоний в Палестине. В апреле следующего года коммунистическая партия Палестины — она во время и после кровавых событий 1929 года, следуя директивам Кремля, ратовала за "национально-революционный характер" деятельности арабских погромщиков, — получив новые директивы, заявила о своей готовности сотрудничать с Гистадрутом в борьбе против британской Белой книги 1939 года. Когда один из руководителей польского сионизма д-р Эмиль Зоммерштейн был принят Сталиным и спросил, была бы Советская Россия заинтересована в интернациональном разрешении палестинской проблемы, Сталин ответил: "Несомненно и всерьез" и уполномочил Зоммерштейна опубликовать этот ответ.

Активная борьба всемирного сионистского движения — в первую голову его палестинского авангарда — против английской политики в Палестине, по-видимому, несколько смягчила традиционное коммунистическое представление о сионизме, как об "орудии британского империализма". Все же, когда в 1946 г. член англо-американской комиссии по палестинскому вопросу Бартлей Кром. спросил в Лондоне наркоминдела Украины Мануильского, верят ли все еще в Москве этому навету, Мануильский ответил с усмешкой: "Сионисты не являются активным орудием британского империализма, но д-р Вейцман и его группа настолько глубоко убеждены в честности Англии, что Россия иногда чувствует, что они стали сознательным орудием британского империализма". Отношение к самой англо-американской комиссии было резко отрицательное — отчасти потому, что Советский Союз не был допущен

к участию в ней. "Известия" от 30 мая 1946 г. писали о ней, как о "частном предприятии английского и американского правительств".

Когда в апреле 1947 года вопрос о Палестине был в полном объеме поставлен перед Объединенными Нациями, А. Громько вместе с делегатами Польши и Чехословакии активно поддерживал предложение выслушать представителей Еврейского агентства, против которого боролись делегаты арабских государств. В своих выступлениях Громько, подчеркивая, что "еврейское население Советского Союза... не проявляет большого интереса к эмиграции в Палестину", признал, что "затруднения значительной части еврейского народа связаны с вопросом о Палестине и с будущей структурой этой страны". В явном противоречии с прежней советской точкой зрения, настаивавшей на репатриации беженцев в страны их прежнего поселения, Громько на сей раз заявил, что "не может быть никакого оправдания попыткам отрицать право... на создание собственного государства" за теми, кто остался в живых после нацистских жестокостей. Он также настаивал на том, чтобы так называемые великие державы — члены Совета Безопасности — не были исключены из состава специальной комиссии Объединенных Наций по вопросу о Палестине (UNSCOP) и выразил готовность Советского Союза "взять на себя ответственность... не только за окончательные решения ООН в отношении палестинской проблемы, но также и за поддержку этих решений". Генеральная Ассамблея ООН отказалась стать на эту точку зрения. Специальная комиссия по вопросу о Палестине была составлена из представителей одиннадцати стран, которые считались незаинтересованными непосредственно в вопросе о Палестине. Советский блок был представлен Чехословакией и Югославией.

Однако позиции, занятые Владимиром Симичем (Югославия) и Карлом Лисицким (Чехословакия) были неодинаковы. Первый вместе с представителями Индии и Ирана высказался за создание независимой общепалестинской федерации из арабского и еврейско-

го государств. Второй, вместе с большинством комиссии, предложил раздел Палестины на два независимых государства, еврейское и арабское, объединенных экономической унией. Сионисты категорически отвергли первый план и условно одобрили второй. Арабы отвергли оба. Соединенные Штаты были склонны поддержать раздел, но они опасались, что арабские страны всецело перейдут на сторону Москвы. Ключ ко всему положению вещей был в руках Советской делегации.

В своей книге "State of the Making" Давид Горовиц, принимавший вместе с М. Шаретом и Э. Эпштейном (Элатом) активное участие в закулисных переговорах того времени, рассказывает, что отношение советской делегации оказалось неожиданно дружелюбным. Два советских представителя, с которыми они были в постоянном контакте, Семен Царапкин и советский ученый и старый большевик проф. Борис Штейн, давно оторванный от всего еврейского, проявляли несомненную симпатию к сионистским проблемам и интересам. Во время одной встречи в советском консульстве в Нью-Йорке Царапкин принес бутылку вина и предложил тост — "За будущее еврейское государство!". "Это было подлинное чудо", — сказал Шарет, докладывая в тот же вечер об этом эпизоде на заседании Еврейского агентства. Горовиц специально подчеркивает, что советские представители нисколько не возражали против тесных контактов сионистов с американской делегацией, о которых они были полностью осведомлены. Более того, когда возникали какие-либо трудности, они часто советовали сионистам обсудить вопрос с представителями Соединенных Штатов. В решающем голосовании 29 ноября 1947 г. весь советский блок подал голэса за раздел (Югославия воздержалась) и в последующие критические месяцы твердо отстаивал занятую позицию. Когда в марте 1948 г. американская делегация переменяла фронт и предложила "отложить раздел и заменить его временной "опекой", А. Громько резко атаковал это предложение и настаивал на осуществлении первоначального решения ООН. Через два дня после провозглашения еврей-

ского государства Москва признала его де-юре (признание Вашингтоном произошло на 48 часов раньше). Когда армии соседних арабских стран атаковали Израиль, Громыко призывал Объединенные Нации признать этот шаг актом агрессии, Чехословакия с одобрения Москвы стала главным поставщиком оружия, в котором импровизированная армия Израиля остро нуждалась. С молчаливого одобрения Кремля страны советского блока допускали или даже поощряли массовую еврейскую эмиграцию: между 15 мая 1948 г. и 15 мая 1952 г. 296.813 еврейских иммигрантов из Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии высадились в Израиле.

Советская линия в Объединенных Нациях, несомненно, вытекала в первую очередь из желания вытеснить Англию из Палестины, ослабить британские позиции на Среднем и Ближнем Востоке и создать возможность советского проникновения в этот стратегически важный район. В расчет входила также перспектива воспользоваться для этой цели русскими евреями в Палестине, как возможными носителями советского влияния.

10

В этих надеждах Москва, однако, просчиталась. Ослабление английского влияния не повлекло за собой усиления советских позиций. Вместо этого на Среднем Востоке стало расти влияние Соединенных Штатов. Израиль не высказывал склонности стать советским сателлитом. Да и Москва с самого начала не допускала эмиграции "своих" евреев в Израиль. С 15 мая 1948 г. до конца 1951 г. только четыре старухи и один инвалид получили разрешение выехать из Советского Союза в Израиль. Сионизм как идеология и движение остался в Советской России нелегальным. Те, кто рассчитывал, что произраильская позиция, занятая советским правительством на международной арене благоприятно отзовется на отношении с сионистским настроением внутри страны, разочаровались очень скоро и весьма жестоко.

В сентябре 1948 г. первый посол Израиля в Советском Союзе Голда Меерсон (Меир) вместе со штатом своего посольства посетила в день еврейского Нового года московскую главную синагогу. Корреспондент "Нью-Йорк геральд трибюн" Джозеф Ньюмен описывает оказанный ей прием как "небывалый" в течение тридцати лет советской диктатуры: "Огромная толпа евреев заполнила всю улицу перед синагогой. Мужчины и женщины плакали от волнения, восклицая — "Мы ждали этого дня всю жизнь! За Иерусалим! Будущий год в Иерусалиме!" Синагога была украшена знаменами; на самом большом из них крупными еврейскими буквами было написано: "Израиль рожден", на другом — "Эрец Исраэль возродился!"... После богослужения сотни евреев пешком проводили делегацию до отеля "Метрополь", где она временно размещалась. Демонстрация того же типа повторилась неделю спустя в Йом-Кипур — Судный день. Вскоре советские евреи стали приходить в израильское посольство с просьбами о визах на въезд в Израиль и о содействии в получении разрешения властей на выезд".

Эта яркая манифестация накопившихся в советском еврействе просионистских чувств вызвала острую реакцию со стороны властей. Аресты и высылки возобновились. Израиль стал для советского режима фактором не столько международного, сколько внутриполитического характера, как моральная притягательная сила для советского еврейства. Однако в период 1948—1953 гг. советское правительство в общем еще воздерживалось от активного вмешательства в дела Ближнего Востока. Так, в течение двадцати месяцев оно не реагировало на тройственную англо-франко-американскую декларацию от 25 мая 1950 г., гарантировавшую существующие границы и "баланс вооружения" для стран Ближнего Востока. Это выступление западных держав было впервые упомянуто — да и то лишь между прочим — в советской ноте от 28 января 1952 года. Отношение к самому Израилю в это пятилетие можно определить как "недружелюбное равнодушие", причем элемент недружелюбия определялся,

как уже отмечено, преимущественно соображениями внутривосточного порядка. Еврейское население Советского Союза с его глубокой привязанностью к Израилю и сильными симпатиями к Западу рассматривалось как явно "неблагонадежный элемент", а Израиль — как основной источник этой неблагонадежности. Антиеврейские и антиизраильские тенденции сталинского режима были органически переплетены. Пресловутое "дело врачей", инсценированное властями в январе 1953 года, повлекло за собой огульную антиеврейскую и антиссионистскую травлю. "Известия" от 13 января 1953 г. писали о "грязной физиономии сионистского шпионажа". Это, в свою очередь, вызвало острое негодование в Израиле. 9 февраля неизвестные подложили бомбу в советское посольство в Тель-Авиве. Обвиняя израильскую полицию в соучастии, Москва три дня спустя прервала дипломатические отношения с Израилем.

5 марта умер Сталин, а 4 апреля советские власти сообщили, что "дело врачей" было провокацией и что виновные в ней будут преданы суду. Атмосфера значительно разрядилась. В течение кратковременного, сравнительно мягкого, режима Георгия Маленкова дипломатические отношения с Израилем были возобновлены (20 июля 1953 г.). Советским евреям стало несколько легче получать визы на выезд к своим детям в Израиль. 16 июля достигнуто было соглашение о превращении советской миссии в Тель-Авиве и израильской в Москве в посольства.

Но уже в половине 1954 г. произошли перемены. Власть перешла к Н. С. Хрущеву. В 1955 г. началась "активная" линия в советской внешней политике. 17 апреля 1955 г. в "Известиях" появилось сообщение министерства иностранных дел о том, что "положение на Ближнем Востоке сильно ухудшилось за последнее время" и что "в интересах мира... Советский Союз делает все, чтобы установить более близкие отношения со странами Ближнего Востока". Советские "культурные миссии" и спортивные группы стали частыми гостями в Египте, Сирии и Ливане. В сентябре 1955 г.

Чехословакия с благословения Москвы заключила с Египтом договор о поставке оружия в обмен на хлопок. Сама Москва предложила оружие Сирии и Саудовской Аравии, с которой были возобновлены дипломатические отношения; возобновлен был также советско-йеменский договор 1927 года.

Советская Россия вернулась на Ближний Восток. Но в первые месяцы этого нового курса внешней политики Израиль не играл заметной роли. Сближение с Насером не вызвало немедленной открытой враждебности СССР к Израилю. Но уже 29 декабря 1955 г. в своем докладе в верховном совете СССР Н. С. Хрущев заявил: "Советский Союз симпатизирует желанию арабских народов добиться подлинной независимости... С другой стороны, Израиль с первого дня его существования занял угрожающую, враждебную позицию в отношении своих соседей. За Израилем стоят империалисты, стремящиеся использовать его в своих собственных интересах".

В течение всего последующего года Москва делала все от нее зависящее, чтобы обострить арабо-израильские отношения, раздуть национальные и социальные конфликты, натравить население арабских стран на "империалистические" западные демократии и на находящийся в их лагере Израиль. Премьер Бен-Гурион 21 октября 1957 г. в своей речи в Кнесете подчеркнул, что положение на Ближнем Востоке "существенно изменилось... Силы, соперничающие в этой области, — это не столько местные силы, сколько блоки восточных и западных держав, во главе которых стоят два наиболее могущественные государства — Советский Союз и Соединенные Штаты".

Национализация Суэцкого канала Насером встретила полное одобрение советского правительства, заявившего 9 августа 1956 г., что "этот акт является совершенно законным, вытекающим из суверенности Египта". Во время Синайской кампании советский премьер Н. А. Булганин в ноте от 5 ноября 1956 г. правительству Израиля — по содержанию и по тону она была гораздо более резкой, чем соответствующие ноты,

посланные в тот же день правительствам Франции и Англии — заклеил участие Израиля в этой военной операции. Он требовал от Израиля "прекратить агрессию, остановить кровопролитие, отозвать свои войска с египетской территории". Советский посол в Израиле был отозван в качестве "предупреждения, которое должно быть соответственно оценено". 6 ноября московское радио сообщило, что "Египет просил об отправке советских добровольцев" и что много советских офицеров запаса немедленно отозвались на этот призыв.

В феврале 1957 г. Советский Союз в качестве санкции за "агрессию против Египта" прекратил поставки нефти Израилю. Советский посол вернулся в Тель-Авив только в апреле 1957 г. — после того, как израильские войска оставили все завоеванные позиции. В беседе с Элеонорой Рузвельт в октябре того же года Хрущев напомнил, что 80 миллионов арабов противопостоят одному миллиону евреев в Израиле и угрожающе добавил: "Если Израиль будет продолжать свою теперешнюю политику, он будет уничтожен".

Однако, несмотря на напряженную атмосферу, многочисленная израильская делегация была в июле 1956 года допущена к участию в Международном фестивале молодежи в Москве. Советские евреи встретили участников израильской делегации с энтузиазмом, свидетельствовавшим об их глубокой привязанности к возрожденному еврейскому государству. Московские евреи и тысячи специально приехавших из других городов восторженно аплодировали израильтянам, где бы они ни появились. Они получали на память израильские открытки, значки, спичечные коробки, брошюры, марки; многие приглашали делегатов к себе домой, присылали им трогательные дружеские записки. Во время самих торжеств милиция не вмешивалась, но потом советские евреи дорого заплатили за этот взрыв произраильских чувств. Как только разъехались иностранные делегации, тысячи участников произраильских демонстраций были под разными предлогами уволены с работы; многие были арестованы и сосла-

ны. Около 120 таких ссыльных были направлены на разные сроки на Крайний Север в Воркуту.

Дипломатические представители Израиля неоднократно подвергались разного рода неприятностям. Атташе израильского посольства Элиягу Хазан был 7 сентября 1957 г. арестован в Одессе и после 26-часового допроса выслан из Советского Союза. В июле 1960 г. орган профессиональных союзов "Труд" обвинил сотрудника посольства Якова Кельмана в распространении "антисоветской литературы", в частности ежемесячника "Вестник Израиля", издаваемого на русском языке в Тель-Авиве. Год спустя первого секретаря посольства Якова Шарета обвинили в шпионаже и предложили немедленно покинуть Союз. Попытку устроить свидание между Бен-Гурионом и Хрущевым Москва отклонила 3 мая 1960 г. как "преждевременную".

11

В то же время, как с удовлетворением отметил тель-авивский "Вестник Израиля" в августе 1959 г., делегаты Израиля на устраиваемых в Советском Союзе съездах и конференциях неизменно встречали корректный, а порой даже дружественный прием. Члены израильской делегации на московской сессии Европейской экономической комиссии при Объединенных Нациях отметили, что власти проявляли к ним внимательное отношение, позволили им продлить на две недели пребывание в стране и посетить интересовавшие их города. Однако, как отметили израильские делегаты, евреи, занимающие весьма ответственные посты в строительстве, при встречах нередко скрывали свое еврейское происхождение и отказывались принимать израильские технические издания на русском языке. Но их охотно брали инженеры и технологи нееврейского происхождения. О дружественных отношениях с советской делегацией сообщали также израильские делегации на 52-ю конференцию Международной авиационной федерации (ФАИ) в Москве. Делегаты СССР и всех советских республик голосовали за избрание представителя Израиля заместителем председате-

ля ФАИ. Советские представители проявили большой интерес к хозяйственному развитию Израиля, некоторые из них уверяли, что, несмотря на официальную политику, русский народ относится к Израилю с уважением и симпатией.

Израильская делегация в составе семи человек играла заметную роль на Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960 г.); профессор Бен-Гур представлял Израиль на Международном геологическом съезде в советской столице; на съезде писателей Александр Пэнн прочел доклад об израильской поэзии. Наряду с этим советская делегация приняла участие в 5-м Международном биологическом конгрессе в Израиле, и проф. В. Благовещенский многозначительно отметил, что посещение Израиля дало ему возможность сравнить с действительностью те представления об Израиле, которые были у него до приезда в страну. Однако весь советский блок под разными предлогами уклонился от участия в Международной конференции о роли науки в развитии молодых государств, состоявшейся в Реховоте в августе 1960 г. с участием представителей ряда афро-азиатских стран.

12

Сотрудничество Израиля с молодыми государствами в области технического прогресса вызывало острую критику со стороны советской пропаганды. В июне 1960 г., в связи с заключением соглашения о технической помощи между Нигерией и Израилем, передача московского радио на арабском языке заклемила Израиль, как "лакея на службе английских, французских и американских империалистов, стремящихся совместными усилиями поработить прежние африканские колонии". В том же духе писали "Известия" от 13 декабря 1960 г. ("Троянский конь НАТО в Африке"). Отношения с Израилем все обострялись...

В советской литературе и прессе Израиль и сионизм во всех его оттенках описываются как подлинное чудовище. Специальная брошюра К. Иванова и З. Шейниса "Государство Израиль, его положение и полити-

ка“, изданная в 1958 г. Госполитиздатом, изобилует злопыхательскими и невежественными извращениями. Ю. Марголин, который имел терпение внимательно прочесть ее, нашел в ней тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии. Брошюра выдержала два издания тиражом в 150.000 экземпляров. Изобилует крупнейшими “неточностями“ также глава об Израиле в работе Юрия Басистова и Иннокентия Яновского “Страны Ближнего и Среднего Востока“, опубликованной в том же году в Ташкенте. Советская печать, столичная и провинциальная, неизменно называет Израиль “послушным орудием в руках американских и англо-французских империалистов“ (“Львовская правда“ от 14 декабря 1958 г.). Израильскую действительность неизменно рисуют в самых мрачных красках, и советским евреям настойчиво внушают, что понятие “Земля обетованная“ — реакционный мираж. Некий Григорий Плоткин, который в 1958 г. посетил Израиль вместе с 12 советскими туристами, даже написал на эту тему специальную драму “Земля обетованная“, оказавшуюся, однако, настолько бездарной, что ее жестоко раскритиковал московский журнал “Театр“. Советские газеты, словно по заказу, пестрят кричащими заголовками на одну и ту же тему: “Нет, это не рай!“, — восклицает автор статьи в “Вечерней Москве“ за 4 января 1960 г.; статья в августовском номере 1960 г. журнала “Огонек“ озаглавлена “Стон из рая“; “Советская Молдавия“ (30 сентября 1960 г.) уговаривает своих читателей: “Не верьте измышлениям об израильском рае“; в московском политическом еженедельнике “Новое время“ (20 января 1961 г) Зиновий Шейнис утверждает, что “Израиль не стал раем для трудящихся — пророки сионизма их обманули“.

Это до монотонности настойчивое разоблачение “миража израильского рая“ свидетельствует о том, что тяга к Израилю в советском еврействе широко распространена и что если бы эмиграция в Израиль была разрешена, то сотни тысяч воспользовались бы этой возможностью. Еще в 1956 г. Хрущев сказал амери-

канскому социологу д-ру Джерому Дэвису: "Я убежден, что придет время, когда все евреи, желающие переехать в Израиль, смогут это сделать". Подобное заверение Хрущев дал в 1958 г. г-же Элеоноре Рузвельт, а год спустя — также группе американских ветеранов второй мировой войны.

Одной из возможных форм легализации еврейской эмиграции в Израиль является так называемое "воссоединение семей", т. е. разрешение родителям, детям, братьям, сестрам и т. д. соединиться с их близкими в Израиле. На вопрос на пресс-конференции в Вене, одобряет ли советское правительство такую процедуру, советский премьер Хрущев ответил, что никаких ходатайств об этом от советских граждан не поступало и что, напротив, многие русские евреи в Израиле теперь ходатайствуют о возвращении в Советский Союз. Однако Голда Меир, в то время министр иностранных дел Израиля, установила, что к тому времени русскими евреями были поданы 9236 просьб о разрешении поехать к родным в Израиль. Подавляющее большинство таких ходатайств не было удовлетворено. "Вестник Израиля" напечатал выдержку из трогательного письма 58-летней вдовы к ее единственной дочери в Израиле, которая по просьбе матери послала ей три вызова:

"Дорогие мои, любимые деточки. Должна вам сообщить свое большое горе, что мне вновь отказали в разрешении на поездку к вам. Теперь что я должна делать? Я не знаю, как могу вам писать: руки дрожат и сердце еле держится во мне... Дорогая, золотая моя, любимая доченька, ты меня прости, что такое письмо пишу. Я не хотела тебя горе причинить, но что делать"...

Некоторые наблюдатели советской действительности, однако, убеждены, что в не слишком отдаленном будущем Советский Союз, в той или иной форме, будет вынужден разрешить эмиграцию своих еврейских граждан в Израиль. Они мотивируют этот прогноз тем, что положение еврейского меньшинства становится все более ненормальным даже с точки зрения само-

го режима. Четыре десятилетия советской власти не привели к уничтожению национального самосознания еврейского меньшинства. Даже ассимилированное молодое поколение продолжает чувствовать свою принадлежность к еврейству, а в старшем поколении национальные традиции все еще сильны и живучи. Израиль стал в представлении широких слоев советского еврейства если не "раем", то символом еврейского достоинства и полноценной национальной жизни.

Все это, разумеется, абсолютно неприемлемое для советского режима. Во времена Сталина режим, возможно, не постеснялся бы огулом депортировать всех носителей подобных чувств и настроений в самые гиблые места Сибири. Но теперь подобный способ "решения еврейского вопроса" уже и политически, и психологически неосуществим. "Воссоединение семей", которое дало бы выход накопившемуся тяготению к Израилю, значительно разрядило бы напряженную атмосферу в советском еврействе. Ведь в СССР трудно найти семью без родственных связей в Израиле.

13

В середине октября 1964 г. А. Н. Косыгин сменил Никиту Хрущева на посту премьер-министра Советского Союза.

В первые 15 месяцев после смены власти не наблюдалось какой-либо перемены советской позиции в вопросе эмиграции евреев в Израиль для соединения с находящимися там родными. Выездные визы выдавались лишь в редких случаях и только пожилым людям, притом преимущественно жителям бывших прибалтийских стран, Буковины и Бессарабии. В 1965 г. выдали в среднем 50—60 виз в месяц.

В 1966 году наступило значительное улучшение. В некоторые месяцы до 300 евреев из СССР приехало в Израиль и общее число за год составило около 2700, многие из них молодые люди. Они приезжали с женами и детьми. Среди них были люди свободных профессий и с техническим образованием.

Большие надежды вызвало заявление Косыгина

в Париже 3 декабря 1966 года. В ответ на вопрос корреспондента американского телеграфного агентства советский премьер заявил: "Нас заботит вопрос о воссоединении семей. Если есть некоторые семьи, желающие встретиться и если хотят покинуть Советский Союз, дорога открыта и нет никаких проблем".

Советские газеты подхватили это заявление и подтвердили, что оно сделано с ведома и согласия всех правительственных органов. Конечно, это чрезвычайно обнадежило советское еврейство, и число прошений о визах значительно увеличилось. В прежние времена многие воздерживались из страха перед возможными репрессиями: были случаи, когда обращение к служебному начальству за необходимой для ходатайства о визе характеристикой приводило к неприятным последствиям, как, например, исключению из университета и т. п. Иногда детей заставляли публично (перед соучениками по школе) отказываться от своих родителей и торжественно обещать не следовать за ними в Израиль.

Теперь можно было надеяться, что такие случаи больше не будут иметь места. Некоторые евреи при подаче заявлений приносили с собой американскую газету с заявлением Косыгина.

Однако скоро выяснилось, что правительственные круги продолжают оказывать упорное сопротивление свободному выезду евреев из Советского Союза.

Из статей в советской прессе стало ясно, что первоначальная реакция на парижское заявление Косыгина была слишком оптимистической. В январе 1967 г. в газете "Советская Молдавия" появилась статья под заглавием "Страна обетованная без прикрас" — длинное описание ужасающих условий жизни, которые ожидают эмигрантов в Израиле. Статья в газете "Советская Латвия" пошла еще дальше — в ней прямо говорилось, что эмиграция в Израиль для воссоединения с семьей есть акт непатриотический и оскорбительный для советского народа.

Советский долг верности своему отечеству должен стоять выше каких-либо семейных привязанно-

стей. Истинный смысл таких газетных тирад был хорошо понят теми, кто намеревался хлопотать о выездной визе...

В то же время правительство Израиля всеми силами старалось улучшить отношения с Советским Союзом. Еще весной 1967 г. вновь назначенный израильский представитель при Организации Объединенных Наций Гидеон Рафаэль по дороге в Нью-Йорк посетил Москву и провел там неделю в надежде установить личный контакт с руководителями московской ближневосточной политики. Такую же попытку сделал израильский министр труда Игал Алон, ездивший в Ленинград в качестве главы делегации на Международный съезд по социальному страхованию.

Но советская позиция оставалась непоколебимо враждебной. Главные адресаты советского военного снаряжения — Египет и Сирия — получили военную помощь на сумму около двух миллиардов долларов. Наряду с этим Москва оказывала всемерную поддержку воинственному арабскому национализму, направленному против Израиля. Советские представители в Организации Объединенных Наций систематически налагали вето на все резолюции Совета безопасности, осуждающие акты агрессии со стороны Сирии. Когда египетский президент Насер закрыл для израильских судов доступ в Тиранский пролив, СССР не только одобрил этот акт, но пригрозил военной интервенцией против любого государства, которое бы осмелилось принять меры к восстановлению свободы судоходства в этом проливе.

Опираясь главным образом на эту поддержку и на обильные поставки современного советского оружия, Египет, Сирия и присоединившаяся к ним в последнюю минуту Иордания окружили Израиль стальным кольцом. Но в памятные дни с 5 по 11 июня 1967 года израильская армия и авиация нанесла сокрушительное поражение армиям трех арабских соседей, уничтожив при этом сотни самолетов и танков советского производства.

Советское правительство, несмотря на свое глубо-

кое разочарование столь неудачным применением полученного от него военного снаряжения, продолжало и даже усилило свою политическую поддержку арабских стран. 10 июня 1967 г. СССР порвал дипломатические отношения с Израилем. За ним последовали все государства Советского блока (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария и Югославия), кроме Румынии. Советский делегат в Совете Безопасности Николай Федоренко назвал Израиль "агрессором" и старался перецеголять арабских делегатов в их угрозах Израилю. Ту же политическую линию продолжал затем советский премьер-министр Косыгин, приехавший в Нью-Йорк для участия в созванной по инициативе Советского Союза Генеральной Ассамблеи. В своей вступительной речи Косыгин безоговорочно встал на позицию арабских делегатов, с большой резкостью осудил действия израильского правительства, внес резолюцию с требованием немедленного возвращения всех занятых израильскими войсками территорий и уплаты репараций за военные убытки и угрожал санкциями в случае невыполнения этих требований. Косыгину с большим достоинством отвечал израильский министр иностранных дел Аба Эвен. Предложенная Косыгиным резолюция встретила поддержку только делегатов арабских стран. Тогда делегат Югославии внес другую резолюцию с требованием только безоговорочного ухода с занятых территорий. Но и эта резолюция не получила в Генеральной Ассамблее требуемого большинства в две трети голосов.

В то же время советское правительство аннулировало выездные визы, выданные сорока советским евреям, которые уже успели продать все свое имущество и приобрести билеты в Израиль.

Когда советский посол Дмитрий Чувахин вручал израильскому министру иностранных дел ноту о разрыве дипломатических отношений, Аба Эвен выразил ему свое сожаление и отметил, что Израиль всегда придавал большое значение и высоко ценил свои отношения с СССР. При этом он выразил надежду, что дипломатические отношения будут скоро восстановле-

ны на основе более справедливого стношения советского правительства к стоящим перед Израилем проблемам и к агрессивной политике арабских стран.

Навязанная Израилю война была для него борьбой за существование, в которой он встретил сочувствие прогрессивных и миролюбивых кругов всего мира.

Пока, конечно, преждевременно гадать, когда восстановятся нормальные отношения между Израилем и Советским Союзом. Многое будет зависеть от общего политического положения в мире и, в первую очередь, от обострения или ослабления советско-американского соперничества на Ближнем Востоке.

Июль 1967 года.

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ, 1927—1959

После Октябрьской революции евреи России оказались в чрезвычайно сложной, парадоксальной обстановке, которая в силу своих противоречий привела к трагедии. При царском режиме евреи страдали от постоянных гонений, частых погромов, были лишены гражданских прав, большинству из них запрещалось жить на территории собственно России, где были сосредоточены промышленные и культурные центры, и разрешалось жить только в черте оседлости, беднейшей части России. В результате этого многие евреи примкнули к революционному движению, но так как большая их часть была мелкими торговцами, лавочниками и ремесленниками, советская власть причисляла их к буржуазии. В течение первых одиннадцати лет советской власти к ним относились если не как к врагам, то во всяком случае, как к гражданам второго сорта. Наряду с этими противоречиями существовало враждебное отношение к евреям со стороны белогвардейцев и украинских "самостийников", которые считали, что большевики действуют от имени еврейства всего мира, стремящегося подчинить Россию.

Это парадоксальное положение требует краткого пояснения, чтобы вся картина была более ясной и понятной.

Вследствие антисемитской политики царизма радикалы и революционеры относили евреев к эксплуатируемым и угнетенным и считали своим долгом взять на себя их защиту. Погромы и ограничения евреев в правах они рассматривали как попытку царизма отвлечь гнев народа от правящих классов и сделать евреев козлом отпущения за свои преступления. Многие евреи видели в революционерах своих союзников в борьбе за освобождение и гражданские права. Неудивительно, что много евреев главным образом из

интеллигенции и близкой к ней среды примкнули к революционерам¹.

Между 1884—1890 гг. было арестовано за революционную деятельность 4307 человек, из них 579 евреев (13,4%). В следующем десятилетии число евреев увеличилось.

Аресты за революционную деятельность:

	Число аресто- ванных	Из них евреев	В %% от об- щего числа
1898	1140	213	18,7
1899	1419	351	24,8 ²

Число евреев почти удвоилось по сравнению с предыдущим десятилетием.

Бунд утверждал, что в 1903—4 гг., будучи на нелегальном положении, он насчитывал 30.000 членов — огромная цифра для того времени. Бунд, вероятно, имел больше последователей, чем Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). На Штутгартском конгрессе Второго интернационала в 1907 г. сионисты-социалисты (СС) сообщили, что в их партии 27.000 членов. Еврейский историк считал, что еврейское рабочее движение насчитывало около 70.000 членов.³

Как полицейские власти, так и руководителей революционного движения поражало огромное число евреев, участвовавших в революционном движении, первых — по причине антисемитизма, вторых же — вследствие искренней симпатии, даже восхищения. Накануне Февральской революции Ленин прочел лекцию в Женеве о революции 1905 года, в которой он публично заявил: "Ненависть царизма была направлена главным образом против евреев. С одной стороны, евреи составляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами"⁴.

Когда началась Февральская революция, евреи с

энтузиазмом приветствовали ее. Они были вполне уверены, что все их страдания кончились, что они "избавились от рабства и получили свободу, вышли из тьмы к свету". Энтузиазм даже возрос, когда большевики под руководством Ленина захватили власть в ноябре 1917 г., и многие евреи заняли ответственные посты в первом совете народных комиссаров. Троцкий, Зиновьев и Каменев олицетворяли собой евреев, облеченных властью. Их имена были вдвойне символичны: во-первых, как знак полного освобождения евреев, во-вторых, как предлог для развязывания контрреволюционерами кампании против евреев.

Первое советское правительство назначило специального комиссара по национальным делам для рассмотрения и разрешения многочисленных проблем большого числа национальностей, населявших Российскую империю. Символично и то, что сам комиссар был представителем национального меньшинства, грузин Иосиф Сталин. Впервые в истории было создано такое министерство. Комиссариат учредил специальную еврейскую секцию — евсекцию, — чтобы помочь евреям и разрешать многие касающиеся их вопросы⁵.

Интересно отметить, что хотя в революционном движении участвовало много евреев, но среди большевиков немногие были прочно связаны с еврейством или знали что-нибудь о еврействе. Коммунистам пришлось ввести в евсекцию людей, не состоявших в их партии. Так, из шести руководителей евсекции только один был старым большевиком — Семен Диманштейн, в молодости ешиботник (ученик духовной еврейской семинарии). Остальные руководители были либо члены Бунда, либо Поалей-Цион (сионисты-социалисты), либо отколовшиеся от них и недавно перешедшие к большевикам. Состав этой организации имел решающее значение для политики по отношению к евреям. Царствовали противоречия, причем одна тенденция находилась под влиянием бундовской концепции о культурной автономии, другая видела путь к разрешению еврейского вопроса в создании самостоятельной государственно-территориальной единицы. Нечего и говорить,

что эта противоречивая политика стала причиной больших страданий для многих евреев.

Октябрьская революция сопровождалась, как известно, кровавой гражданской войной и волной массовых погромов, учиненных украинцами и белогвардейцами. Только на одной Украине погибло более 100.000 евреев, более 300.000 детей остались сиротами, более 700.000 человек остались без крова.⁶ За исключением зверств нацистов, это была самая страшная трагедия в истории еврейства со времени резни, учиненной бандами Богдана Хмельницкого в 1648—9 гг.

Период гражданской войны был временем величайшей трагедии еврейского населения России, обескровленного и обнищавшего. Помимо того, что огромное число евреев погибло во время погромов, период военного коммунизма также погубил много евреев, в особенности в Белоруссии, где вследствие правительственных реквизиций, многие потеряли все свое имущество.

Новая экономическая политика (нэп), провозглашенная Лениным в 1921 году, несколько улучшила положение и в какой-то мере помогла частично восстановить экономику евреев, хотя даже и в этом секторе скоро начали проявляться противоречивые тенденции. С одной стороны, советское правительство очень нуждалось в товарах, которые могли дать только нэпманы. Они были необходимы, чтобы успокоить крестьянство. С другой стороны, правительство постоянно нуждалось в деньгах и поэтому давило на торговцев, совершенно разоряя их.

Экономическое положение Советского Союза в 1921—1928 гг. было чрезвычайно сложным. Оправившееся крестьянство жаловалось на нехватку товаров и отсутствие кредита, в городах же росла безработица. Власти причислили многих евреев к мелкой буржуазии, к классу эксплуататоров и видели в них классовых врагов и людей второго сорта.

Евсекция сначала привлекла на свою сторону сравнительно небольшое число трудящихся и обрушила свой огонь на лавочников, духовенство и на тех, кого обычно называют "людьми воздуха" (т. е. люди без

определенных занятий). Согласно заслуживающим доверия источникам, к 1925 году 1.120.000 евреев вынуждены были закрыть свои лавки и присоединиться ко все возрастающей армии безработных.⁷ Им оставалось торговать на черном рынке с огромным риском для себя, либо уехать в Москву, Ленинград, Киев, Харьков и другие города искать счастья. Там они становились рабочими вновь открывающихся промышленных предприятий или поступали на службу в государственные учреждения, в "аппарат". Свыше полумиллиона человек покинули традиционные "штетлах" (местечки) и переселились в большие города. Эта внутренняя миграция пришла вместо внешней, вместо исхода евреев из России в Америку до начала первой мировой войны. Оставшиеся на своих местах евреи требовали улучшения своего положения. Руководители евсекции занимались больше нападками на еврейское духовенство, чем требованием помощи от правительства, чтобы снова поставить евреев на ноги. Некоторые евреи, обсуждавшие эту проблему со Львом Каменевым, одним из вождей советского правительства и коммунистической партии того времени, говорили ему, что самый большой враг евреев — это евсекция.⁸ Необходимо было принять быстрые и решительные меры, чтобы предотвратить полную катастрофу.

Благодаря значительному притоку евреев в большие промышленные центры увеличилось число членов коммунистической партии. В 1927 году они составляли третью по численности национальную группу в партии — 45.342 члена, в комсомоле — 98.323. С тех пор, по видимому, эти цифры уменьшились; точными данными мы не располагаем.⁹ Эти группы шли по пути ассимиляции и вышли из-под влияния руководителей евсекции.

Разрешить экономические трудности основной массы еврейского населения бывшей черты оседлости, местечек предлагалось путем предоставления им земли для ведения сельского хозяйства. Эта идея не была новой. До первой мировой войны на Украине было около 52.000 земледельцев-евреев или, как их тогда называли, колонистов. Многие из них разъехались по

разным городам, спасаясь от погромов. К 1923 году 76.000 евреев занимались сельским хозяйством.¹⁰

В январе 1925 года советское правительство создало новую организацию — Гезельшафт фар айнорденунг аф эрд арбетендики идн ин СССР (Общество по землеустройству трудящихся евреев в СССР), известное под названием "Гезерд" или в русском сокращении "Озет". Оно состояло из руководящих членов евсекции и высокопоставленных работников советского аппарата. Председателем этого общества был назначен известный экономист Юрий Ларин (Лурье, сын казенного раввина). Среди работников советского государства, направленных в эту организацию, были "президент" Советского Союза Михаил Калинин, наркоминдел Чичерин, наркомвнешторг Леонид Красин, заместитель председателя ЦИКа Петр Смидович — все не евреи, старые большевики, а также заместитель комиссара по иностранным делам еврей Максим Литвинов (Валлах). Первоначальный план состоял в том, чтобы к концу 1926 года поселить на земле около полумиллиона евреев, и для начала им выделили на Украине и в Крыму около 100.000 гектаров. Больше 40.000 семей зарегистрировались сразу. Советское правительство отчаянно нуждалось в деньгах, и руководители Озета, пользуясь традиционными еврейскими методами, обратились к евреям всего мира с просьбой собрать необходимые денежные средства и подписали соглашение с Американским объединенным распределительным комитетом ("Джойнт").

Советские руководители всегда утверждали, что евреи не нация, а группа, которая должна полностью ассимилироваться, они подчеркивали различие между своей формой поселения евреев на земле и сионистскими методами в Палестине. Однако они последовали приему сионистов, обратившись к мировому еврейству с просьбой помочь им в финансовом отношении, а позднее с предложением поселиться в Виробиджане.¹⁰

В то время бывшие лидеры сионистско-социалистической партии Мережин, Чемериский, Литваков, Новаковский и Брагин вошли в руководство Озета и

евсекции, а влияние бывших бундовцев Вайнштейна, Рафеса и Эстер Фрумкиной сильно уменьшилось. Тот факт, что такие ведущие дипломаты, как Чичерин, Литвинов и Красин участвовали в этом, указывает на огромное значение, которое советские руководители придавали обращению к мировому еврейству.

Некоторые советские руководители, например, Калинин, ясно понимали, что идея создания еврейских поселений с юридическими, образовательными и политическими учреждениями, ведущими дела на идиш, пробудит национальные чувства в евреях. И действительно, несмотря на то, что официальный лозунг был "социалистическим по содержанию и национальным по форме", он все же взывал к национальным чувствам евреев. Поэтому постоянно подчеркивалась разница между еврейской колонизацией в СССР и Палестине. Все же, как будет показано ниже, даже некоторые лидеры евсекции, сознательно или нет, перефразировали хорошо известные выражения сионистов.

Калинин, настроенный проеврейски больше всех остальных советских руководителей, в своей знаменитой речи на съезде Озета 17 ноября 1926 года сказал: "С моей точки зрения это течение является одной из форм самосохранения. Как реакцию на ассимиляцию и утрату национальных особенностей, которые угрожают всем малым народам, лишенным возможности национального развития, еврейский народ развил в себе инстинкт самосохранения, борьбы за сохранение своей национальной целостности. Еврейский народ теперь стоит перед великой задачей сохранения своей национальности. Для этой цели большая часть еврейского населения должна превратиться в компактную земледельческую группу, насчитывающую по меньшей мере несколько тысяч человек".¹²

В 1934 году Калинин ввел в проект важный элемент, о котором речь впереди.

Еще одна причина, из-за которой относительно немного евреев могло осесть на землю в Украине и Крыму, заключалась в острой борьбе за землю в этих районах. Кроме того, коренное население Украины и Кры-

ма — украинцы и татары — были враждебно настроены против евреев. Среди крестьян широко распространялась антисемитская пропаганда, которую власти стремились подавить.¹³

Руководители Озета и евсекции понимали неотложность разрешения проблемы еврейской бедноты. Поэтому по их совету власти начали искать другую территорию, свободную или малонаселенную, чтобы не возбуждать в местном населении вражды к евреям. Назначенная для этой цели комиссия сначала подыскивала территорию в районе Азовского моря, на Северном Кавказе и в степях Северного Казахстана.¹⁴ Экспедиция состояла из 180 человек, включая 85 научных работников. Она закончила свою работу весной 1928 года и составила многотомный отчет, который, по-видимому, никогда не обсуждался и был упомянут только после принятия Виробиджанского проекта.¹⁵

Этот проект возник не по инициативе евреев. Он исходил от народного комиссариата земледелия и его энергично поддерживали народный комиссариат обороны и Сельскохозяйственная академия. Некоторые руководящие члены Озета, например, агроном Абрам Брагин, экономист Юрий Ларин и еще несколько человек, решительно выступали против этого проекта, считая, что в Виробиджане суровый климат и неподходящая для земледелия почва. Они были сторонниками создания еврейской республики в Крыму.¹⁶

По-видимому, советское правительство руководствовалось прежде всего стратегическими соображениями, т. е. защитой дальневосточной границы от Японии. Эта область была мало населена, занимала большую территорию — более 36.000 квадратных километров у слияния рек Биры и Виджана в южной части советского Дальнего Востока на левом берегу Амура. До того как Виробиджан предложили евреям в 1927 году, население этого района насчитывало 1192 человека и состояло из корейцев, казахов и тунгусов. Число их уменьшалось, по мнению профессора Б. Врука, под влиянием климатических условий.¹⁷

Орган Озета журнал "Трибуна" осторожно намека-

нул на эту политическую мотивировку: "...массы трудящихся евреев, лояльные и преданные советскому режиму, едут в Биробиджан... они не только будут бороться за свою страну, за новую родину, каковой СССР уже является для них, но также и за укрепление Советского Союза на Дальнем Востоке".¹⁸ Создается впечатление, что это решение, возможно, было принято поспешно из-за боязни столкновения с Японией, которое произошло лишь в конце 1931 года.¹⁹ Впоследствии Калинин утверждал, что он инициатор проекта заселения Биробиджана евреями.

Советские руководители, создавая еврейскую административную единицу, впоследствии намерены были превратить ее в автономную область, надеясь получить моральную и финансовую поддержку от евреев, главным образом из Америки. Они также надеялись этим отвлечь внимание советских и зарубежных евреев от сионизма.²⁰

Секретарь евсекции Александр Чемериский хвастливо утверждал, что создание автономной еврейской области явится самым тяжелым ударом по сионистской и религиозной идеологии.²¹ Хотя пропаганда среди советских евреев в пользу поселения в Биробиджане постоянно сопровождалась осуждением сионизма, бывшие сионисты-социалисты и новообращенные коммунисты, восхваляя этот проект, сами попали под влияние сионизма. Они провозглашали: "Цу а идиш ланд" (К еврейскому государству). Другой сторонник этого проекта, забыв, что он перефразирует Герцля, заявил: "Ойб ир вет дос велн — вет дос зайн". ("Если вы это пожелаете — это будет").²² Эти замечания в то время подвергались резкой критике, и их авторы вынуждены были отказаться от своих слов.

Среди советского и зарубежного еврейства велась широкая пропаганда с целью популяризации Биробиджанского проекта. Евреи одобряли его на словах, но воздерживались от переселения туда. "Еврей легко поднимает за Биробиджан руки, а не ноги", — жаловался корреспондент газеты "Дер эмес" в апреле 1928 года.

В марте 1928 года Всероссийский центральный исполнительный комитет Верховного Совета (ВЦИК) одобрил просьбу Комзета (Комитета по землеустройству евреев) о развитии Биробиджана с тем, чтобы превратить его в "еврейскую национальную область административно и территориально". Тех, кто был против этого проекта, обвиняли — одних в левом уклоне, других в национализме. Оппозиция вскоре совершенно исчезла, хотя Ларин открыто заявил о своем враждебном отношении к проекту. Он доказывал, что Биробиджан — болотистая местность, кишащая гнусом, с постоянными наводнениями, с долгой зимой, во время которой температура падает до — 40°, что он отдален от моря на тысячу километров. Те же евреи, которые одобрили этот проект, стали жертвами поспешных решений, создали шум вокруг него и стремились проповедовать своего рода сионизм, заменив Палестину Биробиджаном.²³

Первым среди большевиков, кто доказывал, что необходимо создать государственные территориальные единицы для национальностей, которые их не имели, был Ленин. В октябре — декабре 1913 года в своей известной статье "Критические заметки по национальному вопросу" он писал следующее, и эта точка зрения, насколько мне известно, встречается только один раз в произведениях Ленина:

"Несомненно, наконец, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы "тяготеть" и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара".²⁴

Неясно, имел ли Ленин в виду евреев, хотя эта статья вызвала полемику с бундовцами Гершем Либманом и Владимиром Медемом. Интересно отметить, что, хотя Ленина цитировали постоянно, по любому случаю, об этой идее создатели Биробиджанского проекта не упоминали.

Первая группа переселенцев получила право бесплатного проезда и немного карманных денег. В первый, 1928, год было выдано 600 направлений, из них 450 дали главам семей и 150 — отдельным лицам. Всего поехало в Биробиджан 654 человека.

Число евреев, которые переселились в период с 1928 по 1933 год, было следующим:

1928	1929	1930	1931	1932	1933
654	555	860	3231	14.000	3005

В 1929 году было запланировано переселить 3.000 семей (2500 — на землю) или приблизительно 15.000 человек. В действительности же приехали около тысячи человек и многие уехали обратно. В 1930 году число евреев составляло около 3000 человек из всего населения в 37.000, т.е. 8%.²⁵ Этот год был крайне неблагоприятным для устройства переселенцев, очевидно, из-за общих трудностей, возникших в связи с коллективизацией, поэтому руководство Озета Рашкес, Робинсон и Столов советовали посылать только одиночек, а не семьи. В 1931 году обратились с призывом к евреям, бывшим военнослужащим. Советские руководители были явно озабочены военным положением на Дальнем Востоке. Этим объясняется большой поток переселенцев в то время, в числе которых было 995 одиночек старше восемнадцати лет. Интересно также заметить, что большинство переселенцев прибывало с Украины, где жила беднейшая часть еврейского населения. Число покинувших Биробиджан по самым скромным подсчетам составило от 20 до 30 процентов всех прибывших. Некоторые считают эти данные заниженными.²⁶ В 1932 году наблюдалось резкое увеличение числа переселенцев: снова подавляющее большинство, 6.200 человек, т.е. 44,3% общего количества, прибыло с Украины. Но в этом же году резко увеличилось число уехавших обратно. Известный работник Озета Б. Троцкий считал, что уехало примерно 80%, а секретарь парт-организации Биробиджана Хавкин признал, что уехало 66%.

В 1933 году планировалось принять 25.000 евреев,

но приехало меньше восьмой части этого числа. В этом году уехало из Биробиджана даже больше людей, чем прибыло.

Это повторялось и в последующие годы. По плану на 1934 год предусматривалось поселить около 10.000 человек; фактически приехало 5.267, в числе которых были учителя, врачи, счетоводы, студенты и инженеры. В 1935 году в Биробиджан прибыло 8344 человека, в том числе 820 неевреев. Евреи жаловались на отсутствие жилья и других удобств. Снова евреи с Украины составили 77% прибывших. Среди них было 962 строительных рабочих (26,6%), 223 портных и сапожников (6,1%), 171 слесарь и кузнец (4,7%), 159 плотников (4,4%). Число уехавших снизилось до 170 человек. К концу 1935 года число евреев в Биробиджане достигло 14.000 человек (23% всего населения). Это был самый высокий процент переселенцев-евреев.

В течение 1936 года прибыло 6758 переселенцев, но в то же время многие уехали обратно. Руководители Биробиджана пытались скрыть от населения эти неприятные факты, как впоследствии признал сам Диманштейн.

В 1937 году советское правительство (председатель совнаркома Молотов участвовал в составлении этого проекта) запланировало переселить 17.000 евреев в Биробиджан. Фактически приехало всего немного более 3000 человек. В этом же году появилась новая особенность в деле переселения: НКВД (тайная полиция) взял на себя дело "поставки" евреев. Это было в самый разгар знаменитых ежовских чисток и оказало глубокое влияние на весь ход событий. Начиная с 1938 года и до конца войны, переселение резко пошло на убыль. Комзет и Озет прекратили свое существование.

Почти все руководители бывшей евсекции и Озета стали жертвами произвола и были уничтожены.²⁸

Для привлечения евреев, советское правительство в мае 1934 года объявило Биробиджан Еврейской автономной областью. Председатель ВЦИКа Михаил

Иванович Калинин произнес по этому поводу весьма важную речь, которая заслуживает краткого анализа. Он развил свои прежние тезисы 1926 года о сохранении еврейской национальности, добавив некоторые новые нюансы. "Вы спрашиваете, — сказал он, — почему была образована автономная область. Причина заключается в том, что у нас 3 миллиона евреев, и у них нет собственной государственности. Это единственная национальность в Советском Союзе, которая находится в таком положении. Создание автономной области является единственным средством нормального развития этой национальности. Евреям, живущим в Москве, придется ассимилироваться... Через 10 лет Биробиджан станет важнейшим хранителем еврейской национальной культуры, и те, кому она дорога, должны связать свою судьбу с Биробиджаном... Мы уже считаем Биробиджан еврейским национальным государством".²⁹ Он признал, что переселение не оказалось удачным, так как больше евреев вернулось, чем осталось там. Он выразил надежду, что если только 4000 человек будут переселяться ежегодно, то в течение 10 лет можно будет многого достигнуть. Если бы там поселилось 100.000 евреев, советское правительство могло бы создать советскую еврейскую республику. Он подчеркнул важность обороны советского Дальнего Востока. Он нападал на сионизм и все же благодарил за помощь, оказываемую Джойнтом.

Не кто иной, как сам Сталин, спустя 2 года, 25 ноября 1936 года, дипломатично приглушил оптимизм Калинина и сотрудников Озета. В конце 1936 года он произнес речь "О проекте Конституции СССР", в которой, не упоминая ни о евреях, ни о Биробиджане, заявил, что для того, чтобы автономные области стали советскими республиками, необходимы три условия: "Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР... Необходимо, чтобы национальность, давшая свое имя советской республике представляла в республике более или менее компактное большинство... В-третьих, чтобы республика была не очень маленькой в смысле коли-

чества ее населения, скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона".³⁰

Если принять по предложению Калинина цифру в 4000 иммигрантов ежегодно, то при непрерывном процессе переселения потребовалось бы десятки лет, чтобы Биробиджан стал советской еврейской республикой. Сталин, таким образом, признал банкротство Биробиджанского проекта. К этому времени большинство советских еврейских руководителей были арестованы или уже не имели влияния и не могли реагировать на это заявление Сталина.

После войны Еврейский антифашистский комитет пытался оживить процесс переселения в Биробиджан. В течение трех лет (1946—1948) туда прибыло 6326 евреев. Когда же в ноябре 1948 года все еврейские учреждения были закрыты, переселение по существу прекратилось.

По переписи 1959 года оказалось, что там живут 14.269 евреев из общего числа населения в 162.856 человек (8,88%). Из них 6.313 мужчин, а 7.956 женщин. Число тех, кто считал своим родным языком идиш, было 5597 человек (39,2%).³¹

Наконец, несколько замечаний о еврейской культуре; до войны 1939—1945 годов в Биробиджане поселилась группа писателей, которые писали на идиш. Наиболее значительными были Казакевич, Добин, Фаликман, Рабинов, Олевский, Ген, Вассерман и Вергелис. Из них осталась в Биробиджане только одна писательница Люба Вассерман. В 1932 по 1948 год появилось около десятка брошюр на идиш. Журнал "Форпост", который был основан в 1936 году и в 1938 году прекратил свое существование, фактически издавался в Москве.³²

В настоящее время в Биробиджане выходит одна газета на идиш "Биробиджанер штерн" тиражом 1000 экземпляров. До ноября 1948 года действовал еврейский театр, где шли пьесы Шолом-Алейхема и советских еврейских драматургов.

Одно из наиболее удивительных явлений — это возобновление некоторых скромных форм религиоз-

ной деятельности среди евреев. Несмотря на сильную антирелигиозную пропаганду, даже первые поселенцы открыли, сначала тайно, молитвенные дома и воздерживались от работы в еврейский Новый год и в Судный день. В 1947 году была построена синагога, которая сгорела в 1956. Сообщалось, что в городе Биробиджане имеется постоянный миньян (необходимое число мужчин для молитвы) и что по субботам собирается человек 20 на молитву. Община имеет хазана и шохета (кантора и резника).³³

В апреле 1958 года Хрущев дал интервью корреспонденту французской газеты "Фигаро", в котором он заявил, что евреи не способны работать в коллективе; они индивидуалисты и не хотят заниматься сельским хозяйством.

Немногие согласятся с Сало Бароном, что "замысел Биробиджанского проекта был идеей большого полета и далеко выходил за рамки простой сельскохозяйственной колонизации, такой, какая давно проводилась в европейской части Союза".³⁴ Возражения и доводы Ларина в 1928 году были правильны. Результат оказался таким, каким он его предвидел. Противоречивые направления в политике погубили этот проект, к тому же осуществлявшийся бессистемно и без учета чувств и пожеланий самих евреев. Он был с самого начала обречен на трагический провал.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. О дискриминации евреев. ср. S. Dubnov, "History of the Jews in Russia and Poland", V.3, Philadelphia, 1920, Louis Greenberg, "The Jews in Russia", New Haven, 1967.

2. Ср. Е. Чериковер "Иди революционерн ин русланд" (идиш) в "Историше шрифтен" т. 3, стр. 129, Вильно-Париж, 1939. Б. Динур "Демута ха-хисторит шел ха-иахадут ха-русит убаайот ха-кхер ба" (иврит) в ж. "Цион", т. XXII, Иерусалим, 1957, стр. 114. Участие евреев в русском революционном движении XX века еще недостаточно исследовано.

3. См. о Бунде "Доклад интернациональному социалистическому конгрессу в Амстердаме, Женева, 1904, стр. 14; об СС — "Унзер вег", 19 августа 1907, стр. 12 и Динур указ. соч.

4. Ср. Ленин, соч. 2 изд., т. 19, стр. 354—355, М., 1929. В 1907 г. Сталин весьма цинично отозвался о большом числе евреев среди меньшевиков. Ср. Сталин "Записки делегата", соч. т. 2, стр. 50—51.

5. Дату образования евсекции относят то к январю 1918 г., то к 15 февраля того же года. О раннем периоде евсекции см. исследование Мордехая Альтшулера "Рейшит ха-евсекция 1918—1921" (иврит), Иерусалим, 1966.

Об ее деятельности и отношении властей к ней — его же опубликованная диссертация "Маамада ха-полити ве ха-иргуни шел ха-секция ха-иехудит, 1918—1930" (иврит), Иерусалим, 1971; об ее влиянии на советское еврейство см. Z.Y. Gitelman, Jewish Nationality and Soviet Politics, Princeton, 1972.

Об образовании народных комиссариатов см. М. П. Ирошников, "Создание советского центрального аппарата", Л. 1966, стр. 296.

6. Данные о погромах на Украине иногда противоречивы, а цифры, приведенные здесь, возможно, уменьшены, ср. С. Диманштейн "Фун царишен "Техум" биз советишер автономие", в сб. "Иди ин СССР",

М., 1935, стр. 19; Я. Лещинский "Цвишен лебн ун тойт", т. 1, Вильно, 1930, стр. 19—53; Salo Baron, "The Russian Jew", New York, 1964, стр. 220—221 дает значительно более низкие цифры, которые противоречат цифрам, приведенным Е. Чериковером, С. Дубновым, Красным-Адмони.

7. См. Я. Лещинский, указ. соч., стр. 137—138.

8. См. Я. Лещинский, указ. соч., стр. 137—138.

9. С. Диманштейн, указ. соч., стр. 24.

10. С. Диманштейн, указ. соч., стр. 20.

11. С. Диманштейн указ. соч., стр. 20—24. О еврейской колонизации на Украине существует большая литература на русском языке и на иврите. Еще в 1800 г. известный поэт и сенатор Г. Р. Державин представил царю Павлу памятную записку, в которой заключалось, между прочим, и такое предложение. Два лучших исследования этого вопроса принадлежат В. Никитину "Еврей-земледелцы 1807—1887", СПб, 1887 и С. Боровому, "Еврейская земледельческая колонизация в старой России", М., 1928.

12. "Дер эмес", Москва, 11 июля 1927 г. Впервые опубликовано в стенографическом отчете конференции Озета.

13. Для полного обзора этой кампании и мер, принятых советским правительством против антисемитизма, см. Юрий Ларин "Евреи и антисемитизм в СССР", М., 1929. Ср. также С. Шварц "Антисемитизм в СССР".

14. Отчет Мережина на общем собрании Озета 23—25 декабря 1927 г. в "Трибуне" №№ 1—2, М., 1928; он полностью приводится в книге Якова Левави (Бабицкого), "Ха-хитиашвут ха-иехудит бе-Биробиджан", Иерусалим, 1965, стр. 43. Я пользовался этим исследованием для настоящей статьи и хочу выразить автору свою благодарность.

15. Там же.

16. С. Диманштейн, "Советише идише мелухиш-кайт", в ж. "Форпост", Биробиджан — Москва, № 1, 1936, стр. 124. Название статьи указывает на распространенность идеи еврейской государственности. Этот известный руководитель евсекции, бывший в свое вре-

мя заместителем Сталина в наркомнаце был убит вскоре после появления его статьи.

17. Б. Брук, "Биробиджанский район и его заселение" — в газете "Тихоокеанская звезда" за 17 и 26 июня 1928 г.; на эту статью ссылается Левави на 24 стр. своей книги (см. выше). Профессор Брук был известным агрономом и членом исполнительного комитета Озета; был также членом экспедиции, обследовавшей Биробиджан.

18. Подобный намек содержится в знаменитой речи Калинина, произнесенной 28 мая 1934 г. на приеме для московских рабочих и напечатанной в сб. "Инд ин ФССР" (Идиш), М., 1935, стр. 36.

19. Таково значение замечаний Михаила Рапкеса на заседании исполнительного комитета Озета; опубликовано в "Трибуне", № 3, 1929.

20. Речь Калинина на II съезде Озета в Москве в декабре 1930 г.; опубликовано в "Трибуне" № 36, 1930.

21. Александр Чемериский, "Биробиджан — дер гройсер онзог", — в газете "Октябрь", 30 марта 1928 г.; цитир. Левави, указ. соч., стр. 46.

22. Там же, стр. 50. Высказывания председателя Озета Мережина и секретаря евсекции Чемериского, Оба были убиты в годы сталинского террора.

23. Ю. Ларин, "На аграрном фронте", Москва, № 3, 1929, а также в его книге "Евреи и антисемитизм в СССР", М., 1929, стр. 183—190 и 306—307.

24. Ленин, Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 158. Первый европеец, который заинтересовался идеей о том, чтобы предоставить евреям территорию, был английский мыслитель и друг Кромвеля Джеймс Хэррингтон, в своей книге "Осеана", (изд. 1655 года). Он представлял себе евреев в качестве колонизаторов и покровителей Ирландии (Рапореа). (См. "Осеана", предисловие). Весьма сомнительно, чтобы Ленин или другие советские политические деятели когда-либо слышали о нем.

25. Цифры, опубликованные в Советском Союзе в это время часто противоречивы. Это подробно обсуждает Левави, указ. соч., стр. 81—93.

26. И. Брегман в "Трибуне", № 17, 1932. Левави, указ соч., стр. 86, считает, что уехавших было больше.

27. Цифры, приводимые Григорием Аронсоном в его статье "The Jews in the Soviet Russia", опубликованной в сб. "The Jews People Past and Present", Т. XI, New York, 1948, стр. 65, и в его статье "Soviet Russia and the Jews", 1949, стр. 6, не совсем точны, как убедительно показывают данные Левави, указ. соч. стр. 80—98.

28. Среди арестованных и расстрелянных были Мережин, председатель Озета, М. Литваков, редактор "Дер эмес", А. Чемериский, бывший секретарь евсекции, С. Диманштейн, И. Либерберг, председатель Биробиджанского совета и бывший руководитель Киевского еврейского научного института, и многие другие.

29. Вся речь напечатана в "Инд ин ФССР", М., 1935, стр. 31—38. Это наиболее "сионистская" декларация, когда-либо сделанная советским государственным деятелем. Она напоминает лозунг: "Долой сионизм, да здравствует советский сионизм".

30. И. Сталин, Ленинизм, Лондон, 1940, стр. 584.

31. См. "Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года", М., 1962—1963, стр. 334—335, 360—361, 384—385. Анализ еврейского населения в Советском Союзе на основании переписи 1959 года см. Мордехай Альтшулер, "Евреи по данным всесоюзной переписи 1959 года" (на англ. яз. и иврите), Иерусалим, 1963.

32. См. Левави, указ. соч., стр. 309—333.

33. См. там же, стр. 250—252,

Jack Miller, A Sociological Survey of Judaism in Biro-Bidzan, — в

"Bulletin on Soviet Jewish Affairs", London No. 1, январь 1968 (опубликованном Институтом по еврейским делам Всемирного еврейского конгресса), стр. 61—63, приводит советский обзор, в котором указывается, что среди 43 посещающих синагогу только 8 человек в возрасте от 63 до 84 лет "тверды в вере".

34. Salo W. Baron, указ. соч., стр. 230—231.

ЕВРЕИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Когда в марте 1917 года пал царизм, одним из первых декретов Временного правительства было постановление об отмене всех ограничений для евреев. "Все ограничения в правах всех русских граждан, принятые до сего времени на основе религии, вероисповедания и национальности, отменяются", — гласил декрет правительства. За этим последовал необычайный расцвет политической и культурной жизни миллионов русских евреев. Он был беспрецедентным, но чрезвычайно кратковременным и продолжался не более двух лет.¹

Комитеты взаимопомощи, которые возникли еще в военные годы, начали с первых дней революции активную деятельность с целью созыва национального конгресса русских евреев. Еврейские политические партии начали новую жизнь после многих лет затишья до и во время войны. Социалистические партии (Бунд, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия, Поалей-Цион), сионисты и даже религиозный лагерь пополнились многими новыми членами, пересмотрели свои программы, основали новые местные учреждения и развили широкую деятельность. Большинство еврейских организаций понимало, что первоочередной задачей является созыв Всероссийского съезда русских евреев. Он должен был создать автономные учреждения русского еврейства и выработать требования для представления их правительству еще до созыва Учредительного Собрания, о котором мечтало большинство либеральных и революционных партий. Вскоре в городах и местечках были организованы еврейские общины и их учреждения на основе демократических выборов. В этот же период наблюдались пробуждение и расцвет журналистики, начали издавать книги на идиш, иврите и русском языке. В короткий

срок было открыто много еврейских учебных заведений, от детских садов до учительских институтов. В политических событиях и в руководстве основных политических партий этого бурного периода евреи играли выдающуюся роль.²

Чем можно было объяснить это развитие? Никакой подготовительной работы среди еврейской общечественности в предшествующие годы не велось. Уже в 1844 году власти перестали официально признавать существование еврейских общин. В записке, представленной Комитетом по еврейским делам того времени, указывалось, что евреи не сотрудничают с властями. Они живут в соответствии с Толмудом, считают свое пребывание в России изгнанием из родной страны и ждут пришествия Мессии.³

В 40-е годы XIX века русские евреи не имели ни общественно-культурных организаций, ни своего печатного органа. Лишь очень немногие из них посещали школы и университеты. В конце прошлого века только 1 процент евреев считал русский язык родным, для 97 процентов родным языком был идиш. По той же переписи 1897 года оказалось, что только 24,6 процента еврейского населения умело читать и писать по-русски.⁴

Каковы же были причины необычайной активности русских евреев в 1917 году? Ясно, что одной из причин было освобождение угнетенных ранее экономических и социальных сил. Другие причины заключались в отношении русского правительства и русского общества к евреям, в изменении экономической и демографической структуры еврейства России в течение XIX века и в его социальном и идеологическом развитии.

Русский антисемитизм — наследие многих поколений — играл немаловажную роль в определении отношения русского общества и русского правительства к евреям.⁵ Религиозное и социальное брожение в России в XV веке, известное как “ересь жидовствующих”, в сочетании с другими факторами вызвало чрезвычайную враждебность к евреям вплоть до решения

запретить им селиться на Руси. Военные действия России за пределами государства сопровождались преследованиями евреев, а иногда и их истреблением. Однако после трех разделов Польши в XVIII веке Россия оказалась страной с самым многочисленным в мире еврейским населением. Она начала выработать новые принципы законодательства по отношению к евреям. Запрет проживать за пределами присоединенных к России польских земель и селиться в Центральной России, возникновение черты оседлости, от которой страдали русские евреи вплоть до революции, — все это было плодом традиционной ненависти. С начала XIX века политика правительства приняла определенную форму: стремление полностью вытеснить евреев из сельскохозяйственной сферы, в которой они играли немаловажную роль. Власти были согласны с польскими помещиками в том, что евреи являются эксплуататорами крестьян (как будто деревни были в руках евреев, а не самих помещиков, и доходы шли не в карманы последних). С другой стороны, было решено приступить к созданию сельскохозяйственных колоний в Херсонской губернии, где должны были селиться изгнанные евреи, и поощрять среди них развитие ремесел и промышленности. Царское правительство приложило много усилий, чтобы насильственно ассимилировать евреев, разрешив еврейским детям учиться в русских школах, обращая их тем самым в христианство. Император Александр I дал ряд льгот крещеным евреям, а Николай I сделал обращение в христианство одной из основных задач своей еврейской политики. Он надеялся создать большую группу евреев, которые, приняв христианство, служили бы примером для остальных. С этой целью по велению царя еврейских мальчиков принуждали к прохождению военной службы в особых школах кантонистов.

Святейший Синод (Верховная церковная власть в России) издал наставление священникам военных заведений (1843 год) ускорить "подготовку" еврейских детей к крещению.⁶

Эти усилия, однако, не только не привели к

намеченной цели, но вызвали единодушное и сильное сопротивление со стороны еврейского населения. Безуспешным оказались и другие меры Николая I, такие, как принудительное обучение еврейских мальчиков в "казенных" училищах, и еще более жестокие преследования, как, например, отмена легального признания еврейских общин и проект "разбора", объявившего 80 процентов еврейского населения как бы стоящими вне закона.

Период царствования Николая I остался в памяти русского еврейства как время самых жестоких преследований. Все же царю не удалось изменить структуру еврейского общества, его деятельность, организацию и самосознание. Это вынудило правительство его преемника Александра II обратиться к более мягким средствам. В эпоху "великих реформ" в русской жизни — отмены крепостного права, введения независимого судопроизводства и свободы печати — положение евреев улучшилось.

Богатым и образованным евреям разрешалось покинуть черту оседлости, учиться и даже занимать государственные должности. Стали издаваться еврейские газеты, росла еврейская интеллигенция, родным языком которой был русский.⁷ Ремесленники и дети николаевских солдат получили некоторые льготы. Но спустя несколько лет, начиная с середины 60-х годов, различные слои русского общества начали проявлять признаки недовольства этой все увеличивающейся интеграцией.

Во второй половине царствования Александра II усилились реакционные тенденции в правительстве. Отношение к евреям стало одним из важнейших вопросов в политической и социальной полемике этого времени. Оппозиционные общественные течения были также весьма враждебно настроены к евреям.

В то время как славянофилы считали, что евреи переносят разлагающее западное влияние на русское общество, народники видели в них представителей капитализма, эксплуатирующих народ. Царское же правительство было обеспокоено ростом участия евреев

в революционном движении России, особенно гимназистов, учеников раввинских училищ и университетов. Раздался возглас: "Жид идет!".

С вступлением на престол Александра III в России начался период реакции, который продолжался до 1917 года. В глазах русского общества (а с течением времени и в собственных глазах) евреи были связаны со всякими западными веяниями, то есть со стремлением к обеспечению личных и социальных прав, с рациональной мыслью — словом, со всем, что, по мнению теоретиков "русской самобытности", считалось противоречащим характеру России и ее политическим и социальным традициям.

После убийства Александра II по Украине прокатилась волна еврейских погромов. Ни русское общество, ни даже революционеры не выступили в защиту евреев. Правительство начало проводить открытую и жестокую политику антисемитизма: лишило евреев права занимать государственные должности, запретило им заниматься научной деятельностью, ограничило в занятиях свободными профессиями, в гимназиях и университетах была введена процентная норма. Предписания, касающиеся черты оседлости, стали более строгими, экономической деятельности евреев чинились препятствия. Евреи, имевшие по тогдашним законам право жить в Москве, были в 1891 году выселены из города. Продажная русская полиция непрерывно усиливала давление на евреев.

После поражения России в русско-японской войне 1905 год, когда политическая система самодержавия пошатнулась, правительство стремилось завоевать расположение русского общества воинствующей антисемитской пропагандой. Оно организовало в 1905 году погромы⁸ в сотнях еврейских поселений (толпы погромщиков находились под защитой полиции и армии), поддержало антисемитские правые политические партии и создало банды "Союза русского народа", "черные сотни" для нападения на евреев и оппозиционеров.⁹

Политика яростной атаки на евреев повлекла за

собой ряд последствий, из которых важнейшим было то, что все противники самодержавия невольно стали противниками официального антисемитизма и преследования евреев. Такое отношение создалось, несмотря на некоторые противоречия в оценке еврейской проблемы либеральных и революционных кругов. Даже во время Кишиневского погрома 1903 года лидеры либералов Струве и Южаков, выражая свое сочувствие страданиям евреев и отвращение к подстрекателям погрома, яростно нападали на еврейский национализм и на "не слишком привлекательный характер евреев".¹⁰

Во время дебатов в Думе и в передовых кругах русского общества относительно попытки правительства возродить кровавый навет 1911 — 13 годов в Киеве — позорное "дело Бейлиса" — шла борьба между самодержавием и оппозиционными силами.¹⁰

Таким образом, еврейский вопрос стал одной из центральных проблем России XX века — пробным камнем в борьбе прогрессивного с реакционным.

Борьба обострилась и положение евреев ухудшилось особенно в начале первой мировой войны, после поражения русской армии на Восточном фронте. Царское правительство пыталось объяснить это деятельностью "изменников родины", причем главными среди них выставлялись евреи.¹² Еврейское население, большая часть которого жило в районе военных действий, подверглось преследованиям. Евреев обвиняли в помощи врагу, и военно-полевые суды приговаривали невинных людей к расстрелу; в качестве заложников хватали руководителей еврейских общин; сотни тысяч евреев были изгнаны в глубь России.¹³ Положение евреев стало отчаянным; было ясно, что их может спасти только падение царского режима. Чувство облегчения, с которым они приветствовали Февральскую революцию, падение самодержавия и приход к власти либералов, можно легко понять. Евреи жили в постоянном страхе и ожидании избавления; освобождение, которое пришло вместе с революцией, смело все запреты, дало толчок к всесторонней и независимой деятельности евреев.

Демографические и экономические процессы, которые происходили в среде русских евреев до революции, тоже сыграли свою роль. Важным фактором в развитии русского еврейства был высокий естественный прирост населения. В XIX веке Россия отличалась быстрым увеличением населения, но прирост еврейского населения вдвое превышал общий прирост.¹⁴ Только к концу столетия этот темп снизился и стал равен темпу прироста остального населения — около 2 процентов в год.¹⁵

Еврейское население задыхалось в создавшихся условиях скученности в замкнутой черте оседлости и страдало под административным гнетом. Это происходило на фоне быстрого развития капитализма, начавшегося после поражения России в Крымской войне, и отмены крепостного права в 1861 году. Это отразилось и на источниках средств существования многих евреев, связанных с помещичьими усадьбами и являвшихся посредниками между городом и деревней на основе экономических отношений, существовавших в течение столетий. В результате в еврейском обществе ускорила экономическая дифференциация, и люди переходили к физическому труду: большинство — в качестве кустарей и ремесленников (в последнем десятилетии XIX века число мастеров вместе с подмастерьями и работниками достигло полумиллиона). Меньшая часть евреев стали наемными рабочими (около 150 тысяч).¹⁶ В это время среди евреев было больше ремесленников и промышленных рабочих, чем торговцев, что коренным образом отличалось от положения в начале века.¹⁷ Процент нуждающихся в общественной помощи увеличился. Значительная часть еврейского населения жила в таких условиях, которые потрясали объективного наблюдателя.¹⁸

Тяжелая промышленность была сконцентрирована в районах вне черты оседлости, так что евреи, само собой разумеется, не были заняты в ней. Но даже в текстильной, сахарной и пищевой промышленности, которые были сравнительно развиты в черте оседлости и частично были в руках еврейских предпринимателей,

евреев на работу не принимали. На этих предприятиях требовались главным образом неквалифицированные рабочие, и предпринимателю было, конечно, выгодно пользоваться трудом неграмотных крестьян, которые приезжали в город в поисках сезонной работы. Еврейский рабочий не только отказывался работать в субботу, но он был также более грамотен и организован. Поскольку в России был избыток рабочих рук, предприниматели не нанимали евреев. Однако кое-где создались компактные массы еврейских рабочих, например, среди грузчиков одесского порта.

Значительная часть евреев, зарабатывавших на жизнь физическим трудом, были ремесленниками. Но даже здесь многие профессии были недоступны евреям. Еврейский подмастерье не имел права жить у мастера-христианина, так что еврейские ремесленники ограничились несколькими ремеслами, ставшими среди евреев традиционными. Перепись 1897 года показала, что почти половина (43,6 процента) ремесленников-евреев занимались изготовлением одежды. Евреи предпочитали это ремесло, так как оно не требовало больших затрат на оборудование мастерской, в которой могли работать также женщины. По сравнению с преобладающим большинством портных и белошвеек, сапожники составляли 14,4, столяры — 6, слесаря — 3,1 процента от всего количества еврейских ремесленников.¹⁹

Увеличение числа ремесленников в этих немногих отраслях вызывало среди них конкуренцию, снижало расценки и ухудшало качество работы. Главными покупателями этих изделий были крестьяне и горожане Западной России, а им не нужны были товары высшего качества. Но были и другие факторы, которые действовали против еврейского ремесленника. Жестокая конкуренция и трудности с получением кредита грозили самому существованию еврейского ремесла в черте оседлости. Положение еврейских ремесленников несколько улучшилось, когда были организованы товарищества взаимного кредита, которые давали деньги на льготных условиях на закупку сырья и заготовку товаров на дни праздников и для ярмарок. Благодаря

этому ремесленники не нуждались в посредниках. За годы 1898—1902 было основано 50 таких кредитных товариществ, но через несколько лет министерство финансов потребовало, чтобы две трети директоров этих товариществ были русские, что приостановило их развитие. После революции 1905 года это требование не соблюдалось. Тогда снова начали возникать еврейские товарищества взаимного кредита, и к началу 1913 года их насчитывалось уже 632 в черте оседлости. Количество их членов возросло до сотен тысяч, а ежегодный оборот доходил до 30 миллионов рублей.²⁰

Несмотря на быстрое развитие организаций взаимопомощи, еврейские ремесленники эмигрировали из России больше, чем другие группы населения. Эмиграция стала одним из характерных явлений русского еврейства.²¹

С 1898 по 1914 год из России эмигрировало около 250 тысяч евреев. Избыток еврейского населения, образовавшийся в результате естественного прироста, уменьшился. Процент эмигрантов был в три раза выше процента эмигрантов других национальностей, оставлявших Россию в те годы, например, финнов и поляков. Около 40 процентов еврейских эмигрантов зарабатывали на жизнь шитьем; две трети были ремесленниками. Характерной особенностью еврейской эмиграции было то, что евреи переселялись целыми семьями, проезд многих из них оплачивался родственниками, а процент возвращавшихся обратно был незначителен (5—7 процентов по сравнению с 33 процентами эмигрантов неевреев).²²

Это доказывает, что евреи уезжали не в поисках заработка, а с намерением переселиться в другие страны.

Еврейская эмиграция из России была также примечательна тем, что уезжали не только люди, не находившие применения своему труду, но также и те, кто стремился уйти от преследования и дискриминации со стороны правительства. Число эмигрантов резко увеличивалось в годы погромов и преследований, например, после выселения евреев из Москвы в 1891 году

и после волны погромов, прокатившихся в октябре 1905 года.

Можно поэтому сказать, что многие евреи, отчаявшись добиться гражданского равноправия в России, "голосовали ногами" (если воспользоваться словами Ленина, сказанными по другому случаю) за свою эмансипацию. Более того, размеры массовой эмиграции воспринимались в различных еврейских политических кругах как доказательство того, что еврейский вопрос должен быть решен либо нахождением какой-либо территории, на которой евреи могли бы поселиться, либо созданием для них самостоятельной социально-политической единицы.

В этот период среди русского еврейства резко обозначилась социальная дифференциация. В то время, когда массы евреев в трудных условиях обратились к физическому труду, пролетаризировались, нищали и были вынуждены эмигрировать, небольшая группа богатых и образованных евреев разрабатывала планы ассимиляции еврейского народа в пределах России, причем сама активно участвовала в экономическом развитии этой страны.

Действительно, когда возникла необходимость организовать систематическую эмиграцию русского еврейства в 80-х и 90-х годах или же попытаться ввести поток эмигрантов в определенные рамки, богатые евреи были против всего этого на том основании, что такая деятельность могла быть на руку тем кругам России, которые утверждали, что евреи не принадлежат к коренному населению страны и не имеют к ней никакого отношения.²³

Богатые евреи широко участвовали в строительстве железных дорог в России, особенно в 60-х и 70-х годах (начиная с 80-х годов, русское правительство само начало прокладывать железные дороги, устранив евреев из этой области народного хозяйства). Велика была роль евреев и в развитии банковского дела, в особенности в основании земельных, промышленных и ипотечных банков.

Из официальных источников известно, что братья

Поляковы играли выдающуюся роль в основании и развитии земельных банков.²⁴

Уже упоминалось, что еврейские предприниматели занимали видное место в текстильной и пищевой промышленности в черте оседлости, участвовали в развитии речного транспорта и добыче драгоценных металлов. В последние годы XIX века еврейские капиталисты пострадали от экономического кризиса, который охватил Россию и продолжался во время русско-японской войны и революции 1905 года. В 1908 году началось оживление, и еврейские капиталисты приняли участие в разработке угольных копей на юге России, в добыче и сбыте кавказской нефти.²⁵ Они активно участвовали даже в развитии тяжелой промышленности совместно с предпринимателями из Западной Европы, и это — несмотря на постановление правительства, требовавшее наличия большинства русских членов в правлениях предприятий (как и в случае с товариществами взаимного кредита), а также несмотря на благосклонное отношение правительства к банкам и фирмам, которые заявляли о желании "избавить русскую экономику от еврейского влияния".

Вышеупомянутые демографические и экономические процессы оказывали решающее влияние на русское еврейство. Массы потеряли доверие не только к правительству, но и к тем еврейским деятелям, стремления которых были направлены к целям, ничего общего не имевшим с целями большинства евреев. Массы начинали больше доверять независимым еврейским организациям, принципу взаимопомощи и тем политическим программам, которые до некоторой степени направляли их внимание за пределы России. Все это привело к огромной политической активности, охватившей широкие слои еврейского населения.

Богатые и образованные евреи все больше отдалялись от остальной массы еврейства из-за разницы во взглядах, языке и образе жизни. Но и они чувствовали, что их положение в русском обществе не соответствует их действительному удельному весу и объему их экономической деятельности, не говоря уже об их

вкладе в развитие социального и политического мышления.

Все слои еврейского народа, затаив дыхание, ждали политических перемен в России и готовы были их принять.

Какие формы приняла политическая и общественная активность русского еврейства в этот период? Еврейская политическая мысль оформилась главным образом в средневековой Европе, когда евреи были религиозно-общественной корпорацией внутри феодального общества. В Европе еврейская община развилась в результате сотрудничества еврейского руководства, поддерживавшего внутреннюю дисциплину в еврейском обществе, с властями, которые с помощью этого руководства выколачивали деньги и административно контролировали еврейские общины. Это сотрудничество еврейских руководителей с властями стало отличительной чертой еврейства в глазах окружающего населения и причиной их страданий во время народных восстаний.

В самом еврейском обществе доверие к правительству и лояльное отношение к нему было общепринятой традицией.

Возникновение хасидского движения во второй половине XVIII века и поддержка правительствами России и Австрии тенденций еврейских просветителей с целью ослабления внутренней еврейской автономии вызвали большие перемены в еврейском обществе. Оно враждебно реагировало на идеи просветителей и на вмешательство правительства во внутренние дела еврейства. Хасидские общины и "дворы" хасидских цадиков стали очагами оппозиции.

Еврейское общество Восточной Европы, кроме немногих интеллигентов, начало отказываться от безоговорочной поддержки властей и объединяться в оппозиционно настроенные сплоченные группы. Именно этот бунтарский дух евреев, которые по традиции всегда были лояльны к правительству и политически инертны, заставили Николая I принять меры, упомянутые выше, то есть отменить в 1844 году признание легального существования еврейских общин. Такими метода-

ми правительство надеялось расколоть сплоченность евреев.

Просветительное движение (Гаскала) среди восточноевропейского еврейства ограничивалось небольшой группой богатых евреев и учащейся молодежью и не захватывало широких масс. В 70-х и 80-х годах XIX века образованные молодые евреи начали принимать участие в политическом и социальном движении, отвергнув идею сотрудничества с властями, которую проповедовали просветители предыдущего поколения. Одни из этих молодых примкнули к революционному движению в России (часть из них занималась распространением идеи социализма среди самих евреев), другие же стали во главе еврейского национального движения.²⁶

Глубокая идеологическая пропасть разделяла представителей этих точек зрения. Не могло быть примирения между теми, кто стремился к революционным преобразованиям существующего политического строя России, и теми, кто совершенно разочаровался в этой временной родине и видел спасение в создании самостоятельного еврейского государства.

Однако между этими антагонистическими группами было сходство — обе не верили намерениям правительства и считали его враждебной силой, утверждая, что решить еврейский вопрос можно лишь вопреки политике властей. Этим они выражали тенденции, которые, как уже отмечалось, давно существовали в еврейском обществе и которыми можно объяснить огромную популярность национальных и революционных кружков в народе. Когда в Базеле в 1897 году состоялся первый Сионистский конгресс и в этом же году — первый съезд Бунда (Еврейский рабочий социал-демократический союз), которые явились выражением как национального, так и социального радикализма, подъем среди русских евреев был потрясающим. Казалось, будто этот народ проснулся после политической спячки и немедленно приступил к разработке различных идеологий, к изучению политических программ и даже к созданию политических групп и партий, рабочих касс, профсоюзов и товариществ взаимопомощи. Вскоре

возникли первые попытки слить национальный и социальный радикализм в единое движение с сионистско-социалистической идеологией.

Кишиневский погром в апреле 1903 года явился еще одним поворотным пунктом в этом процессе.

Евреям тогда окончательно стало ясно, что власти не только не стремятся поддерживать общественный порядок и охранять жизнь евреев, но, наоборот, активно помогают погромщикам. В это время и была вписана в историю героическая страница подпольной организации отрядов самообороны, боровшихся за жизнь и честь евреев. Годы революции (1905—1907) были ярким выражением этого движения.

Это был период возрождения и брожения в политической жизни России: возникли комитеты, союзы и политические партии, участились забастовки, проводились демонстрации, вспыхивали вооруженные восстания. Во всех этих событиях евреи играли важную роль. Несоциалистические элементы среди них объединились в союз для достижения равноправия еврейского народа в России. Их целью было созвать всеобщий съезд русских евреев. Они также хотели создать "клуб" еврейских депутатов в Думе или, по крайней мере, инструктировать их по ряду вопросов, касающихся евреев. (Еврей-члены Думы были избраны по общерусским спискам, и необходимо было занять согласованную позицию по еврейским вопросам).

Еврейские социалистические объединения проводили забастовки и демонстрации, создавали боевые отряды для отражения нападений распоясавшихся погромщиков и для сопротивления полиции и войскам, защищавшим эти банды.

Годы первой русской революции были, таким образом, новой стадией в пробуждении русских евреев. Они начали объединяться для участия в политической жизни и благодаря сплоченности осознали свою силу и поняли, что они должны стать хозяевами собственной судьбы.²⁷

Политический поворот в июне 1907 года, который еще больше ограничил права Думы, нанес сокру-

шительный удар по революционным и либеральным движениям России. Он также заглушил политическую деятельность еврейских партий. Начало первой мировой войны увеличило их отчаяние. Правительство, как мы видели, искало "козла отпущения" для объяснения своих военных и политических неудач и старалось любыми средствами представить евреев вражескими агентами, предававшими Россию. Была запрещена переписка на идиш, а с 5 июля 1915 года прекращено издание всякой литературы на еврейском языке.²⁸ Это затронуло интересы миллионов людей, подавляющее большинство которых не знало русского языка.

Преследования и высылки военных лет стимулировали евреев к немедленному возобновлению деятельности, например, к оказанию помощи сотням тысяч беженцев из зоны военных действий. Даже власти вынуждены были считаться с этим новым положением: решением совета министров от 4 августа 1915 года был временно снят запрет на пребывание евреев вне черты оседлости, им разрешили поступать в высшие учебные заведения, открывать собственные школы во внутренних областях России.²⁹ Развил широкую деятельность Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО) совместно с Еврейским колонизационным обществом и с помощью Джойнта (Еврейской американской филантропической организации).

Это пробудило еврейские организации к оживлению их политической активности. Перелом наступил, когда в феврале 1917 года произошла революция.

В новых условиях ожили еврейские политические партии, исходившие в своей деятельности из опыта революции 1905 года. Лидеры этих партий представляли себе будущее России в виде федерации свободных народов, где каждому народу будет гарантирована широкая автономия. Одной из задач почти всех еврейских партий России было создание ячеек национальной автономии, а также подготовка Всероссийской еврейской конференции и выбор делегатов на нее. Осенью 1917 года состоялись выборы в общинные советы и на Всероссийскую еврейскую конфе-

ренцию, которая должна была сформулировать требования русского еврейства.

Во время выборов основные прения разгорелись вокруг вопросов о конкретной форме и о рамках национальной автономии, о связях с другими группами еврейского народа, живущими за границей, и об отношении к сионизму — основанию независимого еврейского государства в Палестине. Во время выборов на конференцию, в которых по различным причинам участвовала лишь небольшая часть русского еврейства, сионисты и религиозная группа получили решающее большинство голосов. Выборы в общинные советы дали такие же результаты. Влияние сионистов возросло после опубликования в ноябре 1917 года Декларации Бальфура. Русские евреи были полны энтузиазма. С другой стороны, была высоко оценена деятельность социалистических партий. Хотя они представляли меньшинство еврейского населения, они отличались динамичностью и имели связи со многими русскими политическими партиями и с объединениями других национальностей, населяющих Россию.

Против плана федеративной России, предоставляющей автономию всем народам, действовали две силы. Сепаратистские тенденции некоторых национальностей, особенно украинцев, на чьей территории жила основная масса русских евреев, явились главным источником оппозиции. Второй была централистская тенденция большевистской партии, которая, хотя и признавала (только в теории) право народов на самоопределение,³⁰ фактически распространяла это только на народы, занимавшие определенную территорию. Таким образом, евреев лишили права на национальную автономию.

Еврейские партии в 1917 году некоторое время поддерживали украинских националистов в надежде, что последние не порвут окончательно своих связей с Россией. Но это не оправдалось: украинские сепаратисты не только отделились от России, но повернули оружие против нее и учинили массовые убийства украинских евреев.³¹ Только полный провал украин-

ских сепаратистов спас евреев от поголовного уничтожения и оставил их в пределах СССР. Но немало пострадали евреи России от большевиков, которые нанесли сокрушительный удар по политическому пробуждению и расцвету культуры евреев.

Итак, в течение одного-двух лет силы русского еврейства были освобождены демократической революцией и затем также быстро подавлены.

Коммунистическая революция положила конец социальным, культурным и политическим чаяниям русских евреев. Их интенсивная политическая активность 1917-18 годов возникла на основе сложных процессов прошлых лет, когда еврейское общество научилось полагаться только на себя. Борьба за еврейскую автономию, участие еврейской интеллигенции в общерусской борьбе и разочарование в ней, организация культурных учреждений и развитие еврейской прессы, национальная и социалистическая деятельность — все это подготовило почву для огромного подъема активности евреев в этот короткий период. Недолговечность этого расцвета можно объяснить слабостью русской демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нет точных данных о числе евреев в царской России перед революцией. По переписи 1897 года в Российской империи проживало пять миллионов 250 тысяч евреев. По данным Еврейского статистического общества ("Еврейское население России", Петроград, 1917) — три миллиона 837 тысяч евреев жили в Европейской России (за исключением Польши, которая до войны входила в Российскую империю), на территории, не оккупированной немцами. На Кавказе, в Сибири и в Средней Азии по переписи 1897 года насчитывалось 105 тысяч евреев. Евреи составляли несколько более 50 процентов городского населения Литвы и Белоруссии. По этой же переписи 35,5 процента городского населения Украины составляли русские, 30 процентов — евреи и 27 — украинцы.

2. Этот период в истории русского еврейства мало исследован. Предисловия (на иврите) И. Слуцкого и Шмерука к книге "Еврейская печать в СССР за годы 1917—1960", изданной Израильским историческим обществом, Иерусалим, 1961 г., дают некоторое представление об объеме публикаций; см. также: М. Альтшулер, "Попытка организовать Всероссийский еврейский конгресс", "Ге'авар" (журнал, посвященный истории евреев в России), Тель-Авив, № 12, 1965, стр. 75—89. Ср. также "Ге'авар", № 15, 1968 — специальный выпуск, посвященный периоду между февралем и октябрём 1917 г.

3. С. Дубнов, Исторические сообщения. Книжки "Восход", апрель 1904, стр. 30-31.

4. Б. Бруцкус, Статистика еврейского населения, СПб, 1909, стр. 35, 48.

5. См. мою статью "Eredita antisemita in Russia e sua influenza nei tempi", в сборн. 'Gli ebrei nell' U.R.S.S. Милан 1966, стр. 77-98.

6. С. Гинзбург, Историсхе верк (идиш), т. III, Нью-Йорк, 1937, стр. 351-369.

7. См. статью И. Слуцкого, Рост русско-еврейской интеллигенции, "Цион" (иврит), т. XXV, 1960, стр. 212-237.

8. L. Motzkin. Die Judenphograme in Russland, V. I, II. Cologne u Leipzig, 1910.

9. Некоторые материалы, собранные специальной комиссией, назначенной Временным правительством в 1917 году для расследования деятельности этих организаций, были опубликованы А. Черновским, "Союз русского народа", М. — Л., 1929.

10. Ср. Ицхак Маор, Еврейский вопрос в русском либеральном и революционном движении, 1890 — 1914 гг. (иврит), Иерусалим, 1964, стр. 53—57 (о полемике, вызванной этими замечаниями).

11. А. В. Тагер, Царская Россия и дело Бейлиса, М., 1933.

12. Как известно, шпионаж в русской армии велся высокопоставленными военными, принадлежавшими к прогерманской группе в правительственных кругах.

13. См. "Еврейский вопрос в Думе". Речи депутатов, Лондон, 1915. Антиеврейские публикации правительства и командования армии были перепечатаны в брошюре иностранного комитета Бунда в январе 1916 года. Это была вторая публикация в серии "Разгром евреев в России". Есть также обширный материал в книге "Евреи и война — меморандум еврейской социалистической конференции Поалей-Цион", Гаага, 1916 (на английском, немецком, французском языках). Опубликованное в правительственном органе обвинение евреев в том, что они в местечке Кужи прятали немецких солдат, которые затем подожгли это местечко, вызвало особую тревогу. Этот инцидент был расследован комиссией во главе с членом Думы Керенским, впоследствии возглавившим Временное правительство России. Комиссия установила ложность обвинения.

14. Я. Лещинский, Еврейский народ в цифрах (идиш), Берлин, 1922, стр. 29.

15. П. М. Клиничин, в предисловии к брошюре

Еврейского статистического общества (см. примечание 1).

16. Сборник материалов об экономическом положении еврейского населения в России, т. 1. СПб, 1904, стр. 201.

17. По переписи 1897 года 36,3 процента всех еврейских кормильцев семей добывали средства к жизни в промышленности и ремеслах и лишь 31 процент — в торговле и посредничестве.

18. См., например, впечатление о поездке в черту оседлости экономиста А. Субботина: В черте еврейской оседлости, СПб, 1888 — 1890.

19. Сборник материалов..., т. 1, указ, изд., стр. 198.

20. И. Блюм и Л. Зак, Кооперация среди евреев, Петербург, 1913, стр. 16 — 17.

21. Ср. Еврейское население России, стр. V—VI.

22. L. Hersch, The International Migration of the Jews, в сборнике: International Migration, ed. by W. E. Wilcox, vol. II, New York, 1931, pp. 471—590.

23. Конференция еврейских деятелей, состоявшаяся в Петербурге в апреле 1882 года, приняли резолюцию против организации эмиграции, так как она будто бы подрывает достоинство русского государства и исторические права евреев на их теперешнюю родину.

Барон Гораций Гинзбург созвал эту конференцию и был ее председателем; на ней присутствовали среди прочих железнодорожный магнат Поляков, профессор Бакет и знаменитый ковенский раввин Ицхак Эльханан Спектор (см. Ch. S. Dubnow, The History of the Jews in Russia and Poland, vol. II, Philadelphia, 1946, pp. 304—308).

24. К. X. Спасский, История торговли и промышленности в России, 4-й вып. СПб, 1911, стр. 37.

25. F. D. Henry, Ваку: An Evenful History, London, 1905, p. 113.

26. Ср. Л. Г. Дейч, Роль евреев в русском революционном движении, Берлин, 1923, Еврейский научный институт, "Историше шрифтен" (идиш) т. 3, Париж, 1939; Н. А. Бухбиндер, История еврейского рабочего движения в России, Л., 1926. Подробная

библиография истории национального движения приводится в книге И. Гринбаума, Развитие сионистского движения (иврит), тт. 1—4, Иерусалим, 1942.

27. L. Greenberg, *The Jews in Russia*, vol. II, New Haven, 1945, pp. 154—159.

28. “Из недавнего прошлого“, речи еврейских депутатов в Государственной Думе за годы войны, Петроград, 1917, стр. 67—69.

29. Я. И. Гимпельсон, Л. М. Брамсон, *Законы о евреях. Добавление: Расширение черты оседлости*, Петроград, 1916.

30. E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution*, vol. I, London, 1950, pp. 286—379.

31. Об этом ср. J. S. Reshetar, *The Ukrainian Revolution*, Princeton, 1952; об условиях жизни и деятельности евреев на Украине см. И. Е. Чериковер, *Антисемитизм и погромы на Украине 1917-18 гг.*, Берлин, 1923.

**ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СССР:
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ**

А. КАКАЯ СУЩЕСТВУЕТ ИНФОРМАЦИЯ?

Данная работа преследует двойную цель: рассмотреть в общих чертах демографическое развитие советского еврейства за первые пятьдесят лет советской власти и в свете полученных данных попытаться представить современную социологическую картину положения евреев. Очень мало будет сказано --- ибо очень мало известно --- о восточных евреях Кавказа или Узбекистана; наше внимание сконцентрировано на традиционной черте оседлости, западной окраине современной территории СССР, а также на Москве и Ленинграде.

С самого начала мы должны дать несколько кратких пояснений о характере статистических материалов, которыми нам приходится пользоваться. С начала революции было проведено пять переписей населения, материалы которых были опубликованы. Это переписи 1920, 1923, 1926, 1939 и 1959 годов. Первая и вторая из них были весьма неполными: перепись 1920 года проводилась до того, как исчезли последствия гражданской войны, перепись же 1923 года была ограничена территорией городов. Однако в 1923 году термин "городской" имел более широкий смысл, чем при более позднем административном делении, и включал много мелких городов (местечек, "штетл") бывшей черты оседлости с плотным еврейским населением; вскоре после 1923 года большинство этих местечек было низведено до положения деревень, и они захирели по причинам, о которых будет речь дальше. Перепись 1926 года была всеобщей и подробной и является для нас главным источником сведений о раннем советском периоде. Данные переписи 1939 года

так и не были полностью опубликованы — ее итоги, естественно, оказались в большой степени устаревшими из-за войны, и мы ограничены скудными довоенными сведениями. К ним относится книга еврейского автора о положении евреев в СССР, вышедшая в Москве в первые недели после вторжения Германии, а также довольно скудные выборочные данные переписи 1939 года, включенные в итоги переписи 1959 года. Эта последняя перепись дает значительное количество систематизированных сведений, однако и здесь много пробелов, которые могут быть восполнены лишь путем догадок.

В отношении качества анализа, которому подверглись эти материалы и результаты других специальных исследований, мы должны отметить, что в двадцатые годы и частично в тридцатые группа еврейских советских ученых, пользовавшаяся официальной поддержкой и имевшая доступ к официальным материалам, занималась всесторонним исследованием положения советских евреев и наметила меры, которые представлялись желательными для улучшения их положения. С начала войны, за исключением исследования Льва Зингера в 1948 году, которое является исправленным вариантом его работы 1941 года с добавлением новой, но абсолютно бесполезной главы о войне и непосредственно послевоенном периоде, — такая работа не проводилась в СССР, во всяком случае ничего не было опубликовано. Поэтому мы располагаем лишь официальными данными. Нормальной практикой в настоящее время (т. е. с середины пятидесятых годов, когда возобновилось издание пригодных статистических материалов) является классификация материала о национальных (этнических) группах по основным национальностям 15 союзных республик (русские, украинцы, белорусы, туркмены, эстонцы и т. д.) в стереотипном порядке; иногда далее указываются национальности автономных республик (башкиры, татары и т. д.). При этом все другие группы, не связанные с территорией первого или второго порядка, представлены в виде недифференцированного ос-

тата. Виды информации, которые отклоняются от этого правила, будут указаны ниже.

Далее возникает вопрос о последовательности данных, т. е. устойчивости категории "еврейский". Во всех советских переписях принято, чтобы в ходе переписи данные собирали учетчики, которые посещают каждого человека и записывают с его слов все данные по соответствующей форме. В помощь учетчикам (а возможно, и отвечающим) составляются списки национальностей, языков, рода занятий и пр.; опрашиваемый имеет формально право по собственному усмотрению отвечать на вопросы относительно национальности, родного языка и т. д.; обязанность учетчика — записать ответ в той форме, в какой он дан. За решение, к какой национальной группе тот или иной гражданин принадлежит или какой язык он считает родным для себя, ответственность ложится на него; и именно на него, а не на лиц ответственных за проведение переписи, оказывается общественное давление, о чем речь пойдет ниже. В отношении детей возникают затруднения лишь в том случае, если родители принадлежат к разным национальным группам; и, по-видимому, в переписи принято записывать ребенка по национальности матери.

Однако в настоящее время существует совершенно иная система регистрации национальности, которая необязательно соответствует данным переписи. Городские жители, достигшие 16 лет (с момента введения в 1934 году паспортной системы), получают паспорт, в котором среди прочих данных записывается и их национальность. Так как паспорт должен предъявляться, например, при поступлении в высшее учебное заведение или на работу, отдел кадров учреждения всегда может легко определить национальный состав своего штата. Тем не менее в то время как планирование и регистрация личного состава чрезвычайно детализированы и точны для квалифицированного персонала, они совершенно не уточняются для трудящихся низших квалификаций, и поэтому нет возможности быстро определить число людей какой-ли-

бо национальности, занятых в советском народном хозяйстве в целом. Получение таких сведений было бы очень дорогостоящим, и это легло бы тяжелым бременем для перегруженных учреждений, занимающихся статистикой; кроме того, эта операция не принесла бы никакой практической пользы народному хозяйству. Иначе обстоит дело, когда это касается, скажем, врачей. Можно предположить, что министерство здравоохранения ведет учет для облегчения задачи правильного распределения медперсонала.

В. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ "ЕВРЕИ"?

Было ли это определение действительно постоянным? Существовал ли нажим со стороны общественного мнения, были ли методы, которыми пользовались при переписи, такими, что искажали истинное число евреев в разные годы или же в одни годы больше, чем в другие? Характер этих вопросов таков, что на них нельзя дать определенный ответ. Во времена царизма число евреев по национальности не учитывалось, были данные только о религиозной принадлежности к еврейству. Любой еврей, который становился православным или католиком, переставал считаться евреем. Только в советское время была официально признана еврейская национальность в переписи, в документах и в статистике. Документальное подтверждение существования еврейской национальности само по себе не было отражением намерения выделить евреев как таковых и, конечно, ничего общего не имело с антисемитизмом. Советский Союз — многонациональное государство, и многие его национальности обладают развитым национальным самосознанием и были бы возмущены, если бы их национальность не указывалась в удостоверениях личности и паспортах. Например, грузин очень гордится своей национальностью и хотел бы, чтобы его всегда считали грузином. Советские руководители сами часто предоставляли статистические данные, показывавшие степень развития разных, прежде относительно

отсталых, национальностей Советского Союза. Правда, еврейская национальность не подходит под обычное марксистское определение, поскольку не имеет своей территории. Тем не менее, поскольку подавляющее большинство евреев чувствовали себя евреями, и другие национальности Советского Союза считали евреев представителями национальности, отличающейся от их собственной, этот факт получил официальное и документальное признание.

Как уже указывалось, до 1934 года не существовало обязательных документов, в которых была бы графа о национальности, и, следовательно, человек, который дал один ответ на вопрос о национальности во время переписи 1926 года, мог бы ответить иначе, когда через 8 лет были введены паспорта с графой о национальности. Однако в 1934 году, по-видимому, не было особых причин менять или скрывать свою национальность. Раз уже гражданин был записан евреем (грузином, украинцем или узбеком), он не мог изменить свою национальность по собственному желанию. Дети регистрировались по национальности родителей. Почти невозможно было изменить фамилию, и это тоже создавало дополнительные трудности при переходе в другую национальность.

В любой стране трудно определить, что такое еврейская национальность. В Израиле было несколько интересных судебных процессов, на которых разбирался этот вопрос. В других странах часто говорят, что еврей — это человек, который сам признает себя евреем. Во времена господства церкви можно было отречься от своей религии и перейти в другую. В период нацизма перестать быть евреем было совершенно невозможно. Это немаловажный вопрос. Если, как это произошло в январе 1959 года, 2.267.814 человек признали себя (а за детей — их родители) евреями, эта цифра представляет собой один из возможных критериев числа евреев в Советском Союзе. Однако эта цифра могла быть занижена, если кто-нибудь, желая скрыть свою национальность, дал неправильные сведения. Так, человек, который был и считает себя евреем, но жил где-

нибудь в глубине Сибири, где никто не знал, что он еврей, мог бы сказать учетчику, особенно если учетчиком был местный житель, что он русский. В этом случае данный человек сообщил бы не то, что он чувствует. Другое дело, если он действительно хотел забыть, что его родители были евреи, и пользуется переписью, чтобы записаться русским. Зная о тенденции к ассимиляции, которая была характерна для части еврейской интеллигенции в России, можно не сомневаться, что такие люди имеются.

При сборе материала мы должны учесть также вероятность того, что некоторые лица из обеих упомянутых выше категорий записаны в паспортах как евреи. Это означает, что есть еще одно официальное определение еврея: это лицо, которое записано в паспорте евреем. Этот документ приходится предъявлять при найме на работу, следовательно, статистические данные о евреях врачах, научных работниках, студентах основываются не на том, что данные лица сказали во время переписи, а на записи в их паспортах. К сожалению, из этого не следует, что власти знают точное число так называемых "евреев по паспорту". Причина этого простая: паспорта выдаются только лицам, проживающим в городах и достигшим шестнадцати лет. Поэтому статистические паспортные данные о национальном составе не имеют смысла и, возможно, не учитываются. Весьма возможно, что несколько сот тысяч человек, записанных в паспорте евреями, не назвались при переписи евреями — ведь никаких удостоверяющих это документов предъявить не требовалось, так что неправильных сведений нельзя было обнаружить. Однако следует подчеркнуть, что это просто предположение, не основанное на веских доказательствах.

Положение еще больше осложняется наличием большого числа смешанных браков. Уже приводились статистические данные, показывающие, что смешанные браки были широко распространены в РСФСР еще в 1926 году. Это явление отражало относительно слабое чувство национальной принадлежности у евреев и заметную тенденцию к ассимиляции, особенно в Мо-

скве и Ленинграде. Смешанных браков было значительно меньше в западных областях страны, где в качестве разговорного языка преобладал еврейский язык — идиш. Однако именно эти области пострадали больше всего от нацистских орд. Уничтожение еврейской общественной жизни и преобладание среди оставшихся в живых евреев ассимилированных и не говорящих по-еврейски неизбежно повысили общее количество смешанных браков.¹ Детям обычно присваивалась национальность матери, но они имели право по достижении 16 лет выбрать национальность любого из родителей. Конечно, в ответах на вопросы в ходе переписи могла быть указана национальность отца. Ни мы, ни учетчики не располагаем сведениями об этом. Имеющиеся сведения говорят о том, что больше евреев-мужчин женятся на нееврейских женщинах, чем наоборот. Из этого можно сделать вывод, что дети до 16 лет от смешанных браков чаще зарегистрированы неевреями. С другой стороны, кажется более вероятным, что дети отца-еврея по достижении 16 лет примут еврейскую национальность. Иначе могло бы показаться странным, что киевлянин по фамилии Финкельштейн считает себя украинцем. Но это также только предположение.

Принимая во внимание все вышеприведенные трудности, мы не можем не удивляться тому, что кое-кто продолжает не только считать официальные данные советской переписи преуменьшенными, но даже пытается их заменить своими, якобы более точным. Так, одна израильская газета решилась привести цифру в 3.437.000 евреев, считая ее правильной. Мы можем согласиться, что поправка на разницу между записью в паспорте и данными переписи может быть значительной. Однако мы не видим оснований для указаний точной цифры и можем лишь еще раз подчеркнуть неточности в определении и учете. Другое дело, если бы мы имели доказательства политического давления, оказываемого на евреев или учетчиков во время переписи с целью преуменьшения числа евреев в СССР. По-видимому, этого не было.

Может быть, относительно высокие цифры, приводимые израильскими и другими критиками, основываются на преуменьшении потерь во время войны и, что еще важнее, на переоценке естественного прироста населения. Не следует забывать, что рождаемость среди евреев была значительно ниже средней по Союзу, а смешанные браки еще больше понизили темпы роста еврейского населения, и, возможно, через несколько лет сведут его к отрицательной величине.

В. ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ, РАССЕЛЕНИИ И ВОЗРАСТНОМ СОСТАВЕ

После вышеприведенных оговорок мы приступаем к первой части нашего исследования: к выяснению численности и территориального расселения советских евреев за последнее пятидесятилетие.

На протяжении двадцати лет, предшествовавших революции, число евреев на территории, которая стала СССР (территория двадцатых и тридцатых годов), осталось практически без изменения, если не считать возможного незначительного уменьшения. Основной причиной этой стабильности была большая эмиграция, особенно в Соединенные Штаты, которые приняли за эти два десятилетия около полумиллиона евреев с будущей советской территории. До самого конца существования Российской империи евреям, конечно, не разрешалось свободно передвигаться к востоку от (приблизительных) будущих границ РСФСР, так что в начале нашего века только один из семи евреев жил к востоку от черты оседлости. Подавляющее большинство евреев были горожанами. Но в то время это понятие было широким и охватывало как еврейские общины в больших городах, например, в Одессе, где до революции было около 150 тысяч евреев, так и мелкие местечки, "штетл", с еврейским населением примерно в 200 человек. Подавляющее большинство нееврейского населения в черте оседлости составляли украинские или белорусские крестьяне, коэффициент рождаемости и смертности которых (и естественный при-

рост) был значительно выше, чем у евреев. Во время первой мировой войны и гражданской войны еврейские черты оседлости оказались во фронтовой полосе; процент рождаемости у них понизился, детская смертность была высокой, и, в дополнение к неизбежным трудностям и массовой высылке во время войны, прошла волна погромов, которая унесла огромное число евреев (возможно, до 100.000), особенно в местечках.

Большевистская революция привела к катастрофическому ухудшению экономического положения еврейских общин. В период военного коммунизма, когда была запрещена частная торговля и даже небольшие мастерские были "национализированы", еврейские торговцы и ремесленники бедствовали на территории, находившейся под контролем советской власти. Гражданская война также нанесла им огромный ущерб. В 1921 году снова было разрешено торговать и открывать частные мастерские, но их деятельность была ограничена нехваткой материалов и товаров. После 1926 года правительство увеличило ограничения с целью вытеснения частной инициативы из торговли и промышленности, и к концу десятилетия практически все частные предприятия были национализированы. В городах и особенно в местечках прежней черты оседлости стало чрезвычайно трудно заработать на жизнь традиционными занятиями. Революция предоставила новые возможности, которыми охотно воспользовалась молодежь, но процесс приспособления проходил болезненно, и евсекция компартии предлагала различные планы переподготовки и переселения для решения этой острой проблемы. Вследствие этого происходила интенсивная миграция евреев в большие города (еврейское население Одессы достигло 190 тысяч в 1920 году). К 1923 году Москва (86 тысяч евреев) и Петроград (52 тысячи) стали городами с самым многочисленным еврейским населением после Киева и Одессы: еврейское население Одессы к этому времени сократилось до 130 тысяч, так как беженцы периода гражданской войны вернулись домой; еврейское на-

селение Киева все время неуклонно увеличивалось: в 1897 году там было 27 тысяч; в 1919 — 111 тысяч; в 1923 — 129 тысяч. Одесса была пограничным городом на румынской границе; Киев, хотя еще не стал столицей Украинской ССР (до 1934 года Харьков был столицей), но был первостепенным административным, промышленным и культурным центром.

В промежутке между окончанием гражданской войны и концом 1926 года, когда новая экономическая политика (нэп) была в расцвете, еврейское население увеличилось пропорционально населению в целом, пока шел процесс миграции с запада на восток. В 1923 и 1926 годах еврейское население в трех главных республиках было следующим:

	(В тысячах)	
	1923 г.	1926 г.
Украина	1483	1574
Белоруссия	423	407
РСФСР и остальная часть СССР	525	620
Итого	2431	2601

В итоговую цифру 1926 года не включены примерно 80 тысяч среднеазиатских евреев, из которых многие (в Хиве и Бухаре) не были еще советскими гражданами в 1923 году.

Естественный прирост, как мы увидим, был выше в западных областях, чем в РСФСР, так что можно предположить, что эти цифры отражают миграцию в этот период в количестве свыше 60 тысяч человек к востоку — возможно, около 20 тысяч в год. Мы увидим также, что темп миграции был, по-видимому, выше в период с 1927 года по 1939 год. Этот процесс миграции привел к росту еврейского населения больших городов за счет сельских местностей и местечек не только за пределами бывшей черты оседлости, но и внутри этой черты. В Москве и Ленинграде между 1923 и 1926 годами прирост еврейского населения составил 72 тысячи, в остальной же части РСФСР и на

территории к востоку от черты оседлости он составил только 23 тысячи человек (за исключением средне-азиатских евреев). На Украине численность еврейского населения в 37 окружных центрах увеличилась за это время с 765 тысяч до 849 тысяч, т. е. на 11 процентов. Несмотря на большую миграцию из Белоруссии, там наблюдалось такое же явление: в окружных городах еврейское население увеличилось на 3 процента, а в остальной части республики уменьшилось на 9 процентов. На этой стадии главные промышленные центры Украины еще не привлекали большого количества евреев; основной тенденцией, по-видимому, было перемещение из меньших городов в большие в пределах одной области, а не миграция на большие расстояния в далекие районы страны.

Рассмотрим возрастной состав и количество мужчин и женщин среди еврейского населения СССР в 1926 году. Как и следовало ожидать, среди евреев Белоруссии и Украины был больший процент женщин, чем среди населения этих республик в целом:

Женщин на тысячу мужчин, 1926 г.

Белоруссия: евреи	1122
население в целом	1042
Украина: евреи	1140
население в целом	1058

Это явление можно объяснить многими факторами: большая тенденция евреев к миграции — мужчин уезжало больше, чем женщин; меньшая смертность у евреев — женщины живут заметно дольше мужчин, особенно если у них не так много детей, и эта разница значительнее при небольшой общей смертности; во время погромов мужчин погибло больше, чем женщин. И наоборот — в результате миграции среди евреев в РСФСР было значительно меньше женщин, чем среди населения в целом (1040 еврейских женщин на 1.000 мужчин; среди всего населения — 1094 женщины на 1000 мужчин). По таким же причинам было значительное различие в возрастном со-

ставе евреев в РСФСР по сравнению с жителями прежней черты оседлости.

Приводимые ниже данные указывают на огромную разницу между восточными и западными областями СССР в приросте еврейского населения; простой, но для данной цели эффективный способ — сравнить число детей до 5 лет с числом взрослых от 20 до 39 лет. В РСФСР — один ребенок на шесть взрослых; в западных областях — примерно один ребенок на трех взрослых: здесь прирост был вдвое выше. Даже допуская, что многие "восточники" явно были иммигрантами и у них еще не было времени осесть и образовать семью, а "западники" были большей частью постоянными жителями, — несоответствие все же очень велико.

Возрастной состав еврейского населения в 1926 г. в процентах (Запад — Украина и Белоруссия; Восток — РСФСР и др. республики):

Возраст	Восток	Запад
0—4	7,0	11,7
5—9	6,2	8,3
10—14	6,8	10,3
15—19	10,3	12,5
20—24	13,7	10,8
25—29	13,5	9,7
30—34	10,1	7,0
35—39	7,2	5,7
40—44	5,4	4,8
45—49	4,6	4,3
50 и выше	15,2	14,9

Небольшой прирост объясняется низким коэффициентом рождаемости (по опубликованным данным, которые могли быть преуменьшены по причинам, указанным выше) и низким коэффициентом смертности, которого можно было ожидать от населения с таким большим количеством взрослых молодых людей. В результате этого естественный прирост еврейского населения РСФСР был значительно ниже при-

роста русского населения этой республики (10 на тысячу против 30 на тысячу). На Украине и в Белоруссии это расхождение было значительно меньше:

Коэффициенты естественного прироста на 1.000
1926—1927 гг.

Украина: украинцев	25
евреев	16
Белоруссия: белорусов	27
евреев	18

Высокие коэффициенты для населения в целом, которое в то время в подавляющем большинстве было сельским, должны были снижаться по мере того, как шел процесс урбанизации (и, конечно, сильно понизились во время коллективизации); но к 1926 году уже стало ясно, что еврейское население РСФСР приближается к такому моменту, когда его численность может поддержать только приток новых иммигрантов из менее культурных районов. Коэффициент естественного прироста, по-видимому, уже настолько снизился, что без такой иммиграции еврейское население начало бы в конце концов уменьшаться; и, кроме того, мы должны учитывать количество смешанных браков. Уже в 1926 году соотношение смешанных браков было следующим (в процентах):

Еврей — муж, жена — еврейка	—	75
Еврей — муж, жена — нееврейка	—	25
Жена — еврейка, муж — еврей	—	83
Жена — еврейка, муж — нееврей	—	17

Эти данные относятся к РСФСР; соответствующие данные для Украины и Белоруссии были значительно ниже. Мы отмечаем два момента: во-первых, вступают в брак больше мужчин-евреев, чем женщин-евреек (по данным: 9 женщин на 10 мужчин), и, во-вторых, мужчины более склонны находить жен вне своей общины, чем женщины. Если мы ограничимся здесь “легальной и регистрируемой” ассимиляцией и отвлечемся от общественной действительности, то увидим, что, очевидно, будет больше детей от браков

евреев с нееврейками (следовательно, дети будут неевреями), чем наоборот, и это приведет ко все большей интеграции.

Однако мы не должны преувеличивать скорость этого процесса: если бы положение, описанное здесь, продолжалось неопределенно долго, то коэффициент интеграции составил бы лишь одну десятую в каждом поколении.

Такой темп интеграции, применительный только к самой "передовой" части страны, население которой непрерывно пополнялось иммигрантами, едва ли имел бы большое значение на протяжении полу столетия; основной формой ассимиляции, если статистически измеримая ассимиляция действительно имела бы место, была бы социальная ассимиляция, т. е. если бы зарегистрированные евреями мужчина или женщина перестали бы считать себя евреями в повседневной жизни и в решающий час. Общее число евреев в любой момент поэтому является неопределенной величиной и с течением времени будет становиться все более и более неопределенной.

Хотя в 1926 — 1939 гг. было проведено много исследований об условиях труда евреев и т. п., в наших источниках информации имеется пробел в отношении их общей численности и расселения до переписи 1939 года. Как было сказано выше, в то время в печати появлялось очень мало сведений об итогах этой переписи; однако у нас достаточно данных, чтобы определить примерную картину развития в этот промежуточный период. Что касается территориального распределения еврейского населения в 1939 году — как и советского населения в целом, — мы имеем основание относиться к официальным данным с осторожностью. Сейчас достоверно известно, что в то время несколько миллионов взрослых были высланы и занимались принудительным трудом в разных формах, часто в отдаленных республиках и районах; у нас есть основание подозревать, что, по крайней мере в некоторых из этих случаев, высланные числились при переписи в тех районах, из которых они прибыли, а не в

тех, где они были во время переписи. Так как ссылки в Белоруссию или на Украину практически не было, между тем как ссылка в малонаселенные восточные районы РСФСР или среднеазиатские республики было обычным делом, то возможно, что официальные данные о количестве евреев на Украине и в Белоруссии на деле несколько преувеличены. Можно только предполагать, какие группы еврейского населения могли быть высланы: под общим влиянием коллективизации и уничтожения местного кустарного производства евреи из местечек и сельских местностей западных областей могли быть причислены к кулакам; также чистка среди официальных лиц и интеллигенции (евреи были представлены в обеих группах), несомненно, коснулись многих евреев.

Из официальных данных мы знаем, что еврейское население Советского Союза за это время выросло с 2.680.000 в 1926 году до 3.020.000 в 1939 году: в обе цифры включены 80 тысяч среднеазиатских евреев. Если предположить, что последняя группа, которая фактически мало соприкасалась (как это продолжается и сейчас) с европейскими евреями, увеличилась в той же средней пропорции, что и их соседи неевреи (узбеки, грузины, дагестанцы), т. е. на 25 процентов, то получилось бы увеличение европейского еврейского населения за 12 лет с 2.600.000 до 2.920.000 человек, около 11,2 процента за весь период, т. е. около 0,9 процента в год. Это можно сравнить с увеличением всего советского населения на 15,9 процента за тот же период (1,2 процента в год), включая начало тридцатых годов, когда рост был незначительным.

Внутренняя миграция евреев, начавшаяся до 1926 года, продолжалась в течение 1926 — 1939 гг.; еврейское население на Украине уменьшилось с 1.574.000 до 1.533.000; в Белоруссии — с 407 тысяч до 375 тысяч; следовательно, в других частях страны оно увеличилось с 699.000 до 1.112.000. Если предположить, что естественный прирост происходил равномерно, то это означало бы, что за этот период с запада на восток мигрировало примерно 324 тысячи человек, т. е.

около 30 тысяч в год. В общем, темп миграции из бывшей черты оседлости в глубь страны в довоенный период советской власти был приблизительно таким же, как и темп миграции в западные страны во время царизма за 20 дореволюционных лет, но так как рождаемость понизилась, еврейское население бывшей черты оседлости теперь медленно сокращалось.

В этой связи мы можем здесь проанализировать изменение состава советского еврейства по возрасту. Сравнивая 1939 год с 1926 годом, мы видим, что как число мужчин, так и число женщин увеличилось в одинаковой степени (в тысячах):

	1926 г.	1939 г.	Изменения
Мужчины	1267	1437	+ 170
Женщины	1413	1583	+ 170

Другими словами, если рождаемость мальчиков и девочек примерно одинакова, то и смертность среди мужчин за этот период приблизительно равнялась смертности среди женщин.

Коллективизация (1930 — 1934 гг.) задела крестьянство значительно сильнее, чем городское население; и так как мы знаем, что в двадцатых годах коэффициент смертности был довольно низким среди евреев и что они все больше селились в городах и с течением времени по роду занятий переходили в "средний класс", — мы едва ли ошибемся, предположив, что коэффициент смертности (специфический для возраста и пола) в 1926 — 1939 гг. у евреев был более благоприятным, чем у населения СССР в целом.

Характерно, что возрастной состав польских евреев (многие из них стали гражданами СССР в 1939 году) по последней польской переписи 1931 года был аналогичен советскому (в процентах):

Возраст	0—14	15—49	50 и выше
Польские евреи	29,6	53,8	16,6
Евреи СССР 1926 г.	29,0	56,3	14,7
Евреи СССР 1939 г.	29,1	55,3	15,6

Это близкое сходство показателей, по-видимому, дает нам право предположить, что присоединение евреев из так называемых Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году фактически не изменило демографической структуры советского еврейского населения.

Во время обеих переписей (1926 и 1939 гг.) возрастной состав евреев явно представляется более "старым" по сравнению с возрастным составом советских граждан в целом; он фактически скорее похож на возрастной состав населения СССР в конце пятидесятых годов (после колоссальных потерь 1941—1945), чем в тридцатых годах. Это не удивительно: в течение относительно длительного периода коэффициент рождаемости среди евреев был ниже и коэффициент смертности был тоже ниже: меньше евреев рождалось, но жили они дольше. Однако самое удивительное изменение в возрастном составе евреев, по нашим данным, выразилось в быстром сокращении как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении тех возрастных групп, которые были источником учащейся молодежи в двадцатых и тридцатых годах: около 900 тысяч евреев в возрасте от 15 до 29 лет было в 1926 году, и только около 750 тысяч — в 1939 году. Этому снижению соответствует рост в группе, которая была в расцвете (возраст 30-40): увеличение с 490 тысяч в 1926 году до 760 тысяч в 1939 году. Расчеты, на которых основываются эти выводы, сравнительно просты, в них возможны погрешности, но в общем они вряд ли значительно отклоняются от истины.

Наши цифры дают возможность взглянуть на то, что могло бы быть, если бы не было войны и уничтожения: в 1926 году число детей у евреев было меньше, чем среди населения в целом; на все другие возрастные группы, начиная с 15 лет и старше, евреев приходилось значительно больше. К 1939 году процент евреев во всех возрастных группах до 30 лет включительно был относительно ниже — "переломный момент", так сказать, передвинулся с течением

времени. Даже если учесть снижение рождаемости в целом и уменьшение смертности, сопутствующие урбанизации населения, еврейское население неизбежно должно было с течением времени стать относительно старше (по сравнению со всем населением); и к настоящему времени мы могли бы ожидать, что этот "переломный момент" будет где-то около пятидесяти лет. Влияние смешанных браков на этот процесс было бы незначительным (с биологической точки зрения); социальное давление, которое могло бы иметь место в ситуации, не возникшей в реальной действительности, является темой бесплодных рассуждений.

Г. ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ

Аннексии 1939-40 гг. привели к увеличению еврейского населения СССР примерно на 50—70 процентов. Мы можем предположить, что в 1931 году еврейское население Польши — с этого времени перепись не проводилась, — насчитывавшее приблизительно 3,1 миллиона (включая около 100 тысяч в Вильне и области), увеличилось к 1939 году до примерно 3,3 миллиона, из которых около 1,3 миллиона проживало в восточной половине страны; быстрота продвижения немцев была такой, что бегство на восток, в Советский Союз, не могло иметь большого размаха. Еврейское население прибалтийских государств составляло около 250 тысяч человек; на территории, отторгнутой от Румынии (Бессарабия и Буковина), проживало немного больше евреев. В течение 1940 и в начале 1941 года, несомненно, происходило спонтанное передвижение к востоку, а также ссылка в административном порядке, но, принимая во внимание очень приблизительные данные, которыми мы располагаем, количественная оценка не имеет большого смысла. Предположим, что в середине 1941 года еврейское население СССР в целом было приблизительно таким, какое указано ниже.

На вновь приобретенных территориях Западной Белоруссии и Западной Украины проживало наибольш-

шее число евреев — около 13—14 процентов. Прибалтийские государства вместе со "старыми" Украиной и Белоруссией составляли около 5 процентов, в то время как в РСФСР и на востоке СССР было меньше 1 процента евреев.

	(в миллионах) Евреи (в %%)	Все население	Евреи
Весь Советский Союз	4,8	198	2,4
РСФСР и все восточные республики	1,1	139	0,8
"Старая" Белоруссия	0,4	6	7,0
"Новая" Белоруссия	0,4	3	13,0
"Старая" Украина /Молдавия	1,5	36	4,0
"Новая" Украина /Молдавия	1,1	8	14,0
Прибалтика	0,3	6	5,0

Наступление Германии на Советский Союз в 1941 году, подобно наступлению на Польшу за два года до этого, развивалось так быстро, что сравнительно немногие жители Белоруссии, значительной части Украины и Прибалтики имели возможность бежать на восток. Исключение в основном составляла молодежь, призванная в армию (как с новых, так и со старых территорий многие, несомненно, попали в плен в первые дни войны, и из них очень мало евреев осталось в живых), плюс те мужчины и женщины, которые, занимая достаточно высокие посты в народном хозяйстве и управленческом аппарате, были эвакуированы в организованном порядке. Однако удар, нанесенный немцами, был таким неожиданным, что едва ли сколько-нибудь значительное число евреев, живших на новых территориях, могло попасть в эту категорию. Такие области, как Донбасс, были в несколько лучшем положении, хотя даже и там хаос первых недель

войны исключал возможность организованной эвакуации. Для того, чтобы воспользоваться плановой эвакуацией, надо было жить на таком расстоянии от прежних границ, как Москва или Ленинград, которые нацистам, впрочем, не удалось занять. Учитывая все это, следует удивляться не тому, что так мало евреев осталось в живых после войны, а тому, что их оказалось так много. В дополнение к указанным возможностям передвижения, по собственному ли желанию или в принудительном порядке, в неоккупированных восточных районах СССР для евреев из бывшей Польши было два выхода: служба в польской армии, которая была воссоздана в Советском Союзе во время войны и двигалась на Запад, или выезд из СССР в Польшу в послевоенные годы. По ряду соглашений гражданам довоенной Польши польской или еврейской национальности было разрешено вернуться в Польшу (большинство евреев, естественно, рассматривало это, как первый шаг на пути к дальнейшему передвижению), и в первой волне перемещенных лиц (вплоть до 1948 года) примерно 75 тысяч польских евреев уехали из Советского Союза. Во второй волне, начиная с 1957 года, было значительно меньше евреев: около 10 тысяч в 1957 году и, по-видимому, гораздо меньше в последующие годы. Преобладающее большинство этих эмигрантов первоначально населяло западные области Украины и Белоруссии, но в годы, предшествовавшие их отъезду, они были рассеяны по всему Советскому Союзу. Весьма вероятно, что после войны в западных областях никогда больше не было плотного еврейского населения.

До сих пор нет возможности получить ясную картину советских военных потерь в целом, не говоря уже об их территориальном или национальном расселении, но мы располагаем ежегодными цифровыми данными о населении после 1950 года, которые указывают на то, что основная убыль советского населения происходила на западе — это можно было предположить. Потери же были так велики, что в сочетании с постоянным перемещением в города и

переселением в пятидесятых годах больших масс сельского населения на новые земли на восток, население больших районов западной части Советского Союза не могло быть восстановлено и, по всей вероятности, никогда не восстановится. Очевидно, и в послевоенный период продолжалось перемещение на восток (ускоренное войной и только временно приостановленное вследствие необходимости вновь заселить и восстановить опустошенный запад). Поэтому картина территориального расселения советских евреев через 14 лет после окончания войны в Европе не является точным отражением положения, которое существовало непосредственно после войны.

С этой оговоркой мы переходим к анализу положения в 1959 году: по переписи общее число евреев (2.268.000) включает приблизительно 2.047.000 человек, проживавших на территории страны, которая входила в СССР до 1939 года (без Тувы и Южного Сахалина), и 221 тысяча человек, проживавших в западных районах, присоединенных в 1939—1940 гг. и после войны. Эти цифры приблизительно, так как в переписи 1949 года нет данных относительно меньших территориальных единиц, чем области, и мы не можем точно установить границы изменений, которые произошли, но в целом цифры, указанные выше, достаточно точны. Мы делаем вывод, что еврейское население, насчитывавшее в 1939 году 3.020.000 человек, сократилось примерно на одну треть, в то время как на западных территориях (вероятно, имевших 1,8 миллиона евреев во время захвата этих территорий) было уничтожено примерно 90 процентов еврейского населения.

"Старая" советская территория понесла потери неодинаково; по переписи 1939 года в Белоруссии было 375 тысяч евреев, через 20 лет на той же территории проживало около 135 тысяч — убыло две трети. Даже если предположить, что эмиграция из Белоруссии на восток происходила с начала войны (или, во всяком случае, в промежутке после переписи 1939 года), мы можем сделать вывод, что подавляющее бо-

льшинство этих потерь было непосредственно вызвано вторжением Германии. На территории "старой" Украины (включая довоенную Молдавию) число евреев с 1.533.000 человек в 1939 году сократилось до 770 тысяч в 1959 году, т. е. стало вдвое меньше. Опять-таки можно допустить некоторую миграцию, но и в этом случае преобладают потери, вызванные войной. В остальной части СССР (РСФСР с включением Крыма, Кавказа, Центральной Азии) наблюдается незначительное увеличение по сравнению с довоенным еврейским населением: 1939 — 1.112.000, 1959 — 1.142.000. Еврейское население РСФСР сократилось с 948 тысяч до 902 тысяч, следует заметить, что по переписи 1959 года в Брянской области было только 14 тысяч евреев, в Смоленской совсем их не было, причем в обеих областях, несомненно, было большое еврейское население до 1939 года.⁴

Мы отмечаем увеличение числа евреев в Закавказье (вместо 84 тысяч — 93 тысячи) в Казахстане (вместо 19 тысяч — 28 тысяч) и в Средней Азии (значительное увеличение, вместо 61 тысячи — 119 тысяч). Эти данные несколько возмещают потери, причиненные войной, и указывают на участие евреев в общем передвижении на восток в эти развивающиеся области, особенно в пятидесятых годах, а также и на то, что многие эвакуированные в такие города Средней Азии, как Ташкент или Алма-Ата, предпочли остаться там.

Еврейское население на аннексированных в 1930—1940 гг. территориях в 1959 году было следующим: в Прибалтике 66 тысяч, около одной пятой довоенной цифры; в Западной Белоруссии около 15 тысяч, довоенное число было порядка 400 тысяч. Если сделать поправку на эмиграцию (как указано выше) и переселение внутрь страны, то ясно, что еврейское население этой территории пострадало больше всего. Даже на Западной Украине дело обстоит несколько лучше — сохранилось около 140 тысяч евреев из 1 миллиона.

Подводя итоги, можно сказать, что если общее число жертв войны среди населения Советского Союза было порядка 30 миллионов, то доля евреев в числе этих жертв равнялась примерно двум с половиной миллионам. Евреи составляли 2,5 процента населения Советского Союза в начале войны, в настоящее время они составляют 1 процент всего населения.

Жертвы, понесенные евреями в процентном отношении в четыре раза больше жертв среди всего населения Советского Союза.

Выше мы говорили, что в течение всего советского периода наблюдалось отчетливое различие между евреями, переселившимися на восток, и евреями, которые остались на территории черты оседлости. В связи с уничтожением евреев в западных пограничных районах и с огромными потерями в восточных частях бывшей черты оседлости мы ожидали, что будет усиливаться тенденции еврейского населения к старению и постепенному вымиранию. Нацисты не считались ни с возрастом, ни с полом; те же, кто, по всей вероятности, могли спастись (здоровые, молодые мужчины и женщины), чаще всего мужчины, возможно, эмигрировали в послевоенный период или же остались на востоке страны и не вернулись в родные места. Это соображение, возможно, поможет осветить отрывочные данные, которые мы можем извлечь из опубликованных результатов переписи 1959 года в отношении возрастного состава современного еврейского населения Советского Союза.

Д. ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 1959 ГОДА О СМЕШАННЫХ БРАКАХ И ВОЗРАСТНОМ СОСТАВЕ

Эти данные распадаются на два вида: а) таблицы, указывающие на процент лиц различных национальностей, состоящих в браке, и б) некоторые данные об образовательном уровне. Следующие цифры освещают вопрос о смешанных браках. Евреев (от

16 лет и выше), состоявших в браке во время переписи, было (в процентах):

	Белоруссия	Молдавия	РСФСР	Украина
Мужчин	76,4	84,8	75,8	78,1
Женщин	56,9	63,6	51,1	55,6

Число евреев моложе 16 лет не указано.

Если предположить, что процент состоящих в браке евреев такой же, как и их сограждан, то из этого вытекает, что число состоящих в браке еврейских мужчин и женщин в этих республиках следующее (в тысячах):

	Мужчин	Женщин	Минимальное число евреев, женатых на нееврейках
Белоруссия	35,3	34,4	0,9
Молдавия	24,9	24,0	0,9
РСФСР	216,0	180,4	35,6
Украина	208,6	201,4	7,2

Следовательно, в РСФСР, по крайней мере, один мужчина еврей из семи имеет нееврейскую жену (и это соотношение было бы на таком низком уровне, только если бы каждая еврейская жена имела еврейского мужа). Если бы мы предположительно взяли отношение 2:1 для мужчин и женщин в смешанных браках,⁵ тогда около четверти всех евреев-мужчин в РСФСР оказались бы женатыми на нееврейках. В других рассматриваемых республиках число смешанных браков значительно меньше. По этому поводу мы можем привести данные советского исследования вопроса о смешанных браках (такие вещи встречаются крайне редко);⁶ в ходе исследования, касающегося смешанных браков в одном из районов Вильнюса (Вильно), обнаружилось, что в 1945—1964 гг. число браков, в которых муж является евреем, постоянно превосходило число браков, в которых еврейкой явля-

ется жена — та же самая ситуация, какая была в РСФСР в 1926 году; и что самое удивительное — соотношение здесь того же порядка: только около 80 процентов евреев-мужчин имели еврейских жен. Это в районе, где в составе населения мало евреев и оно, вероятно, состоит из новых иммигрантов; и было бы прометливо делать далеко идущие обобщения.

Однако если считать, что предыдущий анализ правильно отражает данные исследования и что действительно наблюдается небольшое число смешанных браков на территории прежней черты оседлости и большое число их в областях, куда началось переселение после 1917 года, то это, по-видимому, логический результат процесса, начавшегося в двадцатых годах, и говорит о том, что степень ассимиляции, автоматически вызванной смешанными браками, может быть более или менее стабильной (мы снова подчеркиваем, что мы говорим здесь о формальной, декументированной, официальной ассимиляции и что социальная ассимиляция может протекать иначе).

Из статистических данных в области образования можно косвенно выяснить количество детей: мы можем показать, что число еврейских детей в РСФСР значительно ниже, чем среди населения в целом (порядка 19 процентов еврейских детей моложе 16 лет при общем количестве около 30 процентов); отсюда очевидно, что процент взрослых соответственно выше. Это положение находит подтверждение в любопытной статистике браков. Например, в РСФСР в 1959 году процент женатых евреев-мужчин (от 16 лет) равнялся 76, а для населения в целом — 69. Тем не менее, в каждом возрасте вплоть до 60 лет процент женатых мужчин-евреев был ниже: например, в возрасте 25—29 лет в РСФСР было 66 процентов женатых евреев, среди всего населения — 80 процентов. В возрасте свыше 60 лет было относительно больше женатых евреев. Это неизбежно приводит к заключению, что средний возраст евреев-мужчин выше, чем мужчин среди всего населения; возможно, что тот вид "искажения", который мы обнаружили в переписях

1926 и 1939 гг., теперь действует в обратную сторону для более пожилого возраста (т. е. процент евреев до какого-то возраста от всего числа евреев меньше, чем процент всего населения в целом до этого же возраста, а выше этого возраста — картина обратная; этот "переломный" возраст сейчас порядка 50 лет). Но следует указать, что это — гипотеза, которая не может быть подкреплена доказательствами.

В итоге мы имеем на этой стадии следующую картину: имеющиеся у нас скудные сведения показывают, что еврейское население СССР на раннем этапе разделилось на две части, из которых одна обладает характерными особенностями иммигрантского населения, которое можно легко растворить в окружающей среде (много смешанных браков), в то время как другая группа, оставшаяся на прежней территории, была значительно более консервативна. Присоединение в 1939—40 гг. большого числа евреев к последней группе было почти немедленно сведено на нет войной; и уничтожение евреев на западе СССР сместило равновесие в пользу таких демографических характеристик, которые имели место в РСФСР.⁷

Е. ОБРАЗОВАНИЕ

Наиболее свежие сведения приводятся в таблицах А—Е (см. ниже). Они могут быть использованы и были использованы советскими пропагандистами для подтверждения отсутствия дискриминации евреев. На первый взгляд кажется, что эти данные действительно подтверждают это положение. Процент евреев в высших учебных заведениях значительно выше людей любой другой национальности Советского Союза.

Однако такая официальная концепция остается неудовлетворительной и не опровергает наличия дискриминации или процентной нормы. Для этого есть несколько причин.

Во-первых, в статистические данные включены все учебные заведения — от Московского университета до Томского политехнического института. Тот факт, что

большое число евреев получает высшее образование, не означает, что они могут поступать в любой университет по собственному выбору и на равных правах с абитуриентами других национальностей. Можно провести параллель с положением, существующим в Лондоне. Хорошо известно, что в некоторых знаменитых закрытых средних учебных заведениях действует строгая процентная норма для евреев. Однако, если бы мы располагали данными о числе детей, посещающих разные школы в Лондоне, можно было бы убедиться, что в процентном отношении их посещает больше еврейских детей, чем английских. Из этого ни в коей мере не следует, что ребенок мистера Смита и ребенок мистера Когана могут посещать одну и ту же школу в Лондоне. Ту же логику можно применить и к СССР.

Во-вторых, у еврейских детей наблюдается огромное стремление к высшему образованию. Это частично обусловлено высоким уровнем урбанизации (значительно больше детей городских имеют высшее образование, чем детей жителей деревень), но следует принять во внимание и их социальный состав. Нацисты уничтожили большую часть еврейского пролетариата, который был сконцентрирован на западе. Среди евреев преобладают служащие, адвокаты, учителя, врачи, инженеры и ученые или торговцы. К сожалению, невозможно получить данные о профессиональном составе русского еврейства. Единственные имеющиеся у нас данные будут приведены ниже, но они охватывают лишь небольшую часть общего контингента. Тем не менее они дают возможность понять, что благодаря роду их занятий в настоящее время и их эрудиции вообще значительно больше евреев, чем граждан других национальностей, стремятся получить высшее образование. Это явление может стать поводом к дискриминации. Некоторым официальным людям может прийти в голову, что неправильно, чтобы евреи в подавляющем большинстве не принадлежали к пролетариату. Другие, особенно в национальных республиках, заинтересованы в получении особых преимуществ в

области образования для их сравнительно отсталых народов. Это вполне может создать особые трудности для евреев, и статистические данные нашей таблицы не доказывают обратного.

В-третьих, статистические данные для ряда национальных территорий действительно говорят о том, что людям данной национальности всегда отдается предпочтение. Так, например, число студентов-узбеков, обучающихся с отрывом от производства, по отношению к общему числу студентов Узбекистана значительно превышает число еврейских студентов, обучающихся с отрывом от производства, относительно всех еврейских студентов в Узбекистане. Все поступающие в высшие учебные заведения хотят заниматься без отрыва от производства, и это наводит на мысль о дискриминации, хотя дискриминация представляется скорее проузбекской, чем антиеврейской. Поскольку в Узбекистане нет антисемитских традиций, это может показаться проявлением заботы по отношению к отсталой национальности в пределах их собственной республики. Однако, несмотря на то, что на протяжении тысячелетий евреи живут компактными общинами в этой республике, к ним, по-видимому, не относятся как к коренным жителям этой республики. На Украине также процент еврейских студентов, обучающихся с отрывом от производства, значительно ниже, чем процент украинцев, и, так как эта республика известна своим традиционным антисемитизмом, мы можем предположить, что это явление отражает настроение местных официальных лиц, от которых зависит прием в высшие учебные заведения.

Возникает также сравнение с довоенными цифрами, и читателям следует обратиться к таблицам Б и В (см. стр. 186 и 187). Общее число всех студентов кажется вполне "правдоподобным". Абсолютная цифра, правда, незначительно выше, но процент гораздо ниже, т. е. процент еврейских студентов сильно снизился за период с 1935 до 1965 года, общее же число всех студентов увеличилось. Но в эту таблицу (Б) включены студенты-заочники, которых мы вообще не

считаем студентами. Если учитывать только действительных студентов, то цифры, касающиеся евреев, показывают резкое снижение, примерно с 75 тысяч до 45 тысяч (до 1940 года заочного обучения почти не существовало). Не является ли это признаком дискриминации, тенденцией к уменьшению возможности получения высшего образования? Следует учесть, что изменение социального состава евреев должно было вызвать увеличенное стремление к высшему образованию.

Ответ не так ясен, как это могло показаться с первого взгляда. Можно очень приблизительно вывести из цифр, приведенных ранее, что после 1935 года было примерно 250 тысяч молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет (т. е. в студенческом возрасте), и из этой группы 30 процентов имели высшее образование — необычно высокий процент. В 1965 году не только общее число еврейского населения было значительно ниже уровня 1935 года, но по подробно рассмотренным выше причинам группа молодого возраста сравнительно невелика: где-то между 125 и 150 тысячами. Это может означать, что, несмотря на обратное впечатление, более высокий процент евреев обучался в высших учебных заведениях в 1965 году, чем в 1935 году. Однако стремление к высшему образованию повысилось, и мы можем быть уверены, что приблизительно 32 тысячи студентов-заочников евреев приложили все усилия, чтобы стать действительными студентами и что некоторые из них были лучше подготовлены, чем те, которых приняли. (Проблема поступления в университеты СССР, как и в Англии, усложняется тем, что увеличение числа абитуриентов значительно опережает увеличение числа мест в высших учебных заведениях).

В разные времена обстоятельства, конечно, менялись. В двадцатых и тридцатых годах, по-видимому, ничто не мешало евреям в получении образования. За последние четыре года жизни Сталина, во время кампании против "безродных космополитов", дискриминация в области образования стала очень заметной. Об

этом со смущением рассказывал одному из авторов данной статьи русский студент, который поступил в медицинский институт, а его товарища еврея, лучше подготовленного, не приняли. После смерти Сталина положение несколько улучшилось, но снова ухудшилось, когда Хрущев пытался провести реформу высшего образования, рассчитанную на предоставление особого предпочтения детям рабочих. Возможно, что после отстранения Хрущева условия снова несколько улучшились. Существуют также непонятные различия в составе студентов разных факультетов одного и того же университета. Так, по словам одного бывшего студента, большое число евреев изучает математику и физику, но лишь немногих принимают на гуманитарные факультеты.

Естественно, это лишь впечатления, которых нельзя подтвердить статистическими данными. Однако не следует удивляться, что при сложившемся отношении к евреям и большом конкурсе на ограниченное число мест в университетах евреи страдают из-за своей национальности, которую легко выяснить, так как в число документов, прилагаемых к заявлению о приеме, входит паспорт. Все коренные, основные национальные группы Советского Союза отдают предпочтение своей национальности при приеме в университеты на территории собственной национальной республики. По очевидным причинам это невозможно для евреев, кроме как в Биробиджане, где число их незначительно и возможности получения образования также крайне ограничены.

Служащие с высшим образованием

Самая большая группа евреев, о роде занятий которой имеются статистические данные, — это группа "специалистов в области народного хозяйства". Сюда входят все работающие с высшим образованием. Это не общее число всех окончивших высшие учебные заведения, так как некоторые ушли по возрасту на пенсию, другие (например, домашние хозяйки) вообще не

работают. Имсющиеся данные приведены в таблице (см. ниже). Число евреев с высшим образованием в общем количестве работников с высшим образованием значительно сократилось по сравнению с довоенной цифрой. Это является естественным следствием уменьшения процента евреев ввиду быстрого роста числа обучающихся в высших учебных заведениях. Однако есть много доказательств того, что процент окончивших учебные заведения по отношению ко всему еврейскому населению повышается и он значительно выше, чем до войны, хотя одной из причин этого было уничтожение нацистами многих групп менее образованных евреев в западных областях СССР. Число более 322 тысяч евреев с высшим образованием на ноябрь 1964 года, представляет собой удивительно большую часть общего числа еврейского населения, в состав которого входят старики и дети: около 13,5 процента. Достаточно сравнить его с соответствующим процентом русских, который в то время равнялся только 2,4. Некоторые поверхностные исследователи считают, что имеется какая-то неувязка в количествах еврейских служащих и еврейских студентов. Первых 7,1 процента, вторых же немногим более 2,5 процента. Эти исследователи, сопоставляя такие данные, по-видимому, полагают, что абсолютное число еврейских служащих с высшим образованием должно снижаться. Но данные статистики все же убеждают, что это далеко не так. Разница между этими двумя цифрами отражает большое число еврейских студентов в довоенные годы. За четыре года 1960—1964 процент работающих евреев с высшим образованием по отношению к общему количеству служащих с высшим образованием действительно несколько понизился, но абсолютные цифры выросли на 33 тысячи или на 11 процентов. Многие трудности, с которыми сталкиваются евреи в настоящее время в СССР, нельзя разрешить путем неправильных выводов из существующей статистики.

Научные работники

Это категория людей, работающих каждый в своей специальности в высших учебных заведениях, исследовательских институтах, в академиях наук и ее институтах и т. д. Так как почти все эти лица должны иметь высшее образование, то данные таблицы (см. ниже) частично совпадают с цифрами, приведенными в таблице о специалистах в народном хозяйстве.

Как показывает таблица, абсолютные цифры растут, и растут довольно быстро. За годы 1955—1964 они более чем удвоились. Однако вследствие того, что рост общего числа идет еще быстрее, доля евреев в общем числе научных работников уменьшается, особенно по сравнению с довоенным временем. Тем не менее роль евреев в этой области значительно превышает их процент в общем населении. Она даже заметнее, чем в случае «специалистов народного хозяйства». Так, на каждую тысячу евреев всех возрастных групп не менее 22,5 научных работников. Для русских эта цифра — четыре, для украинцев значительно меньше двух. Такая диспропорция настолько бросается в глаза, что неуклонное снижение числа евреев в быстро растущем числе научных работников не дает никаких оснований для критики.

Иногда утверждают, что большое число евреев среди научных работников отражает прошлое, когда доля еврейских студентов была велика, и из их рядов вышло много выдающихся специалистов. Если здесь имеется в виду то, что группа научных работников-евреев больше не будет пополняться, то это мнение опровергается данными таблицы. Совершенно другое дело, если речь идет о продвижении по службе. Лишь немногие евреи занимают должности директоров институтов или главных редакторов газет.

Можно легко составить длинный список имен, чтобы показать, как все еще велика роль евреев в различных областях знаний. Есть физики, технологи, экономисты и многие другие. Так, среди выдающихся экономистов, имеющих большие достижения, можно найти

такие имена, как Канторович, Лурье, Либерман, Финкельштейн, Каценеленбоген, Кронрод и многие другие. В прессе был опубликован список 110 деятелей всех областей науки — кандидатов на присуждение Ленинских премий, высшей награды в области науки и техники, в 1966 году. У 19 из них типичные еврейские имена.

Из этого, конечно, не следует, что каждый из них обязательно чувствует себя евреем или намерен придерживаться еврейских традиций. Известно, что у некоторых из них нееврейские жены; возможно, их дети в будущем будут записаны русскими. Это совершенно другой вопрос.

Другие "профессиональные" данные

На конец тридцатых годов существуют данные, опубликованные Зингером на идиш в Москве, а также приведенные С. Шварцем в его книге "Еврей и Советский Союз" (указан 1939 год, но может быть и 1937 год):

	Общее число работников данной профессии	Евреев	Процент евреев
	(В тысячах)		
Врачи	132	21	16
Работники искусства и театра	159	17	11
Инженеры, технологи, архитекторы	250	25	10
Работники культуры (журналисты, библиотекари и т. п.)	297	30	10
Персонал университетов и т. п.	80	7	9
Медсестры и т. п.	382	31	8
Бухгалтеры и счетоводы	1 617	125	8
Технический персонал	810	60	7
Учителя	969	46	5
Агрономы и специалисты сельского хозяйства	180	2	1

Итоговая цифра в 364 тысячи евреев, очевидно, эквивалентна сумме специалистов с высшим и без высшего образования, которая указана на стр. 189 на 1964 год и составляет 483 тысячи. Она отражает увеличение доли евреев в общем контингенте специалистов высшей и средней квалификации.

Единственные аналогичные данные за последние годы были опубликованы в "Совет уикли" (Лондон) за 4 июня 1966 года. По этим данным (на какое число эти данные — не указано), евреев-врачей 14,7 процента всех советских врачей, 8,5 процента всех писателей и журналистов, 10,4 процента судей и адвокатов, 7,7 процента всех артистов, музыкантов и художников. В СССР имеется около 365 тысяч врачей (так что евреев среди них должно быть 54 тысячи, что является показателем большого роста по сравнению с концом тридцатых годов. Но нет возможности сделать систематический анализ из-за отсутствия новейших данных.

В первые годы советской власти положение было иное. Читатель может обратиться к таблицам И, К, Л. Они показывают профессиональный состав, например, на Украине. Таблица, относящаяся к армии показывает, что, в то время как число рядовых примерно равнялось проценту евреев среди населения в целом — что нормально при обязательной военной службе, — число евреев было значительным среди высших военных чинов и особенно среди комиссаров. Однако утверждение, будто большинство комиссаров были евреи, явно не имеет основания, так как они составляли 9 процентов от общего числа. Можно не сомневаться, что сейчас число политруков-евреев чрезвычайно мало, но об этом, как и о многом другом нет данных.

Принадлежность к коммунистической партии сейчас не рассматривается с точки зрения национального состава. Это касается центральных изданий. Однако некоторые республики опубликовали такой анализ и уже приводились цифры относительно числа коммунистов-евреев в Узбекистане. Интересно, что среди

членов партии больше евреев (пропорционально населению), чем среди других национальностей Узбекской республики. Нет никаких оснований предполагать, что на Украине или в РСФСР такое же положение. Нет также основания утверждать, что евреев не принимают в партию по национальному признаку, и вполне вероятно, что число коммунистов-евреев либо пропорционально их числу в общем населении, либо пропорционально их числу в городском населении. (Евреи являются преимущественно городскими жителями, члены партии также). С начала войны наблюдается заметное снижение числа евреев в высших партийных органах, и очень немногие занимают посты в местных партийных организациях или аппарате центрального комитета. Черезвычайно редко можно встретить еврейскую фамилию в списках первых или вторых секретарей обкомов и райкомов. Мы пока не видели ни одного, но не можем утверждать, что читали все фамилии. Последним евреем в Политбюро был Каганович, и его сняли в 1957 году. Имеется приблизительно 300 членов ЦК партии, включая кандидатов. Точно известно, что один из них, Дымшиц, еврей, что составляет 0,3 процента. В 1939 году членов ЦК вместе с кандидатами было 139, а евреев среди них было тогда 15 или 10,8 процента. И это было после большой чистки, когда многие выдающиеся деятели партии еврейского происхождения были убиты или арестованы.

По-видимому, многие партийцы-евреи либо занимают второстепенное политическое положение, либо, если они вообще занимают какое-то положение, оно выходит, очевидно, за пределы строго партийной деятельности.

Такое же положение и в Верховном Совете. В 1962 году вышел иллюстрированный справочник Верховного Совета, который включал краткие биографии и фотографии всех депутатов с указанием национальности. В составе Совета Союза и Совета Национальностей — двух палат Верховного Совета — было 1.443 депутата, из них пять евреев, т. е. 0,35 процента

от общего числа депутатов — значительно ниже процента евреев в общем населении. Из них один был представителем Еврейской автономной области, т. е. Биробиджана, четверо других представителей этой области, входивших в Совет Национальностей, были русские и украинцы, что абсолютно правильно, так как евреи составляют меньшинство населения этой области. В 1966 году был избран новый состав Верховного Совета, и создается впечатление, что число депутатов-евреев осталось прежнее — пять человек. Общее число депутатов сейчас 1517, так что процент евреев снизился даже до 0,3. Конечно, если бы во время выдвижения или выборов депутатов все члены партии или все население имели собственное мнение, это мизерное число депутатов можно было бы считать проявлением народного антисемитизма. Народ мог бы просто не желать избрания евреев. Но на деле это совершенно не так. Депутаты Верховного Совета "избираются" после обсуждения их кандидатур на высшем партийном уровне, и никогда не бывает несколько кандидатов на одно место. Процент евреев установлен заранее, так же как и процент крестьян, рабочих, писателей, генералов, армян, татар или сталеваров. Конечно, предпочтение отдается, особенно при отборе в Совет Национальностей, представителям национальностей различных республик и областей. Здесь снова евреи оказываются в невыгодном положении из-за отсутствия собственной территории, хотя один депутат все же представляет евреев Биробиджана, если можно сказать, что он их представляет. Тем не менее, можно было бы ожидать выдвижения нескольких кандидатов-евреев от таких центров культуры и науки, как Москва и Ленинград, где имеется много евреев, играющих важную роль в жизни городов. Фактически нет ни одного депутата-еврея в Верховном Совете от Ленинграда или Москвы, от избирательных округов Украины, Белоруссии, Литвы или Молдавии.

Точно такую же картину можно увидеть в таблице, недавно опубликованной в Советском Союзе и воспроизведенной в "Джуиш джурнэл оф соснолоджи".

Цифры даны на 1959 год для республик, в которых евреи составляют заметную часть населения (0,7 процента и выше).

	Общее число депутатов	Из них евреев	% евреев среди евреев	% евреев среди населения
РСФСР	835	1	0,12	0,70
Украина	457	1	0,22	2,0
Белоруссия	407	2	0,45	1,90
Узбекистан	444	2	0,44	1,20
Литва	209	3	1,44	0,90
Молдавия	281	0	0	3,30
Грузия	368	0	0	1,30
Латвия	200	0	0	1,70
Азербайджан	325	1	0,31	1,09

За одним сравнительно небольшим исключением число депутатов-евреев в этих советах значительно ниже процента евреев в общем населении соответствующих республик.

Полное отсутствие евреев в дипломатической службе и внешней торговле (что часто отмечалось комментаторами) особенно удивительно, если вспомнить, какую видную роль они играли именно в этих областях в первые двадцать лет советской власти. Можно возразить, что большого числа евреев нет и в министерстве иностранных дел Англии или во Франции на Ке-д'Орсе.

Но уместно будет указать, что большинство английских евреев прибыло в эту страну сравнительно недавно, и почти у всех родители или бабушки и дедушки родились не в Англии. Большей частью они родились в Российской империи, так же как и родители и предки подавляющего большинства русских евреев. Во всяком случае, от советского министерства иностранных дел нельзя ожидать выбора дипломатов по принципам Запада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного ясно, что число евреев, занимающих выдающееся место в науке, многих областях искусства, журналистике, медицине, а также в ряде областей техники и культуры непропорционально велико по сравнению с численностью еврейского населения. Среди них значительно больше образованных людей, чем среди русских или среди других национальностей СССР. Однако их число начало и продолжает снижаться. Это можно объяснить прежде всего относительно большим развитием других национальностей, а не уменьшением числа евреев, работающих в данных областях, хотя с середины тридцатых годов наблюдается заметное уменьшение числа студентов с отрывом от производства, объясняемое, быть может, резким сокращением относительного числа еврейской молодежи. А вот в области политики и дипломатии евреи уже практически вообще не работают. Различные формы дискриминации, несомненно, усложняют деятельность евреев во многих областях, но ее наличие нельзя доказать официальными статистическими данными, которыми мы располагаем. Попытка использовать имеющиеся данные для этой цели подверглась бы заслуженной и уничтожающей критике.

Структура еврейского населения склоняется в сторону высшего образования, но возрастной состав евреев показывает, что число лиц с высшим образованием должно статистически уменьшаться, независимо от тенденции роста (или отсутствия) еврейского национального самосознания среди тех, кого советские чиновники именуют "гражданами еврейской национальности".

Таблица А

Студенты высших учебных заведений, 1960—1961,
включая студентов-заочников

	Общее число студентов	Из них евреев	% евреев в числе студентов	% евреев в общем населении	% евреев среди го- родского населения
РСФСР	1.496.097	46.555	3,1	0,7	1,3
Украина	417.748	18.673	4,4	2,0	4,2
Белоруссия	59.296	3.020	5,1	1,9	5,8
Узбекистан	101.271	2.902	2,9	1,2	3,3
Казахстан	77.135	837	1,1	0,3	0,6
Грузия	56.322	910	1,6	1,3	2,6
Азербайджан	36.017	906	2,5	1,1	2,2
Литва	26.713	413	1,6	0,9	2,3
Молдавия	19.217	1.225	6,4	3,3	13,8
Латвия	21.568	800	3,7	1,7	3,1
Киргизия	17.379	263	1,6	0,4	1,1
Таджикистан	19.519	391	2,0	0,6	1,9
Армения	20.165	52	0,2	0,06	0,1
Туркмения	13.151	104	0,8	0,3	0,6
Эстония	13.507	126	0,9	0,5	0,8
СССР, итого	2.395.545	77.177	3,2	1,1	2,2

Источник: "Высшее образование в СССР".

Таблица Б

Общее число студентов СССР,
включая вечерников и заочников (в тысячах)

	1928—29	1935	1960—61	1962—63	1963—64	1965—66	1970—71
Всего	162,8	563,5	2395,5	2943,7	3260,7	3860,5	4580,6
в том числе:							
русские	95,0	306,5	1479,5	1803,8	1987,9	2362,0	2729,0
украинцы	16,4	80,6	343,6	426,9	476,4	588,6	621,2
евреи	23,4	74,9	77,2	79,3	82,6	94,6	105,8
% евреев	14,4	13,3	3,2	2,7	2,5	2,45	2,2

Источники:

1928—29, "Национальная политика ВКП(б) в цифрах"

1935, "Социалистическое строительство" (1936)

Послевоенные цифры: "Народное хозяйство" за
1963, 1965, 1970.

Таблица В

Общее число студентов,
за исключением заочников (в тысячах)

	1928—29	1935	1963—64
Общее число	162,8	563,5	1400,4
в том числе:			
русские	95,0	306,5	870,5
украинцы	16,4	80,6	168,8
евреи	23,4	74,9	45,0
% евреев	14,4	13,3	3,2

Источники: см. выше. Цифры для евреев в 1963—64 г.
основаны на данных за 1960—61 год.

Таблица Г

Студенты средних технических учебных заведений
— среднеспециальное образование (в тысячах)

	1962—63	1963—64	1965—66	1970—71
Всего	2667,7	2982,8	3659,3	4388,0
в том числе				
евреи	47,2	51,3	52,0	40,0
% евреев	1,77	1,72	1,42	0,9

Источник: "Народное хозяйство" за 1963, 1964,
1965, 1970.

Таблица Д

Студенты дневных, вечерних и заочных отделений
в некоторых республиках, 1960—61

(в процентах от всего населения
данной национальности)

	Дневных	Вечерних	Заочных
РСФСР, общее число	46,7	11,2	42,1
русские	46,9	11,8	41,3
евреи	46,4	12,9	40,6
Украина, общее число	47,6	10,5	41,9
русские	48,6	13,1	38,2
украинцы	47,6	8,8	43,7
евреи	37,8	18,9	43,2
Узбекистан, общее число	50,7	6,9	42,4
русские	40,5	12,2	47,3
узбеки	58,1	4,6	37,3
евреи	42,9	10,7	46,4
Молдавия, общее число	54,2	2,6	43,2
русские	48,8	4,7	46,5
молдаване	61,9	1,0	37,1
евреи	47,5	8,3	45,0

Источник: "Высшее образование в СССР".

Таблица Е-1

Специалисты с высшим образованием
в народном хозяйстве

	1941 (янв.)	1957 (дек.)	1960 (дек.)	1962 (дек.)	1964 (ноябрь)
Всего	909,000	2,805.000	3.545.234	4.409.700	4.547.600
в том числе:					
русские	493.900	1.627.200	2.070.333	2.376.800	2.679.900
украинцы	128.800	401.000	517.729	595.700	667.200
евреи	154.000	260.900	290.707	310.600	322.700
% евреев	17,0	9,3	8,2	7,1	7,1

Источники: "Высшее образование в СССР", 1961, стр. 70—71; "Народное хозяйство", 1963 и 1964 гг. Общее число евреев за 1941 год является итогом приблизительного подсчета "по остаткам" (за последующие годы данных нет).

Таблица Е-2

Специалисты без высшего образования
(в тысячах)

Всего	1957	1964
в т. ч. евреи	4016,1	6702,1
% евреев	108,0	159,7
	2,7	2,4

Источник: "Народное хозяйство", 1965.

Таблица Ж

Научные работники

	1955	1958	1959	1960	1961	1963	1964	1965	1970
Все									
национальности	223.893	264.038	310.022	354.158	404.126	565.958	611.964	664.584	927.709
из них:									
русские	144.285	182.567	199.987	229.547	263.838	373.498	404.170	440.976	611.883
украинцы	21.762	27.803	30.252	35.426	40.950	59.221	65.094	70.797	100,215
евреи	24.620	28.966	30.633	33.529	36.173	48.012	50.915	53.067	64.392
% евреев	11,0	10,2	9,8	9,5	8,9	8,5	8,3	8,0	7,0

Источники: "Культурное строительство СССР", 1957
 "Народное хозяйство СССР", 1962
 "Народное хозяйство", 1963, 1964 и 1970

Таблица 3

Работники умственного труда на тысячу человек
данной национальности, 1963—1964 гг.

	Студенты* (высшее обр.)	Специалисты	
		народного хозяйства	Научные работники
Русские	15,9	21,4	3,2
Украинцы	11,6	16,3	1,6
Грузины	21,7	36,8	4,2
Евреи	34,4	134,5	21,2
В среднем по СССР	14,4	20,0	2,7

* Включая студентов-заочников. Подсчитано по выше-
приведенным таблицам.

Таблица И

Евреи на Украине, 1929

% от всего числа работников данной профессии:

сельскохозяйственные рабочие	1,06
производственные рабочие	7,89
ремесленники	38,42
железнодорожники	1,1

% евреев от всего числа членов

профсоюзов	24,7
в т. ч.: швейников	66,8
полиграфистов	42,2
кожевников	48,0
медработников	26,7
деревообделочников	29,3
работников искусства	37,2
шахтеров	0,9
железнодорожников	0,8

Таблица К

Евреи в армии СССР, 1929 (в процентах)

Все звания	2,09
в том числе:	
рядовые	1,78
политработники	8,62
административный аппарат	3,44
офицеры	4,28
старшие офицеры	3,44

(% евреев среди всего населения 1,7)

Таблица Л

Члены коммунистической партии (1929 г.) СССР
(в тысячах)

	Члены	Кандидаты
Общее число	720,2	341,6
в т. ч. евреи	34,4	10,9
% евреев	4,8	3,2

Источник всех цифр за 1929 г.: Национальная политика ВКП(б) в цифрах, 1930 г.

To "Demographic Trends and Occupational Patterns", to be added to p. 38 of Russian typescript after the conclusion.

Еврейское население в СССР уменьшилось в период между переписями 1959 и 1970 гг. с 2.268 тысяч до 2.151 тысячи (на 5,2 процента) на фоне общего роста населения на 15,7 процента. Миграции в этот период были незначительными. Территориальное расселение евреев изменилось следующим образом (в тысячах):

	1959 г.	1970 г.	Изменения в %
РСФСР	875	808	— 7,7
Украина	840	777	— 7,5
Литва	25	24	— 4,0
Эстония	5,4	5,3	— 1,9
Белоруссия	150	148	— 1,3
Латвия	37	37	нет
Молдания	95	98	+ 3,2
Грузия	52	55	+ 5,8
Узбекистан	95	103	+ 8,4
Все остальные республики	94	96	+ 2,1

Эти изменения процентных соотношений достаточно точно соответствуют имевшимся ранее данным о возрастном расселении евреев в различных частях СССР. Следует заметить, что наибольший рост наблюдается в тех местах (Грузия и Узбекистан), где значительная часть еврейского населения является коренной, а не иммигрантами из еврейской России. Но и здесь рост невелик по сравнению с ростом основной народности республики: грузины — 20 процентов, узбеки — 53 процента.

По вопросу РОДНОГО ЯЗЫКА: число евреев с "еврейским" родным языком (для большинства это идиш, но сюда в 1959 году входило и около 100 тысяч восточных евреев) упало с 21,5 процента до 17,7 процента, т. е. с 488 тысяч до 381 тысячи человек. Это уменьшение на 107 тысяч близко, хотя несколько меньше общего снижения численности еврейского населения (на 117 тысяч). Это можно объяснить предположением, что "еврейский" является родным языком некоторых еврейских детей, родившихся в период между переписями, и что среди умерших преобладали говорившие "по-еврейски" (т. е. на идиш, а не на русском, на котором чаще всего говорили более молодые). Мы можем обратиться к аналогии у других национальных групп, также уменьшившихся между 1959 и 1970 гг. как в плане национальном, так и линг-

вистическом. Число поляков упало с 1380 тысяч до 1167 тысяч (на 213 тысяч), а число говорящих по-польски — с 624 тысяч до 379 тысяч (на 245 тысяч). Соответственные цифры для карелов были 21 тысяча для национальности и 27 тысяч для языка. Для финнов они составили снижение на 8 тысяч для национальности и 12 тысяч для языка. Каждая из этих групп сильно подвержена ассимиляции. Но в каждой из них в 1959 году примерно половина говорила на своем национальном языке, в то время как на "еврейском" языке говорил лишь примерно один еврей из пяти. В каждом из этих трех случаев уменьшение общего числа значительно превосходит объяснимое естественными причинами. Отсюда возникает предположение, что люди меняли национальность и родной язык. Это ни в коем случае не является обязательным объяснением цифр, касающихся евреев.

Следует разобрать вопрос смертности и замены. Для советского населения в целом процент лиц, зарегистрированных переписью 1959 года и доживших до 1970 года, составил немного более 91. Таким образом, примерно 50 миллионов были в возрасте 10 лет и ниже и 191,7 миллиона — в возрасте 11 и выше. Если предположить, что возрастная структура и смертность советских евреев были такими же, как и у всего населения в целом, цифра в 2151 тысяча евреев в 1970 году должна была включить примерно 2082 тысячи человек в возрасте 11 лет и старше и только 69 тысяч детей моложе 11 лет. Это означало бы отношение 1:33 по сравнению с отношением 1:4 у населения в целом. Приходится заключить — даже с учетом смешанных браков, — что это расхождение слишком велико и что возрастная структура советских евреев за этот период резко вытянулась вверх. Если предположить, что она вытянулась за счет ВДВОЕ большей смертности против нормальной (что приводит к невероятным предположениям в отношении возрастной структуры), мы получили бы 82 процента выживших евреев. Это дало бы в 1970 году примерно 1860 тысяч евреев в возрасте 11 лет и старше и около 300 ты-

сяч детей моложе 11 лет: это отношение 1:6 значительно ниже среднего по стране.

Действительное положение должно быть где-то между указанными крайностями (хотя имеющиеся данные не дают возможности определить его точно): а именно, что еврейское население Советского Союза старше всего населения и что оно не дает достаточного числа детей для своего сохранения. В какой мере это положение является результатом ассимиляции, определить нельзя. Но можно сказать с уверенностью, что даже умеренная эмиграция из СССР приведет к быстрому уменьшению числа евреев в Советском Союзе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как и во всех странах, в СССР принято регистрировать родившихся детей, а здесь одновременно регистрируют их национальность, причем в случае смешанного брака ребенку присваивается национальность матери. Следовательно, анализ статистических данных (только за двадцатые годы) о коэффициентах рождаемости и смертности для определенных национальных групп не совсем точен для коэффициента смертности. При регистрации рождения участвуют три лица (отец, мать и ребенок) и, если родители не указывают, что они все трое принадлежат к одной и той же группе, трудно определить, о каком коэффициенте рождаемости идет речь. Если дети от смешанных браков не учитываются при определении коэффициента рождаемости и национальной группы отца или матери, то это снижает коэффициент той или другой группы. Если, например, в каком-то месте живут 10 тысяч молодых пар и у 400 из них (в каждом случае муж и жена евреи) родились дети, и в то же время еще у 100 пар (скажем, в 50 случаях муж — еврей, жена — русская, и в остальных 50 случаях муж — русский, жена — еврейка) тоже родились дети, то будет по переписи 400 еврейских детей, хотя по записям местных загсов будет числиться 450 родившихся еврейских детей.

2. Подсчет за 1923 год относится к началу года; подсчет за 1926 год — к декабрю 1926 года. Считая, что в каждой республике рост населения происходит параллельно увеличению с 2.431.000 до 2.601.000, т. е. примерно на 7 процентов, мы имели бы на 1926 год: Украина — 1.587 тысяч; Белоруссия — 453 тысячи; РСФСР — 561 тысяча. Разница между этой цифрой 561 тысяча и наблюдаемой 620 тысяч указывает на передвижение к востоку страны по меньшей мере 60 тысяч, в подавляющем большинстве из Белоруссии. Szyia Bronstein "Ludnosc zydzowska w Polsce w okresie miedzywojennym", Wroclaw, 1963.

3. Авторы благодарят г-на Р. Дженкинса из университета Глазго за эту справку. Цифры за 1939 год являются приблизительными подсчетами.

4. Однако в этнографическом атласе 1964 года указывается наличие евреев в обеих областях.

5. Такое соотношение существует, например, в Австралии (см. "Еврейский социологический журнал", июнь, 1966, таблицы на стр. 115—116).

6. "Советская этнография", 1966, № 3, стр. 109—138.

7. Последние имеющиеся данные указывают на рост еврейского населения в СССР (только европейских евреев) с 2 186 100 человек в 1959 году до 2 300 000 человек в 1962 году (на первое января). Если бы мы были уверены, что последняя цифра означает "между 2 295 000 и 2 305 000", то мы могли бы установить процент роста в 5,2 за три года — выше, чем процент роста для русских. Но нет уверенности в том, что именно означает такая округленная цифра. (Атлас народов мира, М., 1964, стр. 158).

ЛИТЕРАТУРА НА ИДИШ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

I

Литература на идиш занимает центральное положение в ограниченных рамках еврейской культуры после революции в Советской России.

До этого времени еврейская культурная жизнь — религиозная и светская — была чрезвычайно разнообразной, развиваясь в основном на трех языках: иврите, идиш и русском. Однако из всех проявлений еврейской культуры только идиш и светская литература на нем получили как в теории, так и на практике право на существование при новом строе. Корни этих ограничений следует искать во внутреннем развитии еврейского общества до Октября, когда были заложены основы политического положения, в котором евреи оказались после октября 1917 года.

Современная литература на восточно-европейском языке идиш начала развиваться в конце XVIII столетия. Развитие шло с головокружительной быстротой. Приобретая в начале XIX в. главным образом характер просветительной дидактической литературы, она к началу первой мировой войны стала современной и высокохудожественной. Процесс сопровождался постоянным стремлением определить назначение этой литературы, ее место и цель в сложной системе современной идеологии.

Представители течения Гаскала (Просвещение — иврит) среди евреев Восточной Европы XIX века, писавшие на идиш, рассматривали свою литературную деятельность на этом языке как полезное, но временное орудие, единственное назначение которого — донести писательскую мысль до простых людей, не владеющих никаким другим языком. Они полагали, что идеальными средствами интеллектуального и художественного выражения, выходящими за пределы

неотложных нужд времени, обладают только иврит и языки тех стран, в которых они жили. Еврейская интеллигенция, которая к концу столетия склонялась к революционному движению в Восточной Европе, унаследовала от просветителей веру в необходимость и важность языка идиш как средства распространения знаний и пропаганды идеологии рабочего движения. Но литература на идиш в своем развитии вырвалась из узких рамок, предначертанных ей ранее. Она превзошла все ожидания маскилим (просветителей) и ранних идеологов рабочего движения. Менделе-Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем и И. Л. Перец начали свою литературную деятельность на идиш с твердых позиций Гаскалы. Однако к концу XIX века в сознании этих авторов и многих их современников литература на идиш приобрела такое значение, что превратилась в самостоятельное национально-художественное средство выражения.

Руководители различных еврейских движений в Восточной Европе накануне первой мировой войны не признавали очевидности этого факта. Ассимилированные евреи пренебрежительно относились к идиш и литературе на нем и пророчили им скорое исчезновение. Представители сионистского движения видели в возрождении иврита неотъемлемую часть подготовки к возвращению евреев на свою родину, в Палестину. Сионисты опасались, что признание идиш национальным языком может помешать делу возрождения иврита. Поэтому они не только не считали идиш и литературу на нем полноправным национальным достоянием, но открыто выступали против них. Таким образом, возникла ситуация, когда только нессионистская часть еврейского рабочего движения, особенно Бунд, полностью признавали идиш и литературу на нем. В программе этого движения, сформировавшегося в конце XIX — начале XX в., языку и литературе на идиш отводилось весьма почетное место. Для этой части еврейского рабочего движения идиш стал культурной основой и опорой национальных чаяний.

Напряженность по отношению к языку идиш и

литературе на нем в этих идеологических и политических условиях стала наибольшей перед началом первой мировой войны. В 1908 году в Черновцах на конференции, посвященной проблемам языка идиш, была предпринята энергичная попытка провозгласить идиш единственным национальным языком евреев. Боровшиеся за эту крайнюю меру принадлежали к несионистскому еврейскому рабочему движению. Резолюцию предложила Эстер Фрумкина, лидер Бунда (после революции она примкнула к большевикам).

Требование сделать идиш единственным языком еврейской культуры имело далеко идущие последствия еще до революции. Еврейское рабочее движение, атеистическое по своей сути, принципиально отвергало еврейскую религию. Его сторонники включали в понятие религии все культурное наследие, существовавшее в основном на иврите. Для них иврит означал клерикализм, с одной стороны, и "националистический", "шовинистический" сионизм, с другой. Таким образом, новейшая светская литература на иврите в глазах крайних идишистов не имела права на существование. Усиленно сопротивляясь руссификации, еврейское рабочее движение практически отвергало также и русский язык как средство выражения для еврейских писателей.¹

Нетерпимость идеологов несионистского рабочего движения к различным проявлениям литературной деятельности и культуры еврейского народа определила положение литературы на идиш и повлияла на предъявленные к ней требования в решающий период ее становления и развития еще до 1914 г.

Газеты и другие периодические издания, принадлежавшие или примыкавшие по своим настроениям к рабочим партиям Восточной Европы, Соединенных Штатов и Англии, находились под идеологическим контролем лидеров этих партий. Именно они обычно решали, кого из современных авторов стоит публиковать. Немалое число критиков, сотрудничавших в многочисленных периодических изданиях на идиш, считали своей обязанностью определять, насколько лите-

ратура соответствует их идеологии. Они приняли в качестве основного критерия оценки литературных произведений способность народных масс воспринять их; для них "массы" были единственными законными ценителями и судьями.

После 1905 года многих молодых писателей Восточной Европы и Америки, писавших на идиш, привлек символизм (группа "Ди юнге" — "Молодые" в Нью-Йорке). Эти писатели столкнулись с энергичной оппозицией и суровой критикой тех самых блюстителей литературы, которые провозглашали исключительную роль языка идиш в еврейской культурной жизни. В то время в литературе на идиш преобладали следующие модернистские элементы: идеологическая усталость, скептицизм по отношению к существующим методам решения социальных и национальных проблем, индивидуализм, растерянность, мистицизм, лозунг "искусство для искусства", изысканность выражений, демонстративное безразличие к способности "массового читателя" понять написанное. Все это вызывало враждебную реакцию со стороны ведущих критиков. Очень резкие статьи о новых течениях в литературе на идиш публиковались в партийных и околопартийных журналах в Восточной Европе и Америке.²

Атмосферу тех лет, вероятно, можно представить на примере отношений между И. Л. Перецом — общепризнанным мастером и центральной фигурой литературы на идиш, уважаемым учителем и вождем молодых литераторов — и теми, кто еще до 1914 года делал попытки упрощенного подхода к родной литературе в соответствии со своими политическими и социальными взглядами. Перец очень боялся угрозы прямолинейности и нетерпимости в литературе, искусстве и вообще в интеллектуальной жизни после победы революционеров, которых он хорошо знал.

Еще в начале 1906 года эти опасения ярко выразились в его пророческой статье "Гофнунг ун шрек" ("Надежда и тревога"). Перец с сочувствием относился к еврейскому рабочему движению и поддерживал его среди читателей на идиш в собственных сочине-

ниях и в издаваемых им в 90-х годах XIX в. сборниках. Но теперь он чувствовал, что пришло время высказать тревогу за будущее интеллектуальной жизни после революции. К 1912 году ситуация достигла такого накала, что он жаловался на невозможность опубликовать окончательный вариант пьесы "Ночью на старом рынке". В то время она была для него наиболее важным произведением: в ней он подводил итоги своего творческого пути. В одной сцене Перец восклицает: "В синагогу!" Упрощенное восприятие этого зова, вырвавшегося из недр души, подогрело страсти многих "прогрессивных" идеологов, которые и без того резко критиковали символический характер драмы. Поселившись потом в Варшаве — важнейший центр литературы на идиш перед первой мировой войной, — Перец оказался в одиночестве. Его литературные противники отвернулись от него и подвергли его остракизму. Перец прямо говорил об этом в статье "А викуах" ("Спор"). В этом воображаемом споре писатель еще убеждает своих критиков в необходимости обновить еврейскую культуру на основе еврейской традиции в самом широком смысле слова, полностью отрицая дешевый и поверхностный атеизм. Перец сурово критикует недостаток понимания и чрезмерную самоуверенность тех, кто поддерживает утвердившуюся "прогрессивную" идеологию.³

Писатели-модернисты на языке идиш были скептики, и они хорошо понимали всю сложность национальных проблем народа. Против них выступали высокомерные литераторы и критики из еврейского рабочего движения, особенно в то время, когда это движение было главным оплотом языка и литературы на идиш. Отношения между двумя группами становились все более напряженными. До революции политическая и социальная обстановка была такая, что заинтересованные в контроле над литературой на идиш и в ее направлении не имели реальной власти проводить свои идеи. Революция и установившийся после нее режим создали условия для осуществления их принципов в области культуры и литературы на идиш. Бывшие

лидеры еврейского рабочего движения, распустившие свои партии и присоединившиеся к большевикам, контролировали учреждения, созданные новым режимом для еврейского населения. Они принесли туда свои дореволюционные взгляды на развитие еврейской культуры. Теперь, облеченные властью, они получили возможность ограничить еврейскую культуру только рамками идиш и светской литературы на нем. Новые власти охотно поверили им, что только с помощью идиш возможна советизация "народных масс". Культура на иврите, говорили они, — это культура "реакционного клерикализма" и сионизма. Они утверждали, что пропаганда на иврите все равно не может оказать сколько-нибудь существенного влияния. Этот довод был принят правительственными кругами еще в первые годы революции. Так были закреплены пути развития культуры на языке идиш в Советском Союзе. Открыли школы с обучением на идиш, театры, основали издательства и прессу на идиш. Все это проводилось при преднамеренном и безжалостном подавлении всех других проявлений еврейской культуры и просвещения, особенно религиозного образования и распространения языка иврит.

Литература на идиш должна была влиться в общую культурную систему и этим доказать свою пользу и влияние. Пресные требования, сформулированные прмькающими к еврейскому рабочему движению критиками, получили поддержку властей, так как отвечали поставленной большевиками задаче советизации литератур всех населяющих страну народов. В литературе видели средство воспитания масс и распространения большевистской идеологии. Принципы, провозглашенные некоторыми еврейскими общественными движениями еще до революции, совпадали со стремлениями нового режима.

Справедливости ради следует добавить и даже подчеркнуть, что в свете предоставленных советским народностям прав, к евреям отнеслись весьма великодушно. Формально большевики признавали только национально-территориальную автономию, у евреев же,

как известно, своей территории в Советском Союзе не было. Но практические задачи того времени и пропагандистские цели подсказали необходимость отступить от норм, принятых в этом вопросе большевиками после революции.

Работникам еврейской культуры было известно это противоречие, и этим можно отчасти объяснить интерес многих из них к образованию сплошных еврейских поселений внутри страны. Они считали, что успех этого начинания приведет еврейскую культуру в соответствии с принципами правящей идеологии и поставит ее вне тактических соображений и нужд момента. Мы не станем здесь выяснять причины неудач в создании таких поселений, но из-за провала этих планов⁴ условия развития еврейской культуры с уже принятыми в самом начале ограничениями отличались от условий, предоставленных советской властью другим национальностям, имевшим свою территорию в Советском Союзе. Самое существование этой культуры опиралось на весьма шаткое основание. Оно целиком зависело от того, насколько в нем нуждалось правительство для проведения внутренней, а иногда и внешней политики. Любые изменения в политике или общественных условиях могли повлечь недоброжелательное отношение властей к еврейской культуре на идиш и вызвать сомнение в ее пользе и лояльности. Постоянная опасность еще больших ограничений, постепенной и даже полной ликвидации нависла над еврейской культурой из-за отсутствия национальной территории. Это всегда сказывалось особенно в периоды политических потрясений в Советском Союзе. Право на существование культуры на идиш могло быть обеспечено только ее быстрой перестройкой в угоду всем изменениям в общей политике и постоянно изменяющимся требованиям партии, которые формулировались теми, кто декларировал цели советской литературы. Но непрерывные усилия обрести эту гибкую приспособляемость не помогли и даже не предотвратили уничтожения еврейской культуры в 1948 году и убийства ее наиболее видных деятелей 12 августа 1952 года.

II

Определить начало литературы на идиш в Советском Союзе — задача не такая легкая, как может показаться на первый взгляд. Периодизация этой литературы находится в прямой зависимости от границ государства, установленных после революции.⁵ В действительности же такая формальная периодизация упускает многие существенные проблемы и противоречия, которые становятся очевидными даже при поверхностном библиографическом обзоре произведений на идиш, опубликованных сразу после Октября 1917 года и в первые годы после революции.

Ко времени установления нового режима было уже много писателей, писавших на идиш и достигших творческой зрелости еще до революции. Многие произведения, написанные ими до 1917 года были опубликованы только при советской власти. Немало писателей, издававших свои произведения в Советском Союзе к началу 20-х годов, вскоре эмигрировали: некоторые навсегда, а кое-кто вернулся в конце 20-х — начале 30-х годов. Извилистый путь писателей в эти определяющие десятилетия, их идеологическая и художественная борьба — вот что ставит основополагающую проблему, а не установление формальных периодов литературы, поскольку чисто хронологический подход к этому вопросу был бы ошибкой, так как часто игнорировал бы возникавшие трудности.

В 1918—1920 годах в Киеве вышел сборник произведений литераторов, пишущих на идиш, под названием "Эйгнс" ("Свое"). Все в этих сборниках содержательно говорит о поисках и сомнениях литературы на идиш в Советском Союзе в начале ее существования. Общеизвестно, что эти сборники были самым выдающимся литературным явлением в первые после-революционные и, возможно, 20-е годы. Писатели "киевской группы" выразили себя в них достаточно полно и, что еще важнее, в наиболее характерных произведениях. Многие из них впоследствии заняли видное место в советской литературе на идиш. К сожалению, они же стали главными жертвами чисток и

убийств, обрушившихся на литературу на идиш в конце 40-х — начале 50-х годов.

В "Эйгнс" были опубликованы прозаические произведения Давида Бергельсона, Дер Нистера и А. Кацизне. Кацизне уехал из Советского Союза вскоре после этого и между двумя мировыми войнами жил и работал в Польше. Одна из двух повестей Д. Бергельсона, помещенных в сборнике, по его словам, была уже написана в 1911—12 годах, вторая была окончена в 1919 году.⁶

В то время импрессионизм Бергельсона не оказал существенного влияния ни в идейно-тематическом, ни в художественном отношении на литературу на идиш, лишь впоследствии влияние стиля Бергельсона на позднюю прозу на идиш стало весьма заметным. В дальнейшем его повести не переиздавались, даже когда Бергельсон уже стал признанным советским писателем и многие его книги выходили в СССР. Такова же судьба рассказов Дер Нистера, написанных в духе символизма. Индивидуальный стиль Нистера сложился уже в 1913 году. Как Бергельсон, так и Нистер, уехали из Советского Союза в начале 20-х годов, писали и печатались за границей. Бергельсон вернулся в СССР в 1933, а Нистер — в 1926 году. Их произведения, вошедшие в "Эйгнс", и многое, написанное ими за границей, нельзя отнести к советской литературе на идиш даже по чисто формальным признакам.

Драматургия была представлена в "Эйгнс" пьесой Бейнуша Штеймана, очень талантливого молодого писателя, погибшего от шальной пули на киевской улице в 1919 году в возрасте двадцати четырех лет. Несколько модернистских драм, оставшихся после его гибели, характерны переплетением еврейской апокалиптической традиции с революционной современностью. Очевидно, из-за этой еврейской традиции имя Штеймана совершенно забыто в СССР и остается белым пятном в истории литературы на идиш в Советском Союзе.⁷

Сложнее охарактеризовать поэзию, помещенную в сборниках "Эйгнс". Предпочтение поэзии прозе в

сборниках совершенно очевидно. Эта черта была общей для литературы на идиш в те годы в России и в идишистских литературных центрах за границей.

В "Эйгнс" выступили со своими стихами поэты Давид Гофштейн, Липе Резник, Ошер Шварцман, Кади Молодовская, Лейб Квитко, Перец Маркиш и Иезекель Добрушин.

Кади Молодовская уехала из Советского Союза еще в начале 20-х годов. Добрушин остался в СССР и писал стихи вплоть до чистки 40-х годов, после чего отошел от поэзии, в которой не очень преуспевал, и посвятил себя критике и литературным исследованиям.

Лирическая поэзия Гофштейна и Шварцмана, хотя и отмечена яркой индивидуальностью, является непосредственным продолжением модернистской лирики на идиш, созданной до первой мировой войны. Известно, что большая часть стихов Гофштейна, опубликованных в СССР после 1917 года, была написана им еще до 1912 года. Ошер Шварцман считается основателем советской литературы на идиш. Но столь почетное место он занял не благодаря стихам, а потому, что в 1919 году пал в бою, защищая революцию. Сохранились его стихи, написанные главным образом в 1908—1917 годах, а также несколько поэм, созданных в 1918—1919 годах, но в них нельзя найти ясных идеологических черт, на основании которых советские критики и ученые отводят ему такое почетное место в советской литературе на идиш. Очевидно, они исходят в значительной мере из биографических соображений.⁸

Поэмы Липы Резника, вошедшие в "Эйгнс", написаны полностью в духе символизма. Советская критика не переставала осуждать и разоблачать символизм даже в его более поздних произведениях, как несоответствующий принципам советской литературы.

Новизна поэтических форм характерна для Перца Маркиша и Лейба Квитко, а также для новых стихов Давида Гофштейна. Поэтов объединяет экспрессионизм, параллельный новым веяниям, возникшим в других центрах литературы на идиш — в Варшаве,

Нью-Йорке и Лодзи. Постсимволизм, характерный для европейской поэзии после первой мировой войны, естественно, был присущ и поэзии на идиш. Все молодые поэты, писавшие на идиш, прошли этот путь. Жадно воспринимая окружающий мир, они выражали ужас, страдания и жестокость, на которые было обречено их поколение, вообще, и евреи, в частности. Отчаяние, желание примкнуть к кому-нибудь, поиски решения социальных и национальных проблем заставили многих поэтов как в России, так и вне ее принять революцию. Так поступили Маркиш, Квитко, Гофштейн. Но это принятие по существу не было последовательным. Нет ничего общего между их туманным и путанным принятием революции в начале 20-х годов и более поздней декларативной поэзией, излагающей партийные догмы в стихотворной форме. Маркиш, Квитко и Гофштейн, ставшие впоследствии выдающимися представителями литературы на идиш в СССР, в начале 20-х годов уехали из страны и вернулись лишь во второй половине этого десятилетия. По возвращении они постепенно отказались от поэтического направления стихов, опубликованных в "Эйгнс" и за границей, но никогда полностью не публиковавшихся в Советском Союзе. Давид Бергельсон, Дер Нистер, Гофштейн, Маркиш и Квитко — вот члены "Эйгнс", павшие жертвами сталинского террора в последние годы его власти.

Теперь ясно, насколько проблематично по форме, по сути дела отнесение "Эйгнс" — первого значительного послереволюционного литературного явления — ко всей системе советской литературы на идиш, какой она сложилась, когда писатели вынуждены были стать конформистами в идеологическом и художественном отношении.

Следует принять во внимание одну из основных проблем, заключающуюся в том, что вначале существования советского режима литература на идиш оставалась верной той национальной идеологии, тем литературным направлениям, которые господствовали в ней до революции. Никакие новые веяния и догмы не

могли прервать связь с прошлым. Поэтому эта литература вызвала разочарование и враждебность со стороны тех писателей и критиков, которые с гордостью предписывали ей особые послереволюционные задачи и обязанности. Они полагали, что литература на идиш будет выражать свою преданность правительству и помогать советизировать общество. Но оказалось, что произведения того времени на идиш предназначались только для лиц с высокоразвитым рафинированным литературным вкусом, то есть для малочисленной элиты в еврейской читательской среде, а не для "масс" из черты оседлости. Это существенное противоречие между художественными достижениями литературы на идиш (не говоря уже об ее идеологическом направлении) и задачами, которые навязывали некоторые литературные деятели, нашло свое выражение в полемике Мойше Литвакова с Бергельсоном. М. Литваков написал отрицательную рецензию на первый сборник "Эйгнс", а Бергельсон дал на нее сокрушительный ответ.⁹ Их расхождения не ограничились теоретическим спором. В ходе полемики уже в 1922 году Литваков перешел к открытым угрозам. Пользуясь своим положением в центральном бюро евсекции ВКП(б) он стал ведущим критиком советской литературы на идиш. Его угрозы стали верным средством давления, которому вскоре на долгие годы подверглась литература на идиш.

В 1921 году в Москве начала работать группа писателей. Они устраивали литературные вечера, печатали произведения молодых поэтов и планировали издание ежемесячного литературного журнала "Штром" ("Поток"). В 1922—1924 годах вышло пять номеров этого журнала. В состав активных членов группы входили киевские писатели Д. Гофштейн и И. Добрушин. Кроме того, к ним присоединились молодые поэты Арон Кушников и Эзра Фининберг, разделявшие их взгляды. Стихи этих поэтов, печатавшихся в журнале "Штром", были выдержаны в стиле умеренного экспрессионизма. Следует подчеркнуть, что группа в принципе признавала советский режим.

Ни в опубликованных ими произведениях, ни в том, что писали другие члены группы в то время, нет ничего противоречащего политике правительства. Но было два момента, свидетельствовавших о принципиальном расхождении между сотрудниками журнала и М. Литваковым, в то время уже главным редактором "Дер эмес", центрального органа евсекции при отделе пропаганды ЦК ВКП(б). Писатели открыто выступали за художественную автономию; в их сочинениях слышится глубокая тревога за настоящее и будущее еврея в новом обществе. Они пытались отобразить в художественной форме эту тревогу, даже за счет отступления от партийной линии. Литваков же требовал от писателей, в первую очередь, реальной помощи и активного участия в укреплении газеты "Дер эмес" с ее откровенно пропагандистской направленностью. Поскольку писатели упорно пренебрегали требованиями Литвакова, он опубликовал резкую разоблачительную статью. Не удовлетворившись упреками в том, что они замкнулись в собственной скорлупе и заняты только своими художественными проблемами, он закончил статью недвусмысленной угрозой: "Когда "Дер эмес" укрепитя и у нее будет больше времени сводить "старые счета", она сделает это со всей решительностью". Очевидно, угрозы такого плана уже тогда были небеспочвенны. Тем не менее писатели в открытом письме отклонили требования Литвакова и настаивали на четком разграничении задач художественной и публицистической литературы "даже в таком центральном органе, как "Дер эмес"... Свою позицию они еще раз подтвердили литературной декларацией, которая была затем опубликована во втором выпуске журнала "Штром".¹⁰

Итак, писатели из "Эйгнс" и "Штром" открыто поддерживали литературную автономию, но в то же время появились и другие литераторы, полностью принявшие идеологию нового режима. Это вскоре привело последних к длительным (открытым и замаскированным) столкновениям с киевлянами и сторонниками их взглядов. Тогда же в литературу на идиш

влилась группа молодых писателей, наиболее яркими представителями которых были Ицик Фефер на Украине и Изи Харик в Белоруссии. Их литературная деятельность была связана с революцией, которую они горячо поддерживали. Рифмованные прокламации, примитивный поэтический пафос их первых стихов был на уровне американской революционной "пролетарской" поэзии 90-х годов (Винчевского, Эдельштадта, Вовшовера и Розенфельда). Сложный путь развития поэзии на идиш в XX столетии как будто прошел мимо этих молодых писателей. Однако вскоре многие из них, недавно покинувшие отдаленные от литературных центров местечки, начали следить за современной поэзией на идиш и русском.

Волее талантливые из них восприняли современный поэтический стиль, подпав, конечно, под влияние поэтов "Эйгнс" и "Штром". Совершенствование поэтической формы сопровождалось у них углубленным и обостренным проникновением в предмет творчества. У Фефера, например, это проявилось в романтическом отношении к революции и гражданской войне. Он пользовался приемами, свойственными отчасти русской футуристической поэзии, отчасти поэзии Гофштейна. У Харика звучит тоска по местечку, скорбь о печальной его участи и упадке. В их изображении идиллических сцен местечка ощущается влияние русской есенинской лирики и связь с довоенной поэзией на идиш. Однако отсутствие подлинной художественной индивидуальности не мешало молодым авторам чувствовать себя единственными законными представителями нового режима в литературе на идиш. Эта уверенность основывалась на безупречной верности большевистской идеологии и на сознании своего "пролетарского" происхождения. В условиях советской власти такие "преимущества" имели большое значение даже в области литературы. Вместе с молодыми критиками, у которых были такие же взгляды и "преимущества", эти поэты в скором времени стали пользоваться решающим влиянием во внутренних — личных и групповых — схватках литературной среды, когда

требования гегемонии в литературе как раз основывались на происхождении и степени приверженности идеологии. Борьба была острой, и на все негодное навешивались ярлыки типа "зарубежное влияние" либо "пережитки прошлого". В большинстве случаев молодые поэты поддерживали борьбу с подобными явлениями со всем революционным пылом. К ним присоединились молодые критики и деятели современной культуры, которые видели назначение советской литературы на идиш только в пропаганде политической линии партии. На представителей "Эйгнс", которые с середины 20-х годов начали возвращаться из эмиграции, они и направляли прежде всего свою браждебность.

Здесь невозможно вновь не упомянуть, что Мойше Литваков, как и Изи Харик, погибли во время чисток 30-х годов. Ицик Фефер вместе с авторами "Эйгнс" был убит 12 августа 1952 года. Противоречия мнений и подходов, которые характеризовали советскую литературу на идиш с самого ее возникновения, были жестоко и неожиданно стерты насильем, которое без разбора постигло деятелей культуры любой ориентации.

III

Период с 1920 года по 1941 — год нападения Германии на Советскую Россию — можно считать периодом расцвета советской литературы и идиш. Литература на идиш и сам язык в конечном счете оставались единственными еврейскими элементами в школах на идиш. В еврейских научно-исследовательских институтах в Киеве, Минске, Москве и Одессе существенная часть работ посвящалась языку, фольклору и литературе на идиш. Многочисленные театральные труппы, профессиональные и самодеятельные, ставили пьесы из репертуара, который базировался главным образом на произведениях литературы на идиш. В главных центрах еврейской культурной жизни — Киеве, Харькове, Одессе, Минске и Москве — выходили ежедневные газеты и разные периодические издания, а с 1930 года начали печататься журналы и в Биробиджане. Государственные издательства на Украине, в

Белоруссии и в Москве ежегодно выпускали сотни книг на идиш.¹¹ Все это создавало для писателей и литературы невыданные ранее возможности. Ни по масштабу, ни по выделяемым для этого средствам нельзя было найти ничего подобного в литературных центрах на идиш за пределами Советского Союза. Неудивительно, что такие условия привлекали много деятелей литературы и искусства, работавших на идиш, из-за границы, а также писателей, сотрудников "Эйгнс". В 20-х годах приехали в СССР писатель Мойше Кульбак, лингвист и исследователь литературы Нохем Штиф, критик и ученый Макс Эрик, историк литературы и беллетрист Меир Винер. В это время возвращаются и Дер Нистер, Лейб Квитко, Давид Гофштейн, Перец Маркиш и Давид Бергельсон. Оценка литературы на идиш в Советском Союзе немыслима без понимания роли этих писателей и литературоведов.

Было бы также ошибочно считать, что эти писатели, ученые и критики вернулись в СССР потому, что они полностью поддерживали советское правительство и его идеологию. Лишь весьма немногие из них безоговорочно принимали все. Для большинства же наиболее привлекательными тогда были возможности, которые, как они думали, открывали самые благоприятные перспективы для развития культуры на идиш. Они полагали, что финансирование со стороны государства является надежной гарантией культурного и литературного прогресса. Не всегда благоприятные условия, в которых они работали до своего приезда в Советский Союз, только укрепляли их оптимизм относительно возможностей работы при советском режиме.¹² К тому же некоторые стороны общего развития культурной и социальной жизни могли убедить даже скептиков, что правительство требовало не слишком высокую плату за свою поддержку, и даже с точки зрения самих писателей эта цена оправдывалась высокими целями. Такой подход можно понять, если вспомнить отношение советской власти к русским "сменовеховцам". Некоторых из эмигрировавших в свое время писателей привлекло отношение правительства, и они

вернулись на родину. Правительство поощряло возвращение, до известной степени смягчая идеологическое давление, как, например, в годы нэпа, а также обеспечивая определенное положение некоторым "специалистам", среди которых были и известные писатели. Таких писателей приняли как "попутчиков" и признали за ними право на существование, не требуя от них полного согласия с господствующей идеологией, а лишь принятия советской власти.

Но несмотря на внешние благоприятные условия для литературы на идиш, сугубо национальные устремления были в значительной мере подавлены из-за постоянной необходимости приспособливаться к политическим и идеологическим колебаниям. В литературах других народов СССР, в том числе и в русской литературе, можно наблюдать аналогичные явления, которые были обусловлены следованием за переменчивой основной линией партии и правительства. Как и русская литература, литература на идиш быстро подверглась "дифференциации", за которой последовали острые столкновения между так называемыми "пролетарскими" писателями и теми, кто по разным и вполне понятным причинам стояли вне каких-либо объединений и которых терпели только благодаря довольно туманной официальной поддержке, выраженной в приклеенном ярлыке "попутчики".

Среди писателей на идиш нельзя найти ничего подобного деятельности русских "пролеткультовцев".¹³ Однако уже вокруг журнала "Штром" возник жестокий спор между теми, кто отстаивал пролетарские принципы в литературе, и теми, кто защищал особую автономию писателей. Некоторые из последних, как, например, Арон Кушниров, быстро покинули поле боя и присоединились к "пролетарской" группе, контроль над которой уже ясно ощущался в последних номерах журнала.

В 1925 году в Москве была создана еврейская секция РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей). С 1924 года начался выпуск ежемесячного журнала "Октябрь". Еврейская секция тоже начала

издавать с 1925 года свой журнал с тем же названием на идиш. Он также выходил в Москве, и целенаправленность его была такой же.

Как попутчики в русской литературе группировались вокруг журнала "Красная новь", так и "попутчики" в литературе на идиш начали выпускать в 1925 году в Москве свой альманах "Найерд" ("Новь").

В этих двух изданиях на идиш трудно обнаружить ту яркую дифференциацию, которой так добивались пролетарские писатели. Тем не менее характеристика этих двух изданий, данная одним из писателей и критиков "пролетарского" лагеря, была довольно точной уже в то время: "Октябрь" — наш, "Найерд" — с нами.¹⁴ Когда борьба за гегемонию "пролетариев" усилилась, подобный оттенок приобрел весьма существенное значение. "Пролетарских" уже не удовлетворяло то обстоятельство, что есть люди, которые хоть и идут рядом с ними, но все же еще не "наши". Вскоре некоторые участники "Найерд" перешли на "пролетарские" позиции, то ли сдавшись на милость победителя, то ли в силу искренних представлений об их правоте.

Линия раздела между "пролетарскими" писателями и писателями неопределенного направления, т. е. "попутчиками", в литературе стали достаточно четкой во второй половине 20-х годов. Это обнаружилось в тех литературных ежемесячниках, которые начали регулярно выходить в Советском Союзе. "Ди ройте вельт" ("Красный мир"), выходявший в Харькове с конца 1924 до 1933 года, стал в середине 20-х годов прибежищем "попутчиков". Писатели, вернувшиеся из эмиграции, получили возможность печататься в нем. Ежемесячник "Дер штерн" ("Звезда"), который начал выходить в Минске с мая 1925 года и просуществовал до середины 1941 года, оставался до 1932 года форпостом пролетарских писателей Белоруссии. Сотрудничавшие в нем наиболее крайние "пролетарские" критики Х. Дунец, И. Бронштейн и Б. Оршанский осуществляли идеологический контроль над произведениями на идиш. В апреле 1928 года третий ежемесячник "Пролит" ("Пролетарская литература") начал выходить в Харь-

кове. Этот воинствующий журнал оставался до 1932 года официальным органом Всеукраинской ассоциации пролетарских писателей, пишущих на идиш.¹⁵

Правда, в 1927 году была предпринята еще одна попытка создать писательскую группу "Бой" ("Стройка"), которая объединила писателей Украины, пишущих на идиш, и не причислявших себя к "пролетарским". Но эта попытка не имела практического значения и не могла претендовать на успех, поскольку организации "пролетарских писателей" евсекции активно действовали в Москве, на Украине и в Белоруссии и настойчиво претендовали на полную власть в литературе на идиш. В конце 20-х годов "пролетарские" писатели в русской литературе стали еще более агрессивными и, благодаря настойчивым требованиям и предоставленной им полной свободе действий, достигли в основном того, чего хотели. С молчаливого согласия ЦК партии "пролетарии" обрели статус всесоюзной организации. Так же поступили и еврейские "пролетарские" писатели, опираясь, вероятно, даже на более откровенную поддержку со стороны евсекций, которые определяли политику коммунистической партии в еврейском вопросе, в особенности в отношении литературы на идиш.¹⁶

Можно разойтись в оценке организационных и политических столкновений на литературном поприще. Они не играли важной роли, но все же отражали идеологические противоречия между общей политикой советского правительства в области литературы и советской литературой на идиш. Короткий период господства "пролетарских" писателей в литературе надолго оставил след в самом существовании литературы на идиш, ощущавшийся даже после 1932 года, когда "пролетарские" писательские организации были ликвидированы. Писатели навсегда усвоили навык предугадывать возможные оценки редакторов и критиков из "пролетарского" лагеря, что привело к плачевным результатам во всех областях литературной жизни. Мы не должны недооценивать всего происходившего в то время уже только потому, что угрозы физического уничтоже-

ния в 30-х годах была гораздо страшнее. 20-е годы сыграли свою роковую роль: в то время были заложены основы дальнейшего "воспитания" умов писателей.

Следует подчеркнуть, что многие произведения, признанные непригодными для публикации, так и не дошли до нас. Мы не можем судить также и об оригиналах произведений, которые были "исправлены" цензорами. Цензура Советского Союза — одна из центральных проблем развития литературы. Она состоит из нескольких ступеней. Первый уровень — это самоцензура автора: он сам проверяет свое произведение с точки зрения своей безопасности даже в случае, если произведение не будет издано. Самоцензура стала важным фактором в годы сильного давления, когда "пролетарские" группы начали господствовать. Следующие ступени — редакторы периодических журналов и издательств, ответственные за каждое напечатанное слово, затем следует цензура Главлита. Можно предположить, что она имеет лишь формальное значение, поскольку ей предшествует цензура самих авторов, а затем сверхусердных редакторов, радеющих за свое благополучие.

Хотя мы не располагаем подлинными рукописями, у нас есть ясные и авторитетные свидетельства степени идеологической проверки перед публикацией. М. Левитан, руководитель евсекции на Украине и ответственный редактор ежемесячника "Ди ройте вельт", открыто писал об этом. Во время кампании против "злоумышленников" в литературе на идиш он включился в поток "серьезных обвинений", хотя и старался сгладить острые углы, ссылаясь на особые условия жизни евреев. Одной из главных провинностей, по его собственным словам, был еврейский "национализм" и "правый уклон" — согласно принятой в Советском Союзе терминологии того периода. Далее Левитан утверждает: "Я основываю свои выводы не только на опубликованных произведениях, но и на сочинениях, которые не могли быть напечатаны из-за собственных им чуждых классовых тенденций, а также на тех, где вначале были опасные идеологические веяния, ко-

которые авторы убрали по указанию и с помощью компетентных редакторов".¹⁷

Отсюда с очевидностью следует, что с конца 20-х годов произведения, опубликованные на идиш в Советском Союзе, не могут свидетельствовать о внутреннем состоянии литературы. В лучшем случае нам известны лишь произведения, прошедшие все стадии идеологической обработки. Весьма сомнительно, что настанет день, когда подлинное лицо литературы на идиш откроется нам без тройной чистки. Общеизвестно также, что многие авторы пишут "в стол". Но такие произведения на идиш не дошли до нас, за исключением нескольких работ, не представляющих значительной ценности для понимания литературы этого периода.

IV

Какие же недостатки находили "пролетарские" писатели в литературе на идиш во второй половине 20-х годов? Достаточно полный ответ на этот вопрос дан в кратком изложении статьи А. Абчука, одного из активных писателей и критиков "пролетарского" лагеря:

1. Писатели отрываются от реальной жизни и скатываются к индивидуализму и символизму — Дер Нистер, Л. Резник.
2. Идеализация постепенно исчезающих классов и сочувствие их судьбе — Н. Лурье.
3. Пассивное отношение к нашей действительности — И. Кипнис.
4. Эпикурейство, любование преходящим моментом — З. Аксельрод.
5. Недостаточно четко выраженная собственная позиция, нейтральность, наблюдение как бы со стороны — общий порок.¹⁸

К этим "грехам" можно добавить непрерывные обвинения в "шовинизме" и "национализме", а к стану "грешников" причислить еще Переца Маркиша, Самуила Галкина, Эзру Фининберга, Самуила Розина, Льва Квитко, Абрама Кагана и других, попадавших под прямые удары "пролетарской" критики. Стоит ознакомиться с произведениями, подвергавшимися нападкам, что-

бы убедиться в обоснованности претензий, предъявляемых к перечисленным и другим авторам, — конечно, если статья на позицию "пролетарских" писателей. Действительно, с их точки зрения почти вся литература на идиш со второй половины 20-х годов находилась в стороне от конформистского течения советской литературы, которая в эти годы набирала силы.

Несколько "дел", получивших огласку в Советском Союзе, не только дают представление о некоторых писателях, но говорят и об обстановке в стране.

В 1929 году вышли две новые книги Переца Маркиша. Одна из них — "Дор-ойс, дор-айн" ("Из века в век") — явилась первым томом задуманного эпического полотна. Автор ярко описывает рост революционного героизма в черте оседлости. Его вторая книга "Бридер" ("Братья") — большая поэма сильного эмоционального воздействия, изображающая период революции и погромов. В названных книгах Маркиш обнаружил свои возможности как поэт и прозаик. Это, несомненно, выдающиеся достижения литературы на идиш в Советском Союзе. Несомненно также и то, что автор выражает горячее сочувствие революционному движению. Тем не менее эти произведения вызвали острую критику со стороны Литвакова, обвинившего Маркиша в том, что все его герои — евреи: "получается, что революцию совершили еврейские революционеры". По мнению Литвакова, книги проникнуты "настроениями мученичества" и свидетельствуют о "национальной ограниченности" автора. Эти обвинения были выдвинуты на собрании, состоявшемся 27 мая 1929 года по случаю выхода новых книг Маркиша. Маркиш был вынужден признать "некоторые ошибки", но все же не принял требования Литвакова ввести образы нееврейских революционеров в свои произведения. "Не вижу в этом особой необходимости, — заявил он, — так как к русскому роману, в котором действуют только русские революционеры, не предъявляют подобных претензий". (Высказывания приводятся по отчету об упомянутом собрании, опубликованному в газете "Дер эмес").¹⁵ Автор отчета или сам редактор

газеты счел нужным добавить, что заявление Маркиша "вызвало изумление в зале". Мы можем сомневаться относительно реакции в зале, но эти высказывания достоверны. Здесь обнаруживается один из принципов советской критики: почти патологическое стремление изгнать из своей литературы все, что могло быть истолковано, как "еврейская национальная ограниченность". Авторы, писавшие для евреев на еврейском языке, побуждаемые лучшими чувствами к революции, внесшей огромные изменения в судьбу еврейского народа, обязаны были приспособляться к упрощенным лозунгам. Для таких писателей, как Маркиш, это, вероятно, было просто невыносимо. Эпические произведения Маркиша даже в последние годы его жизни обнаруживают исключительный интерес к еврейскому героизму. Становление и развитие этого героизма на протяжении многих поколений еще до революции владели мыслями и чувствами художника.

Источником эмоционального воздействия произведений Маркиша является удивительное мастерство метафоры, построенной на внутреннем контрасте между еврейской традицией и новой жизнью, которые, преодолевая противоречия, образуют прочное и удивительное единство. Маркишу, как, очевидно, и другим еврейским писателям, не хватало не только вдохновения, но и знаний обстановки для создания характеров из нееврейской среды. Это были бы просто тени по сравнению с полнокровными еврейскими персонажами. Невозможно представить себе, чтобы такой пронизательный критик, как Литваков, не понимал этого, читая новые книги Маркиша, которого он уже "осчастливил" своим вниманием в критической статье об "Эйгнс", упомянутой выше. Но атмосфера в среде "пролетарских" критиков была такой, что Литваков должен был, возможно, вопреки своим убеждениям и чувствам, выдвинуть это нелепое требование к Маркишу. Литваков, вероятно, уже тогда чувствовал, что молодые и рьяные "пролетарские" критики не доверяют ему.

В том же году разразилась буря вокруг другого

"балованного ребенка", опекаемого Литваковым, — поэта Самуила Галкина. Здесь Литваков был на оборонительных позициях, и — ирония судьбы! — обнаружил, что его обвиняют в поддержке "националистических элементов в литературе".

В 1929 году в Москве вышел сборник стихотворений Галкина "Вей уя мут" ("Боль и мужество"). В сборник вошли стихи 20-х годов, в которых звучали и глубокий пессимизм по поводу судьбы советских евреев, и вера в лучшее будущее в свете решения общих социальных проблем. Однако мотив скорби и печали был, несомненно, преобладающим. Дополнением к этому были традиционные библейские реминисценции, органически вошедшие в стихи Галкина. "Пролетарские" критики в Минске вдруг вспомнили, что этот же Галкин долгое время пользовался поддержкой Литвакова, в котором, следовательно, обнаруживалась "тайная любовь к ивриту". Группа фанатичных минских критиков — Дунец, Бронштейн и другие — обвинила центральное бюро евсекции в Москве и особенно Литвакова в замаскированном еврейском национализме.²⁰

Острая конкуренция в среде самих "пролетарских" критиков говорит о взаимоотношениях в их собственном кругу. Из постоянного страха перед обвинением в либерализме возникали поиски фантастических недостатков, уклонов. Однако эта группировка, несмотря на внутренние склоки, смыкала свои ряды перед нападением извне. "Дело" Квитко хорошо иллюстрирует эту ситуацию.

В начале 1929 года Квитко опубликовал цикл стихов в журнале "Ди ройте вельт", сатирически освещающая отрицательные явления советской жизни. Он наивно полагал, что лозунг "критика и самокритика" позволяет ему высказать свое мнение, в частности о Литвакове. Одно из его сатирических стихотворений — "Дер штинкфойгл Мойли" ("Вонючая птица Мой/ше/Ли/тваков/"). Квитко ярко изображает позицию всемогущего критика, который тяжким камнем висит на шее литературы. Стихотворение вошло также в сборник "Герангл" ("Схватка"), Харьков, 1929.

Все эти события разворачивались на фоне оголтелой травли русского писателя Бориса Пильняка, отважившегося опубликовать в Берлине рассказ "Красное дерево", отвергнутый советскими журналами из-за критического описания жизни советского городка. Рассказ Пильняка послужил поводом для "воспитательной кампании" среди советских писателей по всей стране. Сатирическое стихотворение Квитко о Литвакове сочли подходящим предлогом для проведения такой кампании среди еврейских писателей, дабы не отстать в своем рвении. В Москве, Минске, Киеве и Харькове состоялись собрания еврейских писателей в знак протеста против "контрреволюционного выступления" Квитко, и в советской литературе на идиш прозвучал призыв "за нормы этики". Едва ли стоит пояснять, что к поступку Квитко было приплетено "преступление" Пильняка. В этом "деле" "пролетарские" критики отложили свои личные распри и смело выступили единым фронтом.²¹

"Пролетарские" критики, особенно молодое крыло, взяли на себя большие полномочия и диктовали свои эстетические принципы литературе в целом. Отныне литературу оценивали по энтузиазму, проявляемому к строительству новых городов и деревень. Особое внимание должно было уделяться положительному герою, партийному работнику и строителю социализма с высоким классовым сознанием. Когда же речь заходила об отрицательных персонажах, эстетическим принципом их изображения было отсутствие положительных эмоций, страстей и вообще всего человеческого. В качестве примера можно привести прекрасную книгу Мойше Кульбака "Зелменианер", которая печаталась в ежемесячнике "Дер штерн" в 1929—1930 годах и в 1931 году в Минске. Книга Кульбака — одно из немногих произведений советской литературы на идиш, изображающих одновременно с иронией и сочувствием перемены, происшедшие за годы советской власти в большой еврейской семье, соблюдающей национальные традиции. Используя иронию и гротеск, автор находит теплые краски для обрисовки как "положительных",

так и "отрицательных" персонажей. Понимание, с одной стороны, и откровенный сарказм, с другой, в характеристике "положительных" героев-коммунистов и советской молодежи вызвали ярость критиков Дунца и Бронштейна. Они не могли принять образ одного из членов семьи, борца за революцию, члена партии и после фронта работника милиции, так как Кульбак показал его грубое невежество, неспособность думать и что-либо помнить, а единственное доступное ему удовольствие — обжорство. Таким образом, здесь безжалостно попирался принцип "пролетарской" литературы.²²

Писатели находили разные способы для выражения своего сопротивления усиливающемуся давлению "пролетарской" критики. Маркиш признал некоторые свои "ошибки", но отверг нелепые обвинения. Не все писатели принимали резолюции против Квитко на собраниях-судилищах. Необычную смелость проявил Давид Гофштейн. Он послал личное письмо десяткам писателей и деятелей культуры, озаглавленное "Против деградации", в котором характеризует высказывания Литвакова как оправдывающие стихотворение Квитко. Копия письма попала в руки Литвакова, опубликовавшего полный его текст в резкой статье против Гофштейна.²³

Другой и более сложной была реакция Дер Нистера, откликнувшегося на эти события рассказом "Под забором". Рассказ впервые опубликован в "Ди ройте вельт" в 1929 году, а затем в книге "Гедахт" ("Воображение").

Дер Нистер (на идиш — Скрытый) — это псевдоним П. Кагановича. Он начал свой путь в литературе на идиш в 1907 году, сразу обнаружив склонность к символизму. Он пытался соединить систему мышления символизма, достигшего тогда своего расцвета, с образом мыслей и стилем, вытекавшими из еврейской традиции. Он сумел оригинально сочетать элементы еврейской мистики и фольклора в рамках современного ему литературного модернизма. Дер Нистер создал новую форму еврейского рассказа, уникальную по со-

вершенству стиля в литературе на идиш. "Под забором" — один из наиболее значительных рассказов в этом жанре.

Здесь сталкиваются два мира. Один из них — отчужденный мир созерцателя-отшельника, замкнувшегося в башне. Это традиционный мир науки, самоусовершенствования, поисков возвышенной цели жизни. Другой, противоположный этому, мир, представлен в виде цирка, с его пустыми игрищами, привлекательный и соблазнительный мир, который будит плотские страсти. Цирк держится благодаря низкопробным вкусам массового зрителя, а также способностям оборотистого администратора угождать этим вкусам. Цирк изменчив, легкомыслен, вероломен; наездница Лили, наделенная элементами еврейской традиционной демонической соблазнительницы, воплощает в себе все эти черты. Между двумя полюсами находится молодой человек сомнительного происхождения, помощник администратора. Ему удается с помощью магических трюков заставить отшельника возненавидеть свой мир и войти в цирк, эту "приманку" для масс. Рассказ написан в форме признания-исповеди анонимного ученого. Просто и строго рассказывает почтенный ученый, преданный отец своей дочери, о своей неудачной любви к Лили. В видениях, возникающих в парах алкоголя, ученый превращается в пустытника и, вдруг оказавшись на суде отшельников, признается, что когда-то покинул башню ради цирка. Чувство вины, близкое к раскаянию в предательстве высоких идеалов, не покидает главного героя как в его "реалистическом" состоянии, так и в видениях, когда он снова становится отшельником. Многократно наказан он за свою неверность: в фантастически-гротескном плане его предают огню и побивают камнями, в реальности он приходит в себя, отвергнутый обществом, валяясь под забором. Весь рассказ — это описание больших страданий ученого-затворника, который считает, что наказание получает по заслугам.

Этот рассказ Дер Нистера, как и другие его произведения, говорит о разладе в человеческой душе. В

немецкой и русской литературе такая тема имеет долгую традицию. Отшельник-учитель, председательствующий на суде отшельников, назван в рассказе Медарусом, по имени отшельника и его двойников из сказки Гофмана "Эликсир дьявола". В фантастических сочинениях Гофмана черпала свое вдохновение и группа "Серапионовы братья" в Петрограде в начале 20-х годов. Свое название она также заимствовала из сказок Гофмана, используя имя другого отшельника. По имени Медаруса можно проследить связь Дер Нистера с этой традицией и прийти к выводу, что автор гротескно изображает бедственное положение художника в современном ему советском обществе. В дни издания рассказа Дер Нистера группа "Серапионовы братья" рассматривалась как отрицательное явление, пережиток прошлого, который советская литература уже в общем преодолела. Теперь Дер Нистер позволил себе снова обратиться к судьбе отшельника, к башне и прочим атрибутам фантастического повествования. Два главных символа достаточно ясно свидетельствуют о программном характере рассказа. "Замок и отшельник" — это постоянный мотив поэтики символистов, а шумный и легкомысленный цирк является полным отрицанием настоящего искусства, предназначенного для немногих и понимаемого избранными. Обманчивый финал борьбы двух противоположных начал как результат самообмана представлен в судьбе несчастного ученого-отшельника, получающего заслуженное наказание. Весьма вероятно, что рассказ является признанием самого автора, предвидевшего свою судьбу и судьбу ему подобных. В этот период трудно найти в советской литературе что-либо подобное рассказу Дер Нистера. Неудивительно, что "пролетарский" критик классифицировал его как "наиболее реакционный во всем сомнительном творчестве писателя".²⁴ Полностью отдавая себе отчет в том, что они делают, писатели-идишты в советской стране следовали по неизбежному пути и начали приспособливаться к нему. Результаты не замедлили сказаться. В 1929 году Маркиш, комплектуя сборник своих ранее написанных произведений,

был уже очень осторожен при подборе. Он произвел также изменения текста, направленные на то, чтобы с корнем вырвать то, что могло бы вызвать недовольство и гнев советской критики. Второй том его сборника "Поступь поколений" не появлялся в печати до 1941 года. Само собой разумеется, что в этом томе нашлось место для героев революции неевреев. Однако сомнительно, оказывает ли он такое же художественное воздействие, как первый (1929 г.).

В 1932 году Галкин опубликовал сборник стихов под названием "За новую основу". Трудно узнать лирического, полного чувств, поэта в декларативной и плоской поэтике этого сборника, мы не можем найти даже следов его прошлых сомнений и чувствительной рефлексии.

Квитко был отстранен от редакторской деятельности в "Ди ройте вельт" в 1929 году. В последующие годы печальный опыт заставил его сконцентрировать свое творчество на стихах для детей. Эти стихи полны советского патриотизма, и они принесли ему широкую известность в стране. Он совершенно оставил свой экспрессионистский стиль и прекратил писать сатирические стихи. Никаких отклонений нельзя найти в его последующих работах, они действительно характеризуются крайней политической осторожностью.

Когда Кульбак собирался публиковать второй том "Зелменианер" (в "Дер штерн" с 1933 по 1935 год и затем отдельным изданием в 1935 году), он нашел необходимым добавить в начале специальную главу, в которой заново переписал биографию "положительного" героя, уже известного по первому тому. Эта отчаянная попытка исправиться в соответствии с предписаниями критиков оказалась безуспешной. От этого и многих других исправлений второй том оказался художественно несостоятельным. На сей раз Кульбака невозможно было обвинить в сатирическом изображении "положительного" героя, а что касается "отрицательных" персонажей, то, насколько это было возможно, он отказался от всяких попыток объяснить и простить их поступки.

"Под забором" был последним символическим рассказом Дер Нистера. До середины 1931 года он не опубликовал ни строчки. В 1931—1933 годы, пытаясь как-то оправдать свое существование в качестве советского писателя, он пишет "Драй хойптштет" ("Три столицы"). Хотя в подзаголовке стоит "Очерки", это произведение не вмещается в привычные рамки советского очерка этого периода. Дер Нистер и в очерках остается прежде всего художником, у которого фантастический мир вытесняет реальный.

В эти годы он с трудом зарабатывал на хлеб. Когда в 1934 году он, наконец, нашел то, что искал, ему пришлось для осуществления замысла обратиться к брату в Париж за денежной помощью. Приводимая ниже выдержка из письма Дер Нистера к брату является одним из очень редких в своем роде документов, дошедших до нас. Письмо свидетельствует об условиях жизни советских писателей, вынужденных полностью отказаться от своей творческой индивидуальности и тратить силы на поиски форм, приемлемых для хозяев советской литературы: "Если спросишь, почему я занимался лишь технической работой, а не писал собственных произведений, я скажу тебе, что все, написанное мною ранее, вызвало острую критику в нашей стране. На такой товар почти нет спроса. В Советской России нет места символизму, а ты знаешь, что я всегда был и остался символистом. Человеку моего типа, всю жизнь работавшему над совершенствованием стиля, очень трудно перейти от символизма к реализму. Это вопрос не техники. Тут нужно как бы переродиться. Нужно вывернуть душу наизнанку. Я пытался не раз. Сначала я ощущал совершенную безысходность. Теперь, кажется, я нашел выход. Я стал писать книгу, которая мне и моим близким друзьям кажется нужной и интересной. Я хочу целиком отдаться этой работе. Книга должна отразить судьбу моего поколения, в ней должно быть все, что я пережил и почувствовал. До настоящего времени было ужасно тяжело писать, ибо все свое время я тратил на заработки. За мои старые сочинения я не получил ни

копейки. Теперь издательства перевели из Харькова в Киев, и моя техническая работа таким образом тоже закончилась. Но я вынужден писать свою книгу, ибо, если я не сделаю этого, мое "Я" погибнет. Если я не буду писать, я выпаду из литературы и из жизни, ибо не тебе объяснять, что писатель, который не пишет, — это человек, который не живет, не существует в мире..." 25

V

События конца 20-х и начала 30-х годов таковы, что период с 1930 по 1941 год поддается оценке значительно проще, несмотря на большее количество книг на идиш, вышедших по сравнению с 20-ми годами в Советском Союзе. Это объясняется большим количеством книг, написанных стереотипно в соответствии с незыблемыми принципами "социалистического реализма", хотя суть самих этих принципов не всегда ясна. Произведения, созданные в это десятилетие, укладывались в изменчивые рамки господствующей идеологической политики. Кроме всего прочего, лозунг "искусство национальное по форме, социалистическое по содержанию" стремились понимать не слишком широко. Применительно к литературе на идиш принцип "национальная по форме" осуществлялся только в пределах языковой формы. Но и при этих ограничениях писатели были настороже, как бы не употребить больше, чем дозволено, заимствований из иврита (гебраизмов), подозрительных в силу своего "клерикального" происхождения. Принцип "национальная по форме" был надежной защитой от "нереалистических" тенденций и в то же время предостерегал от возможных "националистических" и "шовинистических" элементов. Этот конформизм наиболее ярко проявлялся в тех произведениях поэзии, прозы и драмы, "реалистическое" содержание которых было непосредственно связано с послереволюционной советской деятельностью.

Стихи этого периода на идиш воспевали партию и ее руководителей, особенно Сталина, прославляли

социалистическое строительство городов и деревень и его героев, Красную Армию, а также славили годовщины Октября и Первое мая. Кроме того, стихи посвящались внешним и внутренним событиям, которым советская пресса уделяла много внимания. Все это делалось под знаком безупречной верности часто меняющейся официальной линии. Поэзия, проза и драма повторяли одни и те же сюжеты, построенные на стереотипном конфликте между "положительными" героями — партийными работниками — и их вымышленными либо реальными врагами — "кулаками, клерикалами и другими пережитками прошлого". Все представлялось только в черных и белых тонах, в догматическом и бескомпромиссном духе партийных оценок. Следует помнить, что эта "текущая" литература создавалась на фоне ужасов коллективизации, трудностей в городе и деревне, непрерывной борьбы со всякого рода уклонистами, "врагами народа" и охватившим все и вся страхом перед уничтожением или незаконным арестом. Ни на идиш, ни на каком-либо другом языке в советской литературе нет подлинного описания действительности того времени.

Признаки постепенного уничтожения еврейской национальной жизни уже маячили на горизонте. Все достижения в системе просвещения и создания еврейских поселений, с помощью которых писатели и деятели культуры пытались в 20-х годах обеспечить будущее советскому еврейству, находились под угрозой. Пессимизм и отчаяние охватили еврейских писателей. Об этом свидетельствует статья И. Фефера, где, несмотря на недоговоренность и тенденциозность, резко раскритикована атмосфера подавленности и уныния в писательской среде. В такой атмосфере прошла встреча писателей-идишистов в 1933 году: "Михоэлс жаловался, что партия уделяет мало внимания еврейской культуре... Годинер твердил опасное слово "денационализация", а Маркиш кричал, что читатель исчезает, что литература на идиш больна, что еврейские писатели сидят на полустанках, в то время как экспрессы мчатся без остановок. Несмотря на все разнообразие

настроений и способов выражения, все участники конференции твердили: нет перспективы для культуры и литературы на идиш... Возьмем арфы и оплачем судьбу еврейского народа! Слышны были нотки националистической истерии ("Мы последние поэты"), национальной гордости ("У нас чуть ли не лучшая литература"), национальной паники ("У нас нет литературы"), националистического максимализма ("Мы не хотим быть меньшинством"). Некоторые товарищи не представляют себе всего вреда таких националистических высказываний. И поистине очень странно поведение тех, кто в течение многих лет сам страдал болезнью национализма, а теперь молчит и не возражает против мнения большинства".²⁶

Напрасны попытки найти в литературе на идиш отражение проблем и мнений, высказанных на этой конференции. Но, наверное, самой чувствительной из запретных тем было преследование евреев в Европе, в первую очередь, в Польше. В начале второй мировой войны литературе на идиш было навязано молчание по этому вопросу. Таков был эффект соглашения Молотов — Риббентроп, которое было в силе с 1939 до лета 1941 года. Писатели вынуждены были молчать, несмотря на непосредственные контакты с польскими беженцами, несмотря на потрясающие факты, рассказанные ими. Но об этом нет упоминаний в произведениях, принятых к печати в Советском Союзе.²⁷

Тенденциозная литература этого периода, описывающая лишь те события современной жизни, на которые имеются соизволения властей, не выдержала испытания временем. Но при всей своей односторонности, она представляет документальную историческую ценность, являясь определенным звеном в советской литературе на идиш. Это относится к той ее части, которая руководствовалась требованиями "социалистического реализма" и сознательно или бессознательно служила орудием пропаганды, независимо от того, делалось ли это с энтузиазмом или просто потому, что не было другого выхода. К счастью, оставались еще области, в которых писатель мог выразить себя относительно

свободно. Лирические стихи о себе и природе частично удовлетворяли эти потребности автора. И хотя в сборниках можно лишь с трудом отыскать такие стихи, они все же не совсем отсутствовали в то время. В лирике тех лет трудно встретить свежесть формы, стилевые находки, игру воображения. Однако она, находясь несколько в стороне от основного потока политической декларативной поэзии, служила убужищем и творческим выходом для глубоких и ищущих выражения человеческих чувств.

В 30-х годах писатели на идиш начали усиленно заниматься переводами мировой классики, в первую очередь поэзии, в которой можно было найти выход из советской действительности. Особенно широко представлена в переводах на идиш русская поэзия, начиная с Пушкина и Лермонтова и кончая Маяковским. Галкин перевел трагедию Шекспира "Король Лир", и спектакль прошел с большим успехом в Еврейском государственном театре в Москве. Давид Гофштейн и Эзра Фининберг независимо друг от друга перевели "Фауста" Гете. Большой талант переводчика обнаружил Лиле Резник. Он перевел "Бориса Годунова" Пушкина, финский эпос "Калевала" и с иврита циклы стихов Иегуды Галеви, Шломо Ибн Габириля, Моше Ибн Эзры и Иммануэля Гароми.²⁸ Средневековая поэзия на иврите была допущена к переводу, а современная литература на иврите была полностью под запретом и даже не упоминалась, кроме, быть может, указания на то, что это "реакционная" и "сионистская" литература.

В 30-е годы появилось значительно больше сборников поэзии и прозы, в которые вошли произведения, опубликованные в предыдущем десятилетии. Однако такому писателю как Дер Нистер нечего было предложить для сборника, так как в то время уже невозможно было переиздать символистические произведения. Те писатели, которым все же удавалось подобрать сборники своих ранних произведений, тщательно редактировали их заново в свете той критики, какую им приходилось встречать, и требований времени к моменту издания. То, что невозможно было "исправить",

не допускалось к переизданию. Новые сборники отличались полным отсутствием самостоятельной мысли, самобытности образов, в них не было ни единого слова на иврите, чтобы не оказаться подозрительным в глазах критики. Результаты этого политического просеивания очевидны при сравнении вариантов, напечатанных в 20-е годы с более поздними изданиями. Те, кто судит произведения писателей по публикациям 30-х годов, допускают большую несправедливость к людям, труд которых подвергался такой жестокой обработке.²⁹

В этот период в литературе на идиш все же были кое-какие успехи в области художественной прозы и драмы, в основу содержания которых легли сюжеты из прошлого. Чем отдаленней от советского настоящего была тема, тем легче можно было обойти препятствия и не касаться проблем с уже известным догматическим решением. Хотя необходимо было давать оценку в духе исторического материализма и показывать классовую борьбу во все времена и эпохи, тем не менее свобода выражения в исторической тематике была значительно большей, чем в современной, а грань между противостоящими лагерями была не такой острой.

Характерным произведением является роман Д. Бергельсона "Вам Днепр" ("На Днепре") (том 1, 1932 год; том 2, 1940 год). Это в известной степени автобиографическая книга, широко показывающая жизнь евреев на Украине, в частности в Киеве, в конце XIX и начале XX столетия. Герои Бергельсона очень живы и пластичны, но чем ближе повествование подходит к 1905 году (год выступления революционных сил), тем слабее звучит художественная и историческая правда. Автор делает это, чтобы "подогнать" события под оценки коммунистической партии, которая стремилась преуменьшить заслуги других, особенно еврейских рабочих партий, в развитии революционных настроений, чтобы показать, что революция является результатом деятельности исключительно большевиков. Люди, знавшие Бергельсона и его семью, отождествляют его с главным героем этого произведения Пенеком. Из их

суждений можно заключить, что в этом романе автор сводит классовые счеты со своей буржуазной средой, отчаянно стараясь освободиться от "пятна", которое оставило на нем его происхождение. Но наряду с этим в романе есть главы, которыми по-настоящему может гордиться советская литература на идиш.

Еще большим достижением является роман Дер Нистера, друга и современника Бергельсона, "Ди мишпохе Машбер" ("Семья Машбер") (том 1, Москва, 1932 год; том 2, Нью-Йорк, 1948 год). Третий том должен был выйти в Москве в 1948 году, но в печати появилась только одна глава. Именно ради романа "Семья Машбер" и обратился Дер Нистер к брату в Париж за помощью в цитируемом выше письме. Это широкое полотно является вершиной прозы на идиш. В нем раскрывается история поколений конца XIX столетия. Эти поколения были свидетелями духовного кризиса иудаизма, основанного на традиции, в его столкновении с разрушительными тенденциями новой эры. Книга, на первый взгляд соответствующая "реалистическим принципам", вобрала опыт и манеру символистского периода творчества писателя. Хасиды Вроцлава с их внутренней борьбой, богоискательством находятся в центре повествования. Противоречия в человеческой душе, вообще, и в духовном мире евреев, в частности, характерные для всего творчества писателя, воплотились в образах трех братьев Машбер и в Сруле Голе, обладавшем в какой-то мере демоническими чертами фольклорного героя Элиягу. По замыслу автора, роман должен был быть написан в форме семейной хроники европейского образца. В двух вышедших частях романа действие происходит в 1870-х годах, поэтому автор счастливо обходит "опасные" проблемы, вроде рабочего движения, и спасает свое произведение от той ущербности, которой не мог избежать Бергельсон. Способность Дер Нистера подходить к вопросу с разных точек зрения, его гибкость дали ему возможность выполнить свои обязательства перед советской критикой и все же удержаться на уровне личных требований, не фальшивя перед самим собой. Несмотря на необходимость изо-

бражать героев в отрицательном свете из-за их классового происхождения и приверженности к религии, сравнение их духовного величия и внутренней свободы, их отношения к действительности, такой недалекой в прошлом, с тусклой и духовно ограниченной советской жизнью ставило современную читателю литературу с ее злободневной тематикой в очень невыгодное положение.³⁰

В те же годы С. Галкин написал две драмы на исторические темы — “Бар-Кохба” (1939) и “Суламифь” (1940). Это были единственные произведения в советской литературе на идиш с древнееврейским сюжетом и местом действия в Палестине. Обе драмы пользовались большим успехом на советской еврейской сцене.

Сопоставление “литературы о сегодняшнем дне” с произведениями о далеком и недалеком прошлом приводит читателя к пониманию существенного и поучительного противоречия: “литература сегодняшнего дня” была вынуждена бороться против всех “пережитков прошлого”, все еще имевших место в советской жизни. Осуществляя это, она стремилась стереть все оттенки и свести традицию к одному примитивному уровню, дабы уничтожить у евреев чувство национальной и исторической преемственности. Но те писатели, которые обращались к исторической тематике, подчеркивали эту преемственность. Чем дальше во времени была тема, тем более сложным и положительным могло быть отношение к ней. В некоторых случаях стремление авторов противостоять национальному разложению в Советском Союзе и противопоставить социальную и национальную солидарность традиционной еврейской среды выглядит вполне сознательным. Это было смелое выражение романтической ностальгии, тоски по прошлому, более возвышенному, чем настоящее, и тем самым более достойному внимания читателя.

В 20-х годах число молодых авторов в литературе на идиш было весьма многообещающим и, казалось, сулило хорошее будущее. Однако в следующее десятилетие новые имена стали появляться несравненно реже. Даже те немногие писатели, которые в это время вли-

лись в литературу на идиш, не могли уже высказаться по-новому в своих произведениях.³¹ Литература на идиш страдала от нехватки молодых сил и талантов, а репрессии 30-х годов обрушились на писателей, которые еще не до конца прошли свой творческий путь. В эти годы "исчезли" Мойше Кульбак и Изи Харик, тюрьма и смерть постигли поэта Зелика Аксельрода при наступлении немецких захватчиков. Историк еврейской литературы С. Цинберг, ученый и критик Макс Эрик, новеллист и критик А. Абчук, а также критики М. Литваков, И. Бронштейн и Х. Дунец были убиты. Парadox заключался в том, что страшная участь постигла и наиболее преданных советскому режиму критиков, чьими стараниями литература на идиш дошла до своего плачевного состояния.

VI

Лето 1941 года было решающим и трагическим в истории советской литературы на идиш. После короткого периода беспомощности и замешательства во время отступления Красной Армии власти начали направлять все свои силы на войну. В этот год организовали Еврейский антифашистский комитет, наиболее активными членами которого были еврейские писатели. Его председателем стал известнейший актер Соломон Михоэлс. С захватом Киева и Минска и эвакуацией из Москвы были уничтожены издательства на идиш. Однако позже, благодаря влиянию и авторитету Комитета, его огромным усилиям и неутомимой деятельности, издательства были восстановлены.³²

Литература на идиш во время войны и в течение трех послевоенных лет пережила самую драматическую страницу своей истории. Связь между этой литературой и глубочайшими потрясениями всего еврейства — не только советского — проявилась в стремлении постичь значение войны и катастрофы еврейства. Почти никакие политические страхи и опасения не могли мешать этому стремлению. Патриотические чувства русских писателей, естественно, получили идеологическую поддержку властей. Еврейским писателям, в лояль-

ности которых тогда никто не сомневался, тоже было предоставлено право выражать свои национальные чувства почти свободно. Вклад союзников России в борьбу с нацизмом можно было представлять в положительном свете; не считалось зазорным упоминать о единстве евреев Советского Союза, евреев — жертв нацизма и евреев капиталистических стран, борющихся вместе с Советским Союзом. Литература на идиш во время войны, как никогда прежде, была полна национальных чувств. Горе и скорбь о погибших сливались с пафосом войны и надеждой на лучшее будущее после победы.

Сближение советской литературы на идиш с литературой на идиш в других странах, от которой она была оторвана ранее, шло различными путями. Больше всего сближение ощущалось в общности тематики. Это обстоятельство привело, конечно, к использованию традиционных и библейских образов, а вместе с ними — к усилению элементов иврита в лексике. Большая часть прозы и поэзии базировалась на современной тематике и сильном желании подчеркнуть героизм евреев и их участие в борьбе за победу. Здесь и там прорывались апологетические нотки по отношению к лозунгу "братство народов", и только изредка реакция на этот лозунг вызывала подозрение. Часто акцентировался героизм отдельных личностей, служивших в армиях различных национальностей, и тут еврейское имя героя говорило о значении войны для евреев как народа. Еврейская жизнь в Советском Союзе не служила более удобным фоном для изображения всего еврейского народа. В то же время еврейские писатели упорно стремились рассматривать войну и катастрофу с точки зрения еврейской национальной солидарности.

Отсюда возникает интересное явление, помогающее понять извилистый путь советской литературы на идиш и перемены, происшедшие в еврейском обществе, где писатели должны найти какой-то выход из тупика: появляется явное и намеренное стремление перенести действие повествования в место, географически и политически подходящее для показа желанного еврейского

единства. В Советском Союзе этого традиционного единства уже не существовало. Утвержденные принципы советской литературы допускали его изображение только где-то за пределами Советского Союза. Первым, кто сделал правильный вывод из сложившейся ситуации, был Дер Нистер, выбравший местом действия своих рассказов Польшу 1943 года ("Карбонес" — "Жертвы"). Рассказы эти изображают судьбу, образ жизни, проявление национальных еврейских чувств среди жертв фашизма. Неспроста и Перец Маркиш в широком эпическом полотне "Милхоме" ("Война"), 1948 год, перенес место действия глав, относящихся к еврейским аспектам повествования, за пределы СССР. В своем последнем произведении в прозе "Трот фун дойрес" ("Поступь поколений"), до опубликования которого он так и не дожился,³³ Маркиш тоже обратился к польскому еврейству в Советском Союзе и к евреям Варшавы, чтобы иметь возможность выразить еврейское единство и преемственность, которые у советских евреев исчезали буквально на глазах.

Даже такие писатели, как Ицик Фефер в "Шотнс фун варшевер гето" ("Тени Варшавского гетто")³⁴ и И. Фаликман в "Ди шайн кумт фун мизрах" ("Свет приходит с востока"), почувствовали потребность описать польское гетто. Драматическая поэма Галкина "Аф тойт ун аф лебен" ("Вопрос жизни и смерти"),³⁵ посвященная восстанию Варшавского гетто, служит наглядным примером подобных стремлений. В этом произведении Галкин отваживается реабилитировать во имя прославления единства даже членов "Юденрата" и еврейскую полицию, которые вместе с коммунистами, сионистами и хасидами участвуют в подготовке восстания. Сионизм и хасидизм более не существовали в советской действительности. Такое еврейское единство нельзя было изобразить на советском материале. Такая поэма могла появиться только благодаря згучему желанию видеть еврейскую жизнь в ее колоритном многообразии, включая все элементы, даже те, которые согласно официальным советским установкам нельзя было изображать.

Как продолжение прежних тенденций в это время возобновляется интерес к историческим темам, связанным с большим национальным подъемом. Писатели изображали отдаленные эпохи с ясным намеком на современность.

Так, во время войны Д. Бергельсон написал драму "Принц Реувени",³⁶ используя средневековый сюжет для показа противоречий в современной еврейской жизни. В рукописях Эзры Фининберга, умершего в 1947 году, мы находим свидетельство его работы над пьесой "Еврей из Португалии" и над большой поэмой о "Вечном жиде". В самих темах можно увидеть много общего с теми проблемами, которым посвящена пьеса Бергельсона.

Уже через год после победы в советской литературе наблюдается отход от либеральных настроений военного времени. Речь Жданова в августе 1946 года и решение ЦК партии были направлены против журналов, публикующих произведения писателей, "которым нет места в советском обществе и его литературе". Вскоре после этого началась разнузданная кампания против "космополитов" и "космополитизма" на фоне разгула русского национализма и антисемитизма самого низкого пошиба. Многие евреи, писавшие на русском языке, стали первыми жертвами этой кампании. Впервые проявилось открытое и далеко идущее различие в отношении к русскому национализму в литературе, всячески поощряемому свыше, и к национальным тенденциям других народов. Со стороны некоторой части писателей идишистов трагической ошибкой было забыть уроки конца 20-х годов и чистки 30-х. Они находились под впечатлением благоприятной атмосферы военных лет и, к сожалению, не обратили должного внимания и не учли вовремя изменения, происшедшие в русской литературе после речи Жданова. Возможно, впрочем, что в 1946 году было уже поздно поворачивать назад и скрывать свои чувства.

19 мая 1947 года Ицику Кипнису еще удалось опубликовать в варшавской газете "Новая жизнь" художественный очерк, и писателя превратили в еврейский

вариант "козла отпущения" в духе тех событий, которые происходили в советской литературе в то время. Репортаж этот назывался "Без шуток и расчетов". В нем говорится о двух еврейских ребятишках и о крестьянке, спасшей их во время войны. Дети вынуждены были находиться в нееврейском окружении, но они не хотели разлучаться с женщиной, заменившей им мать. Они ассимилировались, ничего не зная о своем еврействе, и это огорчает автора, несмотря на то, что он счастлив и благодарен за спасение двух еврейских жизней. "Опасные" мысли приходят автору в голову: "В последние несколько лет я стал очень фанатичным. Все, что выжило, тревожит меня. Когда я вижу еврейского студента, милую девушку, мужественного и сильного солдата, академика или простого еврея, мне хочется говорить с ними на идиш. Я бы хотел, чтобы все евреи, которые ходят по улицам Берлина, как знак победы, носили на груди рядом с наградами маленькую прекрасную еврейскую звезду... Я бы так хотел, чтобы эти двое спасенных детей говорили со мной на моем языке..."

Непреодолимое желание Кипниса продемонстрировать свое еврейство моментально стало темой передовой статьи московской газеты "Эйникайт", осудившей "национализм" еврейской литературы на идиш. В начале января 1948 года в Киеве была организована встреча писателей, на которой был прочитан доклад "О проявлениях национализма и национальной обособленности литературы на идиш". Вновь всплыли известные обвинения прежних лет. Среди прочего снова сыпались упреки в употреблении заимствований из иврита в произведениях Гофштейна, Ошеровича, Платнера, Грубияна и Добины. Кипниса заставили "признать" свои ошибки.

За разоблачениями "национализма в литературе" последовали более опасные обвинения в еврейском национализме вообще. Возникновение Государства Израиль, война за независимость, посольство в Москве, возглавляемое Голдой Меир, и демонстрация у московской синагоги, объединение советских евреев после

массовых убийств во время войны, темное крымское дело — все это указывало на "вину" литературы на идиш как главной хранительницы живых национальных чувств среди евреев Советского Союза. Начиная с 20-х годов еврейские писатели как бы несли ответственность за еврейский национализм. В конце 1948 года носители культуры на идиш — писатели и литераторы — пали жертвами политики советских руководителей, которые для решения своих внутренних и внешних проблем не нашли ничего лучшего, чем арестовать и казнить еврейских писателей и уничтожить остатки еврейской культуры в Советском Союзе.

VII

В последние годы власти Сталина большинство еврейских писателей Советского Союза было арестовано. Дер Нистер умер в тюрьме. Давид Гофштейн, Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Лейб Квитко, Ицик Фефер и Самуил Персов были казнены 12 августа 1952 года. В то же время большинство еврейских писателей было разбросано по отдаленным лагерям на севере страны. В 1955—1956 годах писателей, оставшихся в живых, начали освобождать. Самуил Галкин, самый крупный из выживших поэтов, умер в 1960 году в результате пережитого в тюрьмах.

Вести об истреблении культуры и убийстве писателей проникли на Запад. Однако сначала они не нашли должного внимания и гласности. Помимо других причин, это произошло еще и потому, что представители Советского Союза, где бы и когда бы их ни спрашивали об этом, решительно все опровергали. До настоящего времени советские источники официально ничего не сообщили о тех трагических событиях. Но даже из советской печати можно собрать полное подтверждение фактов, если внимательно читать публикации об отдельных авторах. Подтверждения содержатся в статьях энциклопедий, во вступительных статьях к переводам произведений погибших писателей на русский и другие языки и в случайных заметках и намеках журнала "Советиш геймланд". Известную роль в

раскрытии этих убийств сыграли польские еврей-коммунисты и компартии других стран. Сильное давление мирового общественного мнения на советских руководителей, включая требования их сторонников коммунистов, привело к возобновлению публикаций на идиш после многих отсрочек и обещаний со стороны советских властей.

В 1959 году после одиннадцатилетнего перерыва в Советском Союзе вышло три книги на идиш. Это были избранные произведения Менделе-Мойхер-Сфорима, И. Л. Переца и Шолом-Алейхема. В 1960 году вышла еще одна книга, на этот раз сборник публицистических статей о Биробиджане. В 1961 году появились две книги — избранные произведения Бергельсона и сборник стихов О. Шварцмана. В середине 1961 года начал выходить журнал "Советиш геймланд" (раз в два месяца; с января 1965 года выходит ежемесячно). В 1964—1965 годах было издано несколько книг на идиш авторов, оставшихся в живых и сотрудничавших в "Советиш геймланд". В еженедельнике "Новые книги в СССР" было объявлено о выходе в свет еще шести книг на идиш. Они должны были появиться в 1965—1966 годах, но к февралю 1967 года были напечатаны только две из них: сборник стихов С. Галкина и "Поступь поколений" Переца Маркиша.

Из этих нескольких изданий и из произведений в "Советиш геймланд" можно заключить, что оставшиеся писатели продолжают в основном художественные традиции, созданные в советской литературе на идиш писателями, составлявшими ее ядро до их трагической гибели в большой кровавой чистке. Их произведения не вносят ничего нового, в них не найдешь ни поиска, ни новых стремлений, ни нового стиля, ни средств выражения. Не предлагают они и новых идей. Их темы и манера письма уже давно известны (еще до 1948 года) как в изображении положительного, так и отрицательного. Вторая мировая война и массовое уничтожение евреев остаются в центре внимания многих писателей. Но так как темы потеряли остроту не только в литературе на идиш, и в них трудно

обнаружить что-либо еще не сказанное, — все превратилось в штамп. Появляются лирические стихи, но на фоне современной литературы они банальны и по форме, и по содержанию. Однако сейчас заметно сознательное желание расширить узкие горизонты советской литературы на идиш за счет литературы на иврите, которой прежде не было места на страницах советских изданий. Но эти попытки пока не принесли плодов.

Кроме нескольких молодых авторов "Советиш геймланд", чьи произведения не могут изменить общей картины, большинство писателей-идишистов принадлежит к поколению, сформировавшемуся в 20-х годах. Есть еще небольшая группа писателей, присоединившихся к советской литературе в начале второй мировой войны, когда СССР захватил румынские территории и прибалтийские республики. Им тоже уже под пятьдесят, если не больше. Вряд ли даже наиболее талантливые из них могут сравниться с теми писателями, которые когда-то стояли во главе литературы на идиш в Советском Союзе.

Тем не менее преждевременно делать вывод относительно будущего советской литературы на идиш, исходя из произведений, которыми мы располагаем в настоящее время. Нет нужды напоминать, что ограничения и рогатки, стоящие на пути всей советской литературы, существуют и для еврейской литературы. В таких условиях таланты писателей не могут раскрыться во всей полноте. Нет сомнения, что оставшиеся в живых авторы после всех испытаний, выпавших на долю литературы на идиш, научены горьким опытом быть более осторожными, чем другие. Вряд ли они станут писать о чем-либо, что может вызвать сомнение в их "идеологической чистоте" или бросить когда-нибудь в будущем тень на их лояльность. Прошлое еврейской литературы говорит, что такие опасения справедливы и для автора, и для редакторов. Легко понять, почему в литературе на идиш почти полностью отсутствует обсуждение наиболее болезненных проблем, которые по праву должны занимать в ней цент-

ральное место. К этим проблемам относятся: преследование еврейских писателей в последние годы жизни Сталина, антисемитизм и целый ряд вопросов, связанных с существованием евреев как нации в Советском Союзе, что с сожалением отмечают даже те писатели Запада, которые с большой симпатией относятся к этой литературе.³⁷ Время покажет, преодолет ли литература эти трудности. Но следует помнить, что это зависит не только от желаний и чаяний писателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. более подробно по этому вопросу мою статью "Ха-тарбут ха-иехудит бе-Брит Ха-моацот" ("Еврейская культура в Советском Союзе", иврит), "Гаума", № 13, Иерусалим, 1965, "Гешер", №№ 2, 3, Тель-Авив, 1966, а также в итальянском переводе в сборнике "Geiebrei nell' URSS", Милан, 1966.

2. Подробных исследований литературной критики на идиш пока не существует. Об отношении критиков к символизму и к связанным с ним течениям можно прочитать в статье (идиш) В. Брехес (В. Владек) "Блайштифт нотци" ("Карандашные заметки") в "Ди найе цайт", № 3, Вильна, 1908. "Ди найе цайт" был органом Бунда. О группе "Ди юнге" в США см. отрицательные отзывы С. К. Шнейфала в статье "Ди идише литератур", а также Ш. Эпштейна о сб. "Литератур" в "Ди цукунфт", Нью-Йорк, 1910, стр. 71, 74, 662-664. Оба критика возвратились впоследствии в Советский Союз. Критические очерки о произведениях Дер Нистера весьма поучительны, поскольку Дер Нистер является выдающимся представителем символизма. Ср. Ш. Н. (Шмуэль Нигер) в библиографическом разделе журнала "Ди идише вельт", книга 1, Вильна, 1913., Ш. Розенфельд в статье "Он а бодн" ("Без твердой почвы") в "Ди цукунфт", 1914, стр. 662-663. Впоследствии произведения Дер Нистера встретили осуждение с той же точки зрения также в советской критике.

3. "Хофнунг ун шрек" ("Надежда и тревога"), "Дер вег", № 6, Варшава, 18 января 1906 г. "А викуах" ("Спор"), "Дер хайнт", № 206, Варшава, 18 сентября 1912 г. Эти две статьи вошли в сборник избранных произведений Переца на идиш и иврите. Перец жаловался Элише Родину на невозможность опубликовать свою драму. См. мемуары последнего в "Ди ройте вельт", № 4, Харьков, 1926, стр. 99. Об отношении советской критики к этому периоду творчества Переца см. Литвакова в "Ин умру", т. 1, 1919 (?), особенно стр. 100—103, "Ин умру", т. 2, М., 1926, стр. 34—49.

4. Х. Шмерук. "Ха-кибуц ха-иехуди ве-ха-хитьяшвут ха-хаклаит ха-иехудит бе-белорусия ха-советит 1918—1932" ("Еврейская община и еврейские сельскохозяйственные поселения в Белоруссии 1918—1932 гг." — иврит), Иерусалим, 1961, И. Левави, "Ха-хитьяшвут бе-биробиджан" ("Еврейское поселение в Биробиджане" — иврит), Иерусалим, 1965.

5. См. по этому вопросу Г. Ременник "Цу дер Фраге веги ди онхейбн фун дер идишер советишер литератур" ("К проблеме начала советской литературы на идиш"), И. Серебряный "Хроник фун дер идишер советишер литератур" ("Хроника советской литературы на идиш" — идиш обе статьи) "Советиш геймланд, I и II, М., 1966.

6. Материалы по библиографии Бергельсона см. в сб. "Висншафт ун революция", №№ 1, 2, Киев, 1934, стр. 67.

7. Оставшиеся в рукописи сочинения В. Штеймана были собраны в Варшаве и опубликованы в его сборнике "Драмен" ("Драмы" — идиш), Варшава, 1922. Об оценке творчества Штеймана в Советском Союзе см. указ. ст. Г. Ременника, стр. 138-139.

8. Наиболее полное собрание сочинений О. Шварцмана увидело свет в Киеве в 1935 г., "Лидер ун брив", а также сб. "Але лидер ун брив", М., 1961.

9. М. Литваков. "Бихер вельт" № 1, Киев, 1919, стр. 19-25. Ответ Бергельсона "Дихтунг ун гезелшафт-লেখкайт ("Поэзия и общественность" — идиш), №№ 4, 5, Киев, 1919, стр. 1-16.

10. М. Литваков "Дер эмес" ун ди литератн" ("Дер эмес" и писатели, идиш) — "Дер эмес", М., 9 января 1922, а также в его "Ин умру", т. 2, стр. 74-79; ответ участников "Штром" был напечатан как открытое письмо в "Дер эмес" 13 января 1922 г.

11. Подробности об этой культурной деятельности можно найти в следующих книгах: Я. Лещинский "Дос советише иднтум ("Советское еврейство", идиш), Нью-Йорк, 1941, С. М. Шварц The Jews in the Soviet Union ("Евреи в СССР"), 1951; Н. Майзель "Дос идише шафн ун дер идишер шрайбер

ин Советфарбанд“ (“Еврейское творчество и еврейский писатель в Советском Союзе“, идиш), Нью-Йорк, 1959, “Пирсумим иехудиим бе-брит ха-моаот 1917—1960“ (“Еврейские издания в СССР с 1917—1960“, иврит под ред Х. Шмерука), Иерусалим, 1961.

12. Очень важная и характерная статья о будущем литературы на идиш в Советском Союзе была опубликована Д. Бергельсоном еще в 1926 г. Ср. Д. Б. (Давид Бергельсон) “Драй центрен“ (“Три центра“, идиш) в “Ин шпан“ № 1, Вильна — Берлин, апрель 1926, стр. 84-96.

13. Единственным изданием на идиш, выпущенным Всероссийским Пролеткультом, которое мне удалось разыскать, была брошюра со стихами Хаима Гильдина “Хамеркланген“ (“Звуки молота“), М. 1922.

14. По статье Б. Оршанского “Дер биргеркриг ин дер литератур“ (“Гражданская война в литературе“, идиш), “Дор штерн“, № 1, Минск, 1925, стр. 59—62.

15. В 1933-37 гг. В Киеве выходил литературный журнал “Фармест“ вместо “Пролит“ и “Ди ройте вельт“, ликвидированных после известного постановления ЦК партии от апреля 1932 года. Ежемесячник “Советише литератур“, издававшийся в Киеве в 1938—1941 гг. служил продолжением “Фармест“. В 1934—1941 гг. в Москве было опубликовано 9 томов альманаха “Советиш“. В 1936—1940 гг. в Биробиджане выходил трехмесячный литературный журнал “Форпост“.

16. Резолюция по вопросам литературы от апреля 1927 г. была опубликована в “Ди ройте вельт“, №№ 5, 6, Харьков, 1927., стр. 151-153. Резолюция от 30 и 31 мая 1929 года, предложенная М. Литваковым, была опубликована в “Дер эмес“ 2 июля 1929 года.

17. М. Левитан “Дер идеологишер вег фун унзер литератур“ (“Идеологические пути нашей литературы“, идиш), “Пролит“, № 4, 1929, стр. 64.

18. Цитируется по статье А. Абчука “Аф фремде вегн“ (“По чужим дорогам“), издательство “Пролит“, №№ 8, 9, 1928.

19. От 30 мая 1929 года.

20. См. об этом в "А шпигл ойф а штейн" (под ред. Х. Шмерука), Тель-Авив, 1964, стр. 761.

21. Подробности о деле Квитко см. там же, стр. 751.

22. Критические статьи о книге Кульбака можно найти: Х. Дунец "Критише этюдн" ("Критические этюды", идиш), Минск, 1933, стр. 25—39, И. Бронштейн "Фарфестикте позициес" ("Укрепленные позиции"), М., 1934; о "положительных героях" ср. там стр. 175-179. Обе статьи были до этого напечатаны в ежемесячниках.

23. Статья вместе с письмом Гофштейна вышла в "Дер эмес" за 22 октября 1929 года.

24. Цитата приводится по статье Х. Шмерука "Дер Нистерс "Унтер а плойт" ("Под забором" Дер Нистера, идиш), "Ди голдене кейт", № 43, Тель-Авив, 1962, стр. 47-68. Расширенный английский вариант этой статьи *Der Nister, Under a Fence, Tribulations of a Soviet Jiddish Symbolist* ("Невзгоды советского писателя символиста, пишущего на идиш"), *The Fields of Jiddish*, второй сборник (ред. У. Вайнрах), Гаага, 1965, стр. 263-287.

25. См. фотографию оригинала письма Дер Нистера в кн. Х. Шмерука "Дер Нистер. Хайяв вецирато" ("Дер Нистер, Жизнь и творчество", иврит), в "Дер Нистер. "Ха-нацир веха-гедаях", рассказы, стихотворения, статьи. Иерусалим, 1963, стр. 15, 16.

26. Ицик Фефер. "Цешметерн дем идишн национализм" ("Долой еврейский национализм", идиш), "Фармест", № 1, 1934, стр. 196-197.

27. См. об этом Х. Шмерук "Публикации на идиш в СССР с конца 30-х годов по 1946 год в "Исследованиях Яд-Вашем — еврейской катастрофы и сопротивления", т. 4, 1960, стр. 114-117.

28. Переводы Л. Резника из средневековой поэзии на иврите были опубликованы в "Дер штерн", №№ 11, 12, Минск, 1940, стр. 99-107.

29. Об этой обработке см. введение к "А шпигл ойф а штейн", стр. 23-29. Много материала о вариантах текстов собрано в примечаниях к указ. изд., стр. 773-804.

30. См. хасидскую легенду о пойманной птице и о рабе, отказывающемся покинуть своего хозяина, в "Семье Машбер", т. 2, стр. 327-328 (перевод на иврит дан в примечании 25 к вступлению, стр. 40-41). Намек автора на действительность очевиден. Я не уверен, была ли эта глава напечатана в Советском Союзе. Одна глава из продолжения "Семьи Машбер" была недавно опубликована в Советском Союзе в журнале "Советиш геймланд", № 2, 1967, но без пояснений и ссылок на источник (Книга Исход, 21: 5, 6).

31. В 1939 — 1941 годы десятки пишущих на идиш из вновь завоеванных территорий — Польши, Румынии, Прибалтийских республик — добровольно присоединились к советской литературе. Среди них были беженцы из той части Польши, которая была захвачена Германией. Большинство из них уехало из СССР после войны. Их произведения и публикации в Советском Союзе ничем не отличаются от произведений советских писателей.

32. Во время войны и после нее в СССР выходили следующие периодические издания на идиш: "Эйникайт", — 1942 — 1948, Куйбышев — Москва, "Геймланд", Москва, всего 7 номеров, "Дер штерн", Киев, 1947 — 1948, 7 номеров, "Биробиджан", 1946 — 1948, всего 3 номера.

33. Книга была найдена среди уцелевших рукописей Маркиша. Отдельные главы были напечатаны в 1956 и 1958 гг. в "Идише шрифтен" и "Фольксштиме" в Варшаве и в "Совстиш геймланд", 1963. После многих отсрочек книга вышла в начале 1967 года, хотя на обложке стоит 1966 год.

34. Перед изданием в Москве книга была опубликована в Нью-Йорке в 1945 году. В том варианте поэмы, который включал "Шайн ун опшайн" ("Свет и отражение"), М., 1946, было сделано много исправлений, чтобы ослабить национальные элементы.

35. Драма Галкина вошла в его книгу "Дер бойм фун лебен" ("Древо жизни", идиш), М., 1949. Книга является библиографической редкостью. Это было одно из последних изданий на идиш перед разгромом ев-

рейской культуры. Только несколько экземпляров книги попало за границу.

36. Эта драма вышла в свет только за границей (Нью-Йорк, 1946). Во время войны и после нее Еврейский антифашистский комитет посылал произведения писателей на идиш за границу для опубликования. В результате удалось спасти довольно много книг, которые в СССР так и не были напечатаны.

37. X. Словес. "Ойсруф-цейхнс, фрег-цейхнс ун кламерн: финф йор Советиш геймланд" ("Восклицательные и вопросительные знаки и скобки: пятилетие "Советиш геймланд", идиш), "Идише культур", № 6, Нью-Йорк, 1966, стр. 4-17. Другие подобные статьи о "Советиш геймланд" — М. Абрамович "Кетав хайет ха-совети ха-хадаш бе-идиш" ("Новый периодический журнал на идиш"), "Молад", № 163, Иерусалим, Тель-Авив, 1962, стр. 11-17. Д. и А. Брумберг, Sovietish Heymland — An Analysis, New York, 1966.

ЛИТЕРАТУРА НА ИВРИТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Эти страницы посвящены только тем писателям, которые начали творческую деятельность на иврите при советском режиме и которых поэтому можно в целом характеризовать как "младшее поколение". Мы сознательно исключаем тех видных писателей, которые после захвата власти большевиками какое-то время оставались в России, а также и тех, которые оставались там до конца жизни, но были известны еще до революции.¹ Тот факт, что эти писатели младшего поколения избрали для своей литературной деятельности запрещенный или преданный остракизму иврит, а также то, что они работали вдали от современных центров литературы на иврите (в Палестине прежде всего), делает их неожиданное появление в литературе более чем заслуживающим исследования.

В обзоре их творчества нужно уделить внимание окружению этих писателей, которое оказывало на них эмоциональное воздействие в тяжелой борьбе за право творчества на иврите в Советском Союзе. Авраам Карив, один из авторов, которым посвящена эта работа, позднее так описывал этих писателей:

"Издали очень трудно понять чувство сиротливости и бедствия литературы на языке, потерявшем связь с родной почвой и нашедшем последнее прибежище в надписях на памятниках еврейских кладбищ. Оторванный от пластов родного языка, лишенный старых и новых книг, находясь во враждебном, полном опасностей мире... писатель нуждался в тепле и поддержке, необходимых ему".²

В другом личном свидетельстве автор описывает атмосферу, которая окружала тех, кто "утратил доверие", — служителей изгнанной ивритской музыки:

"Все вокруг было бесконечно странно и даже самое далекое существование мира иврита казалось не-

реальным. О себе могу сказать, что за все эти годы я ни разу не держал в руках Библии; даже хранить ее дома было опасно. Шло время, но ни одной печатной строчки на иврите не попадалось мне на глаза. В те годы я сохранил лишь свои старые спрятанные записи, которые доставал и перечитывал время от времени, чтобы хотя бы наедине с самим собой услышать звучащий шопотом иврит. Порой, когда я писал стихи на иврите, странные сомнения закрадывались в мою душу: не создал ли я сам этот язык в своем воображении?"³

Чтобы получить полное представление об этом необычном литературном явлении, необходимо хотя бы вкратце объяснить, каков был официальный статус иврита в СССР.

Формально не было в Советском Союзе никакого постановления, объявляющего этот язык вне закона. Однако в действительности он был на нелегальном положении. Тем не менее в первое десятилетие советской власти находились люди, осмеливавшиеся не только поддерживать "тлеющие угли" иврита, но и открыто добиваться формального признания литературы на этом языке.

Некоторые из них искренне верили, что запрещение иврита — результат временного недоразумения, которое в ближайшем будущем обязательно будет устранено. Двадцать лет спустя один из этих авторов так описывал свою непосредственную эмоциональную реакцию на этот запрет:

"Запретить иврит? Этот указ поражал отсутствием логики, казался противоречащим Октябрю!"⁴

Лояльность этих энтузиастов иврита по отношению к советскому режиму подтверждается несколькими источниками.

"Все они были горячими приверженцами советской власти, а некоторые даже являлись членами коммунистической партии", — свидетельствует американский писатель, посетивший в 1929 году Советский Союз, где он познакомился с группой молодых литераторов, так же, как и он, писавших на иврите.⁵

Карив утверждает, что некоторые из этих писателей "от всего сердца верили в рождение нового мира и хотели найти в нем место для языка иврит, которому они были преданы. Они считали иврит последним, что уцелело и должно быть спасено из мира, якобы обреченного на уход с исторической сцены".⁶

Бойкотировать иврит так же казалось бессмысленным даже с чисто пролетарской точки зрения. Как можно объяснить враждебность к языку, на котором в древности были высказаны принципы социальной справедливости, иными словами — революционные идеи? Ревнителю иврита считали революционный режим непоследовательным в этом вопросе. Характерно, что во многих документах они подчеркивали прогрессивный характер иврита. Некоторые русские деятели культуры, главным образом из мира литературы и искусства, разделяли взгляды сторонников иврита и присоединялись к их протесту против дискриминации иврита и литературы на нем.⁷

Эти попытки изредка были успешными, принося некоторые уступки. Но, как правило, преобладала враждебная атмосфера, поддерживаемая узкими политическими расчетами. Иврит рассматривался как язык раввинов и клерикальной реакции, как орудие сионизма — прислужника британского империализма. При таком подходе "даже "Интернационал" в переводе на иврит звучит контрреволюционно".⁸ Отсюда в Советском Союзе получилось нечто необычное даже для цензуры тоталитарного государства: литературные произведения запрещались не всегда из-за опасного содержания, а просто потому, что их язык считался вредным и опасным (реакционным, буржуазным, клерикальным). Каким бы невероятным это ни казалось, но даже коммунистические и явно просоветские произведения на иврите, а также переводы русской литературы на иврит были запрещены в СССР.

Совершенно невероятными были усилия, предпринятые горсткой энтузиастов, добивавшихся разрешения иврита. С одной стороны, власти отрицали, что иврит подвергается гонениям, однако в то же время они

утверждали, что "это мертвый язык, а мертвецы не имеют прав". Писатели на иврите возражали: "Мы советские писатели, пишущие на иврите, а нас душат; в Советской стране нашлось место для двухсот языков, почему в нем отказывают ивриту?"⁹

Молодые писатели обращались к власти несколько раз за разрешением организовать литературные вечера и издавать периодические журналы на иврите. До некоторой степени эти действия, по-видимому, стимулировались тем, что официальная линия по отношению к ивриту все еще казалась неопределенной. Как уже отмечалось, формального запрета не было, кроме того, оперативные указания по этому вопросу не всегда отличались четкостью. Эту неопределенность отчасти можно объяснить практическими соображениями: перед лицом общественного мнения, по крайней мере зарубежного, удобнее было не иметь никакого официального постановления и подавлять иврит на практике. В какой-то мере эта неопределенность была обусловлена также и нерешительностью властей в этом вопросе: у мыслящих людей могли зародиться сомнения в разумности и справедливости запрета. (Не следует забывать, что 20-е годы существенно отличались от последующих лет жизни при советской власти). С другой стороны, тот же недостаток ясности представлял дополнительный источник осложнения для сторонников иврита. Характерно, что некоторые петиции настойчиво требовали определенного ответа со стороны властей, чтобы избавить их авторов от тягостных сомнений. В одном из таких заявлений (1927 год) говорилось:

"Если наш язык по непонятным для нас причинам вреден и контрреволюционен, то мы требуем его запрещения законом. Если же национальная политика допускает существование всех языков, то мы требуем закона, запрещающего его преследование".¹⁰

Такие заявления и петиции были внешним выражением упорной борьбы за иврит в СССР. Более постоянной ценностью обладает творчество на иврите, продолжавшееся в этих условиях.

Первый результат проявился в ряде "изданий" — рукописных и размноженных на гектографе, — которые передавались из рук в руки. Один такой журнал ("Из бури") раз в две недели выходил в Харькове, в других местах его переписывали сторонники иврита.¹¹ Ряд произведений на иврите выпустило издательство "Хехалуц". В 1925 году центральный комитет нелегальной организации "Тарбут" начал выпускать на гектографе журнал "Заполнение пробела", всего вышло 3 номера.¹²

Некоторые начинания потерпели неудачу, другие принесли довольно существенные результаты. Так, брошюра "Гааш" ("Наступление"), в которую вошли три поэмы Мили (Шмуэля) Новака, вышла в Киеве в 1923 году. История ее издания любопытна и поучительна. 25 марта 1923 года автор попросил местные издательские органы опубликовать его книжку. Он представил три поэмы и подчеркнул их социально-революционные мотивы. Поскольку "издание литературы на иврите является принципиальным вопросом", местные власти обратились за советом к центральным, приложив заключение местного "политического редактора" (Когана). Заключение это весьма поучительно, и его стоит привести полностью:

"Сборник из трех поэм представляет попытку на древнееврейском языке передать веяния нашей коммунистической модернистской поэзии. Влияние в них Блока и Маяковского несомненно. Стих звонкий, местами резкий. "Сказание об Октябре — панегирик Октябрю с сильным отвращением к миру прошлого и его морали. "Завеса мрака" трактует об одной из язв нашей действительности — о проституции и о том ужасе, которым опустошены наши души в связи с этим. Отрывок "Послание" — отражение оборотной стороны революции, ужасов контрреволюции.

Для кого предназначаются эти стихи? Ясно, что в другой обстановке, в Палестине, этот сборник был бы одним из материалов агитации КПП, ибо там значительная часть рабочих говорит по-древнееврейски.

В обстановке же нашей действительности этот

сборник будет предметом филологически-литературного смакования клерикально-буржуазной части еврейского общества. Ясно, что это издание нежелательно".¹³

К счастью, книга Новака вышла в свет, как уже сказано, в том же году, вопреки всем оценкам Когана.

Два других сборника, получивших официальное разрешение, заслуживают подробного рассмотрения. Это "Цильцелей шома" (древний музыкальный инструмент, напоминающий цимбалы), выпущенный в 1923 году харьковской группой, и "Берешит" ("Вначале"), вышедший в 1926 году.

Первую книгу привезла в Палестину делегация Профсоюзов (Гистадрут), присутствовавшая на сельскохозяйственной выставке в Москве. Создатели этой книги считали ее "плодом своей культурной деятельности, созревшим в годы революции" и возникшим как "одиноким остров в море равнодушия и враждебности к литературе и языку иврит". Они подчеркивали также "духовную близость" между собой и теми, кто не щадит своих сил во имя возрождения Палестины. Эти люди искали сочувствия своему "сиротству" и надеялись, что новая литература на иврите как-то скрасит их одиночество.¹⁴

Издание книги "Берешит" имеет интересную историю. Согласно официальным данным, она была опубликована в Москве — Ленинграде, но на самом деле ее напечатали в Берлине, как явствует из пометки на оборотной стороне титульного листа — "Druckerei Gutenberg, Berlin". Полуофициальное же объяснение этого факта состоит в том, что в то время якобы не хватало шрифтов на иврите в типографиях страны. Скорее можно предположить, что типографии страны не проявляли особого рвения печатать литературу на языке, к которому власти относились недоброжелательно. Другая версия состоит в том, что некоторые руководители отказались дать бумагу для издания на иврите. Во всяком случае "Берешит" была первой и последней публикацией, второй выпуск ее, хоть и был полностью подготовлен к печати, так и не

увидел света. Не больше трехсот экземпляров первого выпуска были допущены в Советский Союз.

Бойкот языка и литературы на иврите со стороны советских властей становится совершенно поразительным, если рассмотреть эти три книги. "Цильцелей шома" и "Берешит", как и сборник из трех поэм Миши Новака, выражали некую параллельную или двоякую лояльность — революции и ивриту. Все произведения в них свидетельствовали о том, что молодые авторы, пишущие на иврите (большинство из них поэты), с энтузиазмом приветствовали Октябрь. Некоторые умалчивали о политике нового режима по отношению к еврейским проблемам, но никто не проявлял враждебности к новому строю. Читатель мог убедиться, что они лишь стремились сохранить за собой право воспевать революцию на своем древнем языке. В их стихах много общего с русской революционной поэзией того времени, и в них преобладает тон декламации. В них явно ощущается влияние маршевых ритмов Маяковского, есенинской "хулиганщины" и блоковского символизма.

"Цильцелей шома" не только принимает новые социально-политические идеалы, но провозглашает литературный стиль Октября. Вступление представляет собой риторический вопрос: "Достойны ли опубликования эти строки?" Издатели отвечают: "Несомненно. Ведь Октябрь принимает поэзию плаката". Сборник полон восхваления всех сторон новой жизни — главных и второстепенных. Г. Ганович в статье о поэме Блока "Двенадцать" восхищается автором "красоты среди хаоса". Более того, освящение кровопролития и бесстрашие перед разбросанными по обочинам дорог мертвыми телами поражает его: "Блок знает, что во времена мировых потрясений, — пишет с одобрением Ганович, — нет места слезам и жалости. Мелкая личная этика не в счет, когда сталкиваются две гигантские системы". Время представлено здесь скорее как эпоха ниспровержения остатков прошлого, чем созидания нового. И. Борович разоблачает мир помещиков, военачальников и буржуазных собственни-

ков, восклицая: "Мы рвемся в бой, мы жаждем крови". Ганович готов отдать "свою кровь, чтобы украсить прогнившие стены красными плакатами". Любопытно отметить, что один из авторов "Цильцелей шома" представлялся не только по имени Яков Борухин, но и по должности — "красный солдат ГПУ".

"Берешит" является гораздо более значительной книгой. Ее объем — двести страниц, и в ней представлено больше десяти авторов. Ее содержание сложнее и разнообразнее как с эмоциональной, так и с идеологической точки зрения. О "Цильцелей шома" одна пишущая на иврите поэтесса русского происхождения говорила: "В книге ничего не сказано "о нашей еврейской судьбе в бурное время".¹⁵ "Берешит" же уделяет большое внимание еврейской тематике. Правда, темы эти рассматриваются под особым углом зрения. Как видно уже из названия книги, преобладающей тенденцией является провозглашение новых истоков, открытие новой главы в истории культуры на иврите. По крайней мере для некоторых авторов это обстоятельство означало отказ от традиции и наследия прошлого. Еврейская литература отныне будет черпать вдохновение почти исключительно в идеях революции. В отдельных стихах еще слышится плач по умирающим традициям еврейского местечка, но создается впечатление, что в конечном счете восторжествует триумфальное шествие революции, которое заглушит этот плач и причитания.

"Революция — это единственная наша жизненная реальность, мы предпочитаем смерть агонии, загниванию остатков прошлого", — заявляет З. Бройн (второй псевдоним М. Хаега). Шимон Хабоне, анализируя "Га-аш" Новака, обвиняет его в "недостатке органической ленинской преданности Октябрю".¹⁶ В другой статье этот же автор радуется исчезновению еврейского местечка старых времен и его символа — лавочника, которому не место на советской почве.

В звучании "Берешит" немало и элегических ноток. Оборник открывается поэмой А. Криворучки (Карив), который пытается успокоить боль о быстро ухо-

дящем прошлом "вестниками грядущего". Но старый "безымянный город", в котором прошла его молодость, встает перед ним, объятый горем и унижением, — и он не в силах противостоять этому горю.

Так же разрывается сердце и И. А. Цфасмана. Ему хочется обнять и появляющееся новорожденное дитя, и дряхлеющего деда. М. Новак в отчаянии обращается к бабушке: "Твой внук лишь гасит искры в своей душе, но свежего огня не зажигает. Кто же осветит ему сумрачную ночь?"

Интересно, что несколько коротких рассказов известного русско-еврейского писателя И. Вабеля — единственные переводные произведения в сборнике (в примечании указывается, что это авторизованные переводы). Среди них — "Гедали". Рассказчик в роли красного кавалериста (в бурные дни гражданской войны) оказывается в лавке Гедали, который делится с ним своим весьма оригинальным представлением об интернационале как "интернационале хороших людей". "Революция", — поясняет он, — скажем ей "да", но разве мы скажем "нет" субботе?" Очевидно, большая часть группы "Берешит" задавалась подобными вопросами и сомнениями.

Следует сказать несколько слов о Шимоне Хабоне. Не потому, что он обладал большим мастерством, но потому, что он в необычной форме передает своеобразную идею, которую можно назвать "иврит—коммунизм". У него зародилась фантастическая идея большевизма, преданного развитию иврита и литературы на нем. Иврит в данном случае представляет собою ценность сам по себе, это средство революционного искупления за отрыв от еврейского исторического наследия и чаяний сионистов. Этот взгляд не был свойствен всем молодым ивритским литераторам, но и не противоречил полностью их официальной линии, если можно так сказать. Другой защитник иврита, выступая от лица некоего коллектива, сказал: "Мы не сионисты. Мы совсем не думаем, что этот маленький, как фиговый листок, клочек земли, на которой живет лишь небольшая часть мирового еврейства, является главным

условием, без которого иврит теряет свой смысл и содержание".¹⁷

Столь же показательными являются жалобы на старых, маститых писателей, пишущих на иврите, которые "из страха перед Октябрем отошли от борьбы, сбежали, исчезли".¹⁸ Молодые же писатели в первые годы советской власти совсем не думали об эмиграции, а скорее о новом "ивритско-революционном" центре в Советском Союзе. В 1927 году ленинградская группа писателей обнародовала следующую знаменательную декларацию:

"Несмотря на всех малOVERов, мы живем здесь как граждане Советского Союза, разделяющие его радости и горести. Мы выросли вместе с революцией. Мы не хотим скитаться по чужим странам, убегая от трудов новой жизни. Россия, которая наложила свой отпечаток на нашу литературу на иврите в течение последних 100 лет, снова станет для нас источником вдохновения и новой основой для золотой нити нашей древней и одновременно молодой литературы".¹⁹

Эти мечты были рождены искренней верой в гармонию революции и культуры на иврите, нарушаемую лишь временно. Такие иллюзии владели умами не только молодых фанатиков иврита. Известный писатель, уехавший из России в первые годы революции, написал в 1919 году нечто вроде манифеста, названного "Ивритский коммунист", в котором он горячо приветствовал революцию и предсказывал видную роль культуры на иврите и "красного еврейства" в битвах революции и в новой жизни.²⁰ Еще более своеобразным явлением представляются те религиозные вожди, которые были склонны верить, что революция является неким мессианским периодом, "ибо все совершается по воле Бога" и "Есеомогущий облекся в материю, и свет сверкнул в мире".²¹

Эти два примера, хоть и являются нетипичными крайностями, помогают понять эмоциональную подоплеку широкого распространения подобных иллюзий среди молодых сторонников иврита. Следует отметить, что при всей своей беззаветной вере в революционные

идеи они не опускались до лести и заискивания перед властями.

Судьба этих идеалистов весьма поучительна: пятеро из соавторов "Берешит" и несколько других литераторов, решительно высказавшихся о будущем творчестве на иврите, позднее эмигрировали из СССР в Палестину.²¹ Тем, кто остался в Советском Союзе, суждено было погибнуть или "исчезнуть" тем или иным путем.

Ограниченный объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на произведениях всех писателей, писавших на иврите в Советском Союзе. Но хотелось бы упомянуть имена хотя бы следующих авторов: Цви Прейгерзон, Бат-Хама, И. Алшариф, Пьер Эдни, Арон Олин, Гершон Фрид и Шмуэль Лотеш. Особое внимание будет уделено трем наиболее выдающимся фигурам.

Прозаик Авраам Фриман стал известен благодаря своему роману "1919". Роман должен был состоять из 4 или 5 томов. Первые три тома были опубликованы в Тель-Авиве.²³ Неясно, пропали ли два остальных тома, или автор так и не успел закончить свое произведение. За ту часть романа, которая была издана, автор был удостоен в Тель-Авиве литературной премии имени Бялика.

В книге Фримана дается широкое полотно жизни украинских евреев в тяжелые времена гражданской войны. Это было время хаоса и неразберихи для всего населения, для евреев оно было отмечено кровавыми погромами. Фриман рисует смертоносный 1919 год в необычном свете. Автор описывает не столько жертвы, сколько сопротивление насилию со стороны евреев, боровшихся под лозунгом "дорого отдать свою жизнь". Шломо, организатор и руководитель отрядов обороны, возглавляет пестрый состав действующих лиц романа. Он мстителен и бесстрашен, не ждет естественной смерти. Как руководитель он весьма практичен, стремится обеспечить своих людей всем необходимым, но прежде всего заботится о том, как из разрозненных сил в сотнях еврейских местечек создать сеть способных

к обороне отрядов. Его солдаты хорошо дисциплинированы и не только сильны духом, но готовы дать отпор врагу. Они стремятся отстаивать свое достоинство в бою, а не в дискуссиях, где можно блеснуть эрудицией и знаниями.

Эпическое повествование Фримана обнаруживает недюжинное искусство наблюдателя, хотя можно отметить несколько излишнее увлечение деталями. Он обладает чувством юмора и неотразимой иронией. Так, непрерывные смены власти заставляли еврейское местечко искать политических союзников, Вот жители местечка ждут великороссов — " пусть придет медведь и наведет порядок в стаде". В другой раз их надежды обращены к казакам. Но вскоре выяснилось, что казаки искали не "земли и свободы". Иногда евреи ждали спасения от большевиков: ведь под лозунгом о мире и справедливости их вел Арье сын Давида (Лев Давидович Троцкий).²⁴

Фриман рисует человеческие эмоции, дает описания природы. Весна изгоняет холод и вместе с ним — на время и страшные воспоминания о недавних бедствиях. Как бы перефразируя строки поэмы Вялика (о кишиневском погроме "Бог призвал весну и бойню"), автор пишет, как евреи "в 1919 году" дивятся весне и покою, "весна настала, а гонителей нет...", и пробуждаются инстинкты жизнелюбия.

О личности Фримана можно судить по его письмам.²⁵ Это был очень чуткий человек, всегда полный жизни. Его речь была полна вдохновения.²⁶ Но, деятельный и общительный, он был обречен на одиночество и страдание. Невозможно было уйти от бед в литературу: ему не пришлось увидеть ни одной напечатанной строки своего романа, изданного только за границей. Порой он не выдерживает: "Долгие годы пишу я и посылаю свои работы, а отклика никакого... Как давно не видел я ни одной книги на иврите... Видимо, кто-то нарочно лишает меня всего этого".²⁷ В условиях такой замкнутости не только роман "1919" является большим эпосом, — сам путь писателя воспринимается как подвиг.²⁸

Много лет надеялся Фриман уехать в Палестину, но надежды его не сбылись. Он родился в маленьком местечке на Украине в 1890 году. В 1934 году был арестован в Одессе и освобожден через несколько месяцев. В 1936 году его снова арестовали и выпустили на этот раз через десять лет (премия им. Бялика была присуждена ему, когда он был в тюрьме). Фриман умер в декабре 1953 года.

Поэт Элиша Родин родился в 1888 году. Он начал писать на идиш, а на иврит перешел, когда последний оказался под социальным и политическим запретом.

Поэтический диапазон Родина не широк. По-видимому, он не владел в совершенстве языком. Иногда он жаловался, что редакторы (периодических журналов в Палестине, где он публиковал свои произведения) исправляют его слишком строго. В то же время он сам с удивлением отмечал, что в своем положении еще может писать на иврите. Ни с чем не сравнимая боль звучит в его словах: "Я уже начинаю забывать язык, на котором пишу".²⁹ Тем не менее его стихи с большой силой передают всю меру правды и страдания. В одном из них он признается: "Ничего необычного я не принес, лишь приношу свое сердце".

Любовь Родина к ивриту, Библии и еврейской земле доходит до религиозного преклонения. Эти три темы неразрывно связаны между собой, но вместе с тем каждая имеет особое звучание в мире поэта. Он преисполнен любви к языку своего народа: "это язык языков", "источник всех благословений", "праматерь поэзии", "утешение в несчастье", "последний остаток наших сокровищ". Униженный в стране поэта язык становится для него "великим божеством". Он любит и преклоняется даже перед словарем иврита: "с его страниц взывают поколения". Уже отмечалось, что молитвы и гимны Родина языку иврит напоминают поэзию Иегуды Галеви в его песнях о Сионе. "Наша поэзия никогда так не воспевала иврит, который стал для Родина... новой легендой".³⁰

В стихах, посвященных Библии, Родин считал своим долгом нести "бремя пророков среди презрения

и осмеяния". О древней возрожденной Палестине он пишет: "Все мои помыслы с тобой, тобой одной".

В заметках, озаглавленных "В стране огня", Родин взвешивает все "за" и "против" революции. Он приветствует ее, но не может простить ей "тех слез", которые она стоила людям. Среди его высказываний есть такое: "Не родились еще те идеалы, которые могли бы морально оправдать уничтожение с земли нашего образа, образа, запечатленного в иврите с незапамятных времен". Он не может также простить революции профанацию Библии, которую он вынужден "заворачивать в "Правду", чтобы укрыть ее от вражеских глаз".

"В стране огня" упоминается сын Родина Гриша (Григорий). Это еще один источник страданий в жизни поэта. Когда мальчик приходил из школы, отец за закрытыми дверьми читал ему главы из Библии, чтобы "проветрить" мозги, напичканные пятилетними планами, клеветой на Бога, иудаизм и человечность". Но завтра в школе мальчику снова придется слушать наветы на Библию. "Их много, а я один. Кто победит?".

Борьбу за Гришу ему приходилось вести также с матерью мальчика. Семейная жизнь Родина была несчастливой. Очевидно, все его поведение, особенно его попытки воспитать в сыне еврейское самосознание, вызывали у жены лишь насмешки. Когда Родин начал писать на иврите, его исключили из Союза советских писателей, лишив тем самым материальных преимуществ, обеспечиваемых Союзом. Поэт был вынужден зарабатывать на хлеб тяжелым неквалифицированным трудом, ему приходилось работать дворником. Ко всем бедам время от времени его заставляли проходить диспансеризацию в психолечебницах и систематически "приглашали" в НКВД. Все это еще больше восстанавливало его жену против него. По ее мнению, его страдания и жертвы были неоправданны и бессмысленны. Она жила в постоянном страхе, что в любой момент ее и Гришу могут посадить в тюрьму или выслать, и это было ей тем обидней, чем более чуждыми казались ей взгляды мужа. Не выдержав, в 1941 году, когда

немцы подходили к Москве, она ушла от мужа, взяв с собой сына.

Гриша пошел добровольцем в Красную Армию. У него, очевидно, как и у отца, была эмоциональная натура. В то время он ощущал большую, чем когда-либо, привязанность к отцу, и в своих письмах выражал поддержку его идей. Из армии Гриша прислал несколько стихов на русском языке, на которые отец ответил стихами на иврите. В некоторых своих стихах Гриша видит себя "печальным, но ободренным, так как он стал немного понимать отца". Причины, побудившие его пойти на фронт, помогли ему "глубже понять самого себя". Вспоминая эти признания сына, отец писал: "Я знаю, что прежде, чем сомкнуться навеки, твои глаза открылись ивриту".

В марте 1942 года Гриша, 17-летний мальчик, погиб на Калининском фронте.

Родин посвятил горячо любимому сыну цикл стихов, часть которых написана при его жизни и часть — после его смерти. Вскоре после гибели сына произошло любопытное событие: поэт обратился к властям с официальным заявлением о разрешении выслать в Палестину стихи о сыне, написанные на иврите. Вот полный текст этого документа:

"Уважаемые товарищи военные цензоры!

Посылаемые мною стихи посвящены моему сыну, Родину Григорию Абрамовичу, который добровольцем пошел на фронт и пал на поле брани под Калинином 14 марта 1942 года.

Стихи написаны на языке Библии, языке моего детства, языке моего народа, языке, который я люблю, как любит музыкант свой музыкальный инструмент, потому что только на этом языке я способен выразить свои чувства.

Я прошу Вас показать эти стихи человеку, достаточно знакомому с этим языком, не связанному с национальными чаяниями евреев в Палестине и способному честно и объективно рассмотреть эти стихи. Я уверен, что точный и честный перевод моих стихов убедит Вас в возможности переправить их в Палестину без-

отлагательно, так как они служат нашим общим интересам — уничтожению Гитлера.

В память о моем сыне, который незадолго до своей смерти выражал удовлетворение тем, что я писал о нем, я прошу Вас отнестись к этим стихам с уважением и отправить их в Палестину, где публикуются мои сочинения.

С уважением,

поэт, пишущий на иврите, Элиша Родин“.

Просьба Родина была удовлетворена, и его стихи "Сыну" были опубликованы в Палестине.³¹ Пожелание поэта покойному сыну осуществилось: "Пусть твоя душа вместе с моей живут вечной жизнью нашего языка“.

Как указывает сам Родин, его произведения печатались и раньше в Палестине,³² но это никогда не делалось с официального разрешения советских властей. На этот раз обстоятельства и интересы военного времени способствовали разрешению. Москва руководствовалась тем соображением, что стихи на иврите поэта из России могли возбудить симпатии мирового еврейства. Но, сделав такой жест, власти не могли обойтись без традиционной "ложки дегтя". Экземпляр "Сыну" был послан Родину из Тель-Авива на адрес Еврейского антифашистского комитета в Москве, где Родин подрабатывал в качестве переводчика советской поэзии с идиш на иврит. Кое-кто из работников Комитета постарался, чтобы книга не попала автору в руки, и даже скрыл от него ее прибытие. Все же в конце концов благодаря разным ухищрениям Родину удалось увидеть свою книгу напечатанной.³³ Родин, проживший всю жизнь до последнего часа в страданиях, скончался в московской больнице в 1947 году.³⁴

Третий автор, на творчестве которого мне бы хотелось остановиться, — Хаим Ленский. Его поэзия настолько богата и выразительна, что приходится удивляться, как он мог достигнуть такого уровня, будучи оторванным от культуры на иврите и языкового окружения. Этот "соловей без гнезда"³⁵ внес выдающийся вклад в современную литературу на иврите.

Печальная история его жизни. Он родился в 1905 году в местечке Слоним Гродненской губернии. Его родители разошлись, когда ребенок едва вышел из колыбели. Мальчика стал воспитывать дед, человек религиозный и всю жизнь тяжело работавший. В 12 лет Ленский начинает писать первые стихи. В это же время в нем пробуждается страсть к чтению. Когда Гродно и его окрестности были оккупированы немцами в первую мировую войну, он умудрился выучить немецкий язык, и его любимым поэтом стал Гейне. В 1921 году его дед умер. Некоторое время Ленский посещал семинар для учителей иврита в Вильне. В минуту страшного отчаяния Ленский пытался покончить с собой. Это произошло в 1923 году. Затем он получил письмо от отца из Баку и нелегально перешел границу в Советскую Россию. Трудно сказать, какие мотивы побудили Ленского к этому шагу — желание увидеть отца, о котором он не слышал много лет, некоторые симпатии к Советскому Союзу, простое любопытство узнать, что происходит по ту сторону границы, или все вместе взятое. Испытав немало трудностей (короткий период заключения, разочарование после встречи с отцом, поиски работы), он уезжает из Баку в Москву в конце 1925 года, а оттуда в Ленинград³⁶.

Здесь расцвело его поэтическое дарование. В стихах ленинградского периода чувствуется привязанность поэта к местам его детства, где он получил свои первые жизненные впечатления. Хвалебной песнью звучит его отмеченная тоской по родине поэма "Литва", в которой он не без юмора описывает сцены из своей юности. Поэт вспоминает любимого деда, сочетающего физическую силу с еврейской традицией: "филактерии на прекрасных мускулистых руках". В одном из стихотворений цикла "Петрополис" Ленский пишет, что он "дитя литовских лесов, напоенное соком деревьев", и спрашивает: "Что делать мне на берегах Невы?" Поэт жаждет распротиться с утомительной и шумной жизнью города и посвятить себя "небесной тишине", которая ассоциируется у него с мерцанием субботних свеч. К другим сторонам советской действительности,

главным образом моральным, поэтическая реакция в цикле "Петрополис" двойственна.

В Ленинграде, как вспоминает один из его друзей, Ленский практически не покупал одежды, но зато почти каждый день новая книга появлялась на его полках. На металлургическом заводе, несмотря на физическую слабость, он считался весьма квалифицированным рабочим. Вскоре он заболел туберкулезом, что послужило причиной освобождения его от воинской повинности.

В конце 1934 года Ленский был арестован, видимо, попав в волну массовых арестов, последовавших за убийством Кирова (1 декабря 1934 года). Представился случай напомнить поэту его грехи — преданность ивриту. Из лагеря Ленский послал Горькому заявление, в котором жаловался, что все его преступление состоит в любви к ивриту, языку Библии и Вялика (которым восхищался Горький). Но весьма сомнительно, что Горький получил это заявление.³⁷ Вскоре после освобождения Ленского началась война с Германией. Он пошел добровольцем в Красную Армию, но был вскоре демобилизован по болезни, что, однако, не спасло его от второго ареста. Он умер в лагере зимой 1942—43 года в возрасте 38 лет.

Эти биографические данные проливают свет на самые поразительные черты поэтической личности Ленского: в годы заключения лиризм его становится более выразительным и ярким. В стихотворении, написанном в ленинградской тюрьме 25 декабря 1934 года, он пишет: "Я весь пропитан душистой, полынной горечью".

Это настроение особенно ощутимо в стихах, написанных Ленским в Сибири, как будто ветры и метели Дальнего Севера стали для него новым источником вдохновения. Он рыл окопы и вместе с тем жил в мире поэзии. Поэта больше всего волновало, попадут ли его стихи в тель-авивские журналы,³⁸ поэтому они полны тревоги и беспокойства. Его душа раскрывается в стихах. Его волновал "север земли". Арестантские одежды не могут заглушить поэтической яркости стихов Ленского. Лишения сибирской ссылки смягчались вос-

приятие первозданной красоты окружающей природы, горечь понимания уступала место оптимистическим жизнеутверждающим мотивам.

Едва ли это означало желание уйти от действительности. У поэта не было иллюзий по поводу своей судьбы, но он не хотел "выбрасывать скрипку, пока хоть одна струна звучала радостно". Бряд ли мог Ленский повторить гордые слова русских революционеров времен царизма: "Сибирь ведь тоже русская земля". Тем не менее он ощущал здесь какос-то огромное поэтическое вдохновение. Возможно, белизна сибирских снегов напоминала ему изначальную чистоту человеческой души. Возможно, наедине с красотой природы он чувствовал себя защищеннее в своем внутреннем мире или его поэзия жила своей свободной самостоятельной жизнью. Во всяком случае, он остался поэтом до конца. Образ поэта кратко и выразительно обрисован в стихотворении, в котором автор обращается к своему равнодушному конвою и просит его: "Дай мне допеть до конца мой гимн солнцу и благословить наслаждение его красотой".

Иврит щедро вознаграждал поэта своей красочностью. Однако любовь поэта к ивриту отмечена мученичеством. Ленский не тешил себя иллюзиями по поводу своей судьбы. Он отлично понимал, что ожидает его как автора, пишущего на иврите. Он сравнивает себя с одиноким зверем, затравленным врагами; погибая в муках, он все равно сознает себя "последним ивритским поэтом на чужой земле России".

В 1939 году, когда Ленский находился в лагере, в Тель-Авиве вышел сборник его стихов.³⁹ В течение долгого времени нельзя было получить никаких сведений ни о Ленском, ни о его творчестве. Поэтому таким чудом оказались привезенные в Израиль в 1958 году удивительным образом сохранившиеся пожелтевшие записные книжки Ленского. Они содержали нежданное литературное наследие, записанное характерным мелким почерком Ленского (известным его друзьям). В них было записано 131 новое стихотворение и 65 ранее опубликованных. За год или два до смерти Лен-

ский доверил их своему другу, и тот хранил их в течение 20 лет.⁴⁰

В одном из своих стихотворений Ленский писал, что дни его сочтены, но пока в нем еще теплится жизнь, он будет с надеждой посылать "маленьких голубей" из своего ковчега. К нашему счастью, "голуби" поэта, хотя, вероятно, и не все, достигли спасительных берегов.

В заключение можно предположить, что многие созданные в СССР произведения на иврите пропали бесследно, разделив судьбу авторов. Элиша Родин незадолго до своей смерти сказал: "Густые деревья поэзии на иврите были свалены одно за другим."⁴¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. После революции многие писатели, писавшие на иврите, уехали из России. В 1921 году получили разрешение уехать 12 писателей (и их семьи) во главе с Х. Н. Бяликом.

2. Авраам Карив (Криворучка), "Ха-анаф ха-гадуа" ("Срубленная ветвь"), Иерусалим, 1954, предисловие, стр. 12-13. Карив был одним из писателей, литературная деятельность которого началась при советском режиме. Он уехал из СССР в конце 1934 года.

3. Авраам Карив. "Мознаим", Таль-Авив, октябрь 1962, стр. 329.

4. И. Саарони, "Мишмар", Тель-Авив, 7 ноября 1943. Саарони — ранее Матов. Один из псевдонимов — Иосифон.

5. Даниэль Перский, "Ха-доар", Нью-Йорк, 20 января 1961 года.

7. Среди них был Максим Горький, который проявлял особый интерес к культуре на иврите. Вместе с другими он защищал еврейский театр "Габима", который был основан в Москве после революции и выехал из СССР в 1926 году.

8. Саарони, указ. соч.

9. Саарони, "Ленинградская группа" в книге Х. Ленского "Меевер нхар халети". Тель-Авив, 1960, стр. 233-234.

10. А. Л. Ценципер, "Эсер шанот рдифот" ("Десять лет преследований", иврит), Тель-Авив, 1930, стр. 242.

11. Саарони. "Мишмар". Указ. соч.

12. Б. Злацин, "Беньямин Вест", "Нафтулей дор" ("Искания поколений"), т. 1, 2 изд., Тель-Авив, 1947, стр. 310-311.

13. Требование Новака, решение местных властей и заключение "политического редактора" приводятся как в русском оригинале, так и в переводе на иврит в книге под редакцией Йегошуа Гильбоа "Гехалим ла-хашот" ("Тлеющие угли"), Тель-Авив, 1954, стр. 378-380.

14. "Кунтрес", № 163. Тель-Авив, 1924.

15. Элишева, "Ха-шилоах", т. 43, Иерусалим, 1925, стр. 471-747.

16. Ср. с высказываниями "политического редактора" Когана.

17. Ш. Руси, "Ктувим", Тель-Авив, март 1927 года.

18. Иосифон, "Ктувим", Тель-Авив, август 1926 год.

19. Ш. Руси, приложение к газете "Давар", март 1927 года.

20. Элизер Штейнман, "Ха-коммунист ха-иври", Одесса, 1919. Перепечатано в "Орлогин", № 5, Тель-Авив, 1952, стр. 311-316.

21. Цитируем по А. А. Гершуни. "Яхадут ха-русия ха-советит" ("Еврейство в Советской России"). Иерусалим, 1961, стр. 127-128. Следует подчеркнуть, что эти мнения не типичны для еврейской религиозной литературы, которая с такой преданностью создавалась и собиралась в Советском Союзе и лишь частично была опубликована там же. Эта литература является замечательной главой в истории еврейства СССР.

22. Среди участников "Берешит", уехавших из СССР в Палестину, были А. Криворучка (Карив), Иохевед Бат-Мириам, Д. Гур (Пинес), Г. Ханович и И. Норман. За ними последовали Элишева, И. Матов (Иосифон, Саарони) и Ш. Руси (Сосенский). Писателям Советского Союза, писавшим на иврите, посвящены разделы "Пирсумим иехудиим бе-брит ха-моацот" ("Еврейские публикации в Советском Союзе, иврит), ред. проф. Х. Шмерук, Иерусалим, 1961, стр. 17-41 и 406-409 и предисловие Иегуды Слуцкого, стр. 19-54. В предисловии также перечислены произведения на иврите, написанные в СССР, изданные на пределах Советского Союза.

23. А. Фриман, "1919", т. 1, Тель-Авив, 1930, т. 2, 1935, "1919" (три части), Тель-Авив, 1968.

24. "Арье" (иврит) — лев, Лев.

25. Автор данной статьи выражает благодарность А. Кариву за предоставление ему писем Фримана.

26. А. Карив, "Мознаим", указ. соч., стр. 330.

27. И. Опатошу, "Замельбихер", № 8, Нью-Йорк, 1952, стр. 211.

28. А. Карив, "Ги́лино́т", т. 1, № 5, Тель-Авив, 1934.
29. Из письма в "Давар" за 10 апреля 1942 года, Тель-Авив.
30. А. Карив, "Ха-анаф ха-агуда", уза. соч., стр. 200.
31. Элиша Родин, "Лабен" ("Сыну", Тель-Авив, 1943. В этой книге приводится письмо Родину от комиссара дивизии, в котором он пишет о героической смерти Гриши, а также приведенное здесь письмо.
32. Кроме публикаций в периодических журналах, перед второй мировой войной был опубликован сборник стихов Э. Родина "Бефаатей нехар" ("На рубежах чужой страны"), Тель-Авив, 1938.
33. А. Суцкевер, "Ам васефер", Тель-Авив, август, 1963 года, стр. 45—46.
34. Рахель Корн, "Давар", 10 марта, 1959 г.
35. А. Карив, "Ха-анаф ха-гадуа". Указ. соч. стр. 17.
36. Из письма Кариву. Там же. стр. 182-185.
37. И. Бен-Маш (псевдоним сокамерника Ленского по заключению). "Меевер нхар халети". Указ. соч., стр. 252—254.
38. Там же, стр. 248—249.
39. "Ширей Хаим Ленский" ("Стихи Хаима Ленского", иврит), Тель-Авив, 1939.
40. Эти найденные стихи вместе с ранее опубликованными вошли в сборник Х. Ленского "Меевер нхар халети". Шломо Гродзенский, подготовивший книгу к печати, написал предисловие к этому изданию, в котором он комментирует записные книжки поэта и приводит его биографические данные.
41. Рахель Корн, указ. соч.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Абрамский Шимон родился в Минске в 1916 году. Изучал историю и философию в Еврейском университете в Иерусалиме. С 1939 живет в Англии. Преподаватель еврейской истории в Университетском колледже, Лондон; научный сотрудник колледжа Сент-Антони. Оксфорд. Автор работ по истории рабочего движения и о современном еврейском искусстве.

Эйнштейн Реувен родился в Вильне в 1917 году. Учился в Вильне и в Свободном университете в Брюсселе. Сотрудничал в периодических изданиях "Мидстрим", "Джуиш социал стадиз", "Джуиш куортерли", "Твентиз сенчури", "Интернейшнл афферс", "Таймс литерари саплимент" и в передачах Би-би-си. Занимался исследованием советской истории и литературы военных лет и катастрофой польского еврейства.

Гильбоа Иегошуа — израильский писатель и журналист. Родился в Пинске в 1918 г. В Израиле — с 1949 г. Один из ведущих сотрудников газеты "Маарив". Опубликовал антологию произведений писателей СССР на идиш и иврите с приложением очерка по истории развития еврейской литературы "Гехалим лахашот" ("Тлеющие угли"), 1954. В 1959 вышла его книга "Ал хорвот хатарбут хаехудит бебрит хамоацот" ("Еврейская культура СССР в руинах"). В 1965—1967 гг. состоял сотрудником Института восточноевропейского еврейства в университете Брандайза. С 1969 г. — сотрудник Института исследования диаспоры при Тель-Авивском университете.

Корей Уильям родился в Чикаго в 1922 г. Окончил Чикагский и Колумбийский университеты. Директор правления "Бней-Брит" при ООН, член Академии политических наук США, преподавал в Сити-колледж, Нью-Йорк и в университете Лонг-Айленд. Автор работ о правах человека и положении евреев в СССР, опубликованных в научных и массовых журналах.

Нов Алек — профессор экономики и директор Института исследования Советского Союза и Восточной Европы в университете Глазго. Из его работ — "Со-

ветская экономика“ (1961), ”Был ли в действительности необходим Сталин?“ (1964), ”Экономическая история СССР“ (1969).

Ньют Дж. А. — сотрудник Института исследования Советского Союза и Восточной Европы, университет Глазго.

Шехтман Джозеф — писатель и видный общественный деятель, родился в Одессе. Учился в университетах Берлина и Одессы. С юношеских лет участвовал в сионистском движении, участник Всероссийской еврейской конференции (Петроград, 1917) и Всеукраинской еврейской национальной конференции (Киев, 1918). Один из основателей движения сионистов-ревизионистов. Автор значительных работ по еврейскому вопросу, проблемам сионизма и еврейской демографии, в том числе: ”Погромы на Украине во время украинского правительства“ (1927), биография Жаботинского в 2-х томах. Умер в 1970 г.

Шмерук Хоне — профессор литературы на идиш в Еврейском университете в Иерусалиме, автор многочисленных работ по истории еврейской литературы.

Эттингер Шмуэль родился в Киеве в 1919 г. Профессор новой еврейской истории Еврейского университета в Иерусалиме. Автор многих значительных работ в области еврейской истории, главный редактор ”Очерков по истории еврейского народа“, редактор печатного органа израильского исторического общества ”Цион“.

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис : ЭКСОДУС
3. Др. А. И. Кауфман : ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит : ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав : НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Др. Е. Хисин : ДНЕВНИК БИЛУИЦА
7. Макс Брод : РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель : ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ : Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман : СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский : СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль : ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам : ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед : ХЕДВА И Я
16. Яков Цур : И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль : ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея : ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст : МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЯ
20. И. Домальский : РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон : ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер : УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш : ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)